ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Локонова Ангелина Евгеньевна

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНТРАСТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(германские языки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Левковская Нина Алексеевна

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯВЛЕНИЯ КОНТРАСТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 19
1.1. Понятие контраст: лингвистический аспект 19
1.2. Единицы контраста 24
1.3. Фигуры противоположности как стилистическая форма проявления контраста 29
1.3.1. Антитеза 29
1.3.2. Оксюморон 34
1.2. Контекст контраста 36
1.2.1. Границы контекста. 36
1.2.2. Лингвистический контекст контраста. 38
1.2.3. Стилистический контекст контраста. 42
1.4. Контраст и политический дискурс 45
1.4.1. К определению понятия «дискурс» 45
1.4.2. Политический дискурс в лингвистике 53
Выводы по Главе 1 59
ГЛАВА II. СТИЛИСТИКА КОНТРАСТА 62
2.1. К определению понятия «модель»: обзор различных подходов. 62
2.2. Методика моделирования: фреймовый анализ формирования контраста. 65
2.3. Когнитивные модели контраста. 67
2.3.1. Когнитивная модель (М1): взаимодействие двух фреймов на базе общего фокуса или терминала/лов. 68
2.3.2. Когнитивная модель (М2): взаимодействие двух фреймов, которое влечет появление нового фокуса. 71
2.4. Дискурсивные модели реализации контраста. 74
2.4.1. Дискурсивная модель реализации контраста в микроконтексте (ДМ1) 74
2.4.2. Дискурсивная модель реализации контраста в макроконтексте (ДМ2). 82
2.4.3. Дискурсивная модель реализации контраста в мегаконтексте (ДМ3)... 92
2.4.4. Дискурсивная модель реализации контраста в сверхтексте (ДМ4) 107
3.1. Роль стилистических приемов в контексте контраста. 117

3.2. Конвергенция стилистических приемов как средство усиления степени контраста. 130
Выводы по Главе 2 134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 138
БИБЛИОГРАФИЯ 143

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению лингвокогнитивных моделей, которые лежат в основе формирования такого явления как контраст, особенностям их реализации в англоязычном политическом дискурсе и роли стилистических приемов в формировании изучаемого явления.

Контраст, будучи явлением междисциплинарным и многоаспектным, вызывает большой интерес среди ученых в различных областях исследований. С философской, логической и лингвистической точек зрения базовой интерпретацией понятия «контраст» является «резко выраженная противоположность», что тесно связывает его с такими понятиями как «противоположность», «противопоставление», «оппозиция». В лингвистической традиции контраст принято рассматривать как явление стилистическое. Под контрастом понимается «композиционно-стилистический принцип развертывания речи, заключающийся в динамическом противопоставлении двух содержательно-логических (а также структурно стилистических) планов изложения»[1].

Изучение контраста как стилистического явления отразило явный перевес в сторону исследований феномена в художественном тексте

[1] Энциклопедия «Русский язык». – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2003. - С.115.

(В.А. Андреева[2]; О.С. Ахманова[3]; Ю.Н. Блинов[4]; Т.Г. Бочина[5]; Л.А. Введенская[6]; Л.В. Вертаева[7]; А.В. Кузнецова[8]; Лиао Лее-Йуех[9]; О.П. Мартынова[10]; Р.В. Селина[11]; Н.Ю. Степанова[12]; М.С. Торосян[13] и др.). Явление контраста в художественном тексте исследовалось с двух позиций: как реализация противоположности в языке в целом (Л.В. Балахонская[14]; Н.Б. Боева[15]; Е.А. Иванова[16]; С.В. Кодзасов[17]; В.Н. Комиссаров[18]; Кун Цзин[19]; В.А. Маслова[20]; Л.А.

---

[2] Андреева В.А. Литературный нарратив: дискурс и текст: монография / В.А. Андреева. – СПб.: Норма, 2006. – 182 с.

[3] Ахманова О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О.С. Ахманова // Вопросы языкознания. - 1977. - №3. – С. 47-54.

[4] Блинов Ю.Н. Приемы контраста в идиостиле В. Выготского: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.Н. Блинов. - М., 1994. – 185 с.

[5] Бочина Т.Г. Стилистика контраста. Очерки по языку русских пословиц / Т.Г. Бочина. - Казань: Изд-во Казан., ун-та, 2002. -196 с.

[6] Введенская Л.А. Проблемы лексической антонимии и принципы составления словаря антонимов: автореф. дис. … док. филол. наук: 10.02.01 / Л.А. Введенская. - Ростов-на-Дону, 1973. – 36 с.

[7] Вертаева Л.В. Антитеза как принцип организации художественного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.В. Вертаева. - Минск, 1984. – 22 с.

[8] Кузнецова А.В. Фигуры контраста и их функции в творчестве М.Ю. Лермонтова: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Кузнецова. - Ростов-на-Дону, 1998. – 158 с.

[9] Лиао Лее-Иуех Стилистика контраста в автобиографической прозе М. Горького и И. Бунина: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Лиао Лее-Иуех. – СПб., 1999. – 22 с.

[10] Мартынова О.П. Контраст как семантико-функциональная основа художественного текста: на примере текста англоязычного короткого рассказа: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / О. П. Мартынова. – М., 2006. – 175 с.

[11] Селина Р.В. Лексические средства создания контраста в публицистике военных лет 1941–1945: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Р.В. Селина. – Л., 1977. – 14 с.

[12] Степанова Н.Ю. Контраст как средство создания комического эффекта: лингвостилистический аспект: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Ю. Степанова. - Коломна, 2009. – 213 с.

[13] Торосян М.С. Феномен контраста в аспекте концептуальной организации художественного текста: на материале языка послевоенной прозы: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / М.С. Торосян. – Ставрополь, 2005. – 184 с.

[14] Балахонская Л.В. Языковые антонимы и контекстно противопоставляемые слова как средство создания контраста в произведениях А. Вознесенского: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.В. Балахонская. – Л., 1987. – 17 с.

[15] Боева Н.Б. Грамматическая антонимия в английском языке: дис. … док. филол. наук: 10.02.04 / Н.Б. Боева. - М., 2001. – 367 с.

[16] Иванова Е.А. Антонимия в системе языка / Е.А. Иванова // -Кишинев: Штиинца, 1982. – 164 с.

[17] Кодзасов С.В. Интонация контраста и противоречия / С.В. Кодзасов // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – С. 203-212.

[18] Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка: Введение / В.Н. Комиссаров. - М.: Международные отношения, 1964. – С. 6-24.

[19] Кун Цзин Текстообразующие функции антонимов в рассказах А.П. Чехова: дис. … канд. филол. наук.: 10.02.01 / Кун Цзин. – М., 2000. - 162 с.

[20] Маслова В.А. Принцип противопоставления и его реализация в семантике языка (на лексическом материале): дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / В.А. Маслова. – Ош, 1981. – 215 с.

Матвиевская[21]; Л.А. Новиков[22]; Н.Л. Соколова[23]), так и описание отдельных аспектов сущности контраста: проблема антитезы (Л. Бабаханова[24]; Г.М. Белова[25]; Е.М. Гутман[26]; Л.А. Матвиевская[27]; Р.В. Селина[28]); проблема оксюморона (Е.А. Атаева[29]; В.П. Москвин[30]; Н.В. Павлович[31]; В.Я. Пастухова[32]). Также исследователи отмечают потенциал контраста в композиции поэтического текста (Г.О. Винокур[33]; А.Л. Дмитриев[34]; Л.А. Новиков[35]), и выделяют контраст как самостоятельный поэтический прием (Ю.М. Лотман[36]; М. Риффатер[37]; С.А. Станиславская[38]; Н.С. Трубецкой[39]). Ряд исследователей отмечают явление

[21] Матвиевская Л.А. Стилистическое использование антонимов (на материале произведений М.Ю. Лермонтова): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.А. Матвиевская. – М., 1978. – 26 с.
[22] Новиков Л.А. Противоречие как прием / Л.А. Новиков // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). – М., 1995. – С. 326-334.
[23] Соколова Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования / Н. Л. Соколова // Науч. докл. высш. школы. - Филологические науки, 1977. - №6. – С. 41-53.
[24] Бабаханова Л. Структурно-семантические особенности антитезы как стилистического приема: дис. … канд. филол. наук: 10.00.00 / Л. Бабаханова. – Ташкент, 1967. – 201 с.
[25] Белова Г.М. Лингвистические средства выражения антитезы (на материале французского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Г.М. Белова. - М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1970. – с. 27 с.
[26] Гутман Е.М. К вопросу о стилистическом значении антитезы в различных функциональных стилях / Е.М. Гутман // Ученые записки. – Рига, 1970. – С. 715.
[27] Матвиевская Л.А. Контраст и антитезе (на материале произведений М.Ю. Лермонтова) / Л.А. Матвиевская // Русский язык в школе. – 1978. - №5. – С. 65-72.
[28] Селина Р.В. Антитеза в составе двух и более предложений в публицистике военных лет И. Эренбурга / Р.В. Селина // Вопросы стилистики русского языка. – Иркутск, 1972. – С. 69-78.
[29] Атаева Е.А. Лингвистическая природа и стилистические функции оксюморона: на примере английского языка: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Атаева. - М., 1975. – с. 146.
[30] Москвин В.П. Антитеза или оксюморон / В.П. Москвин // Русский язык в школе. – 2000. - №2. – С. 92-93.
[31] Павлович Н.В. Семантика оксюморона / Н.Б. Павлович // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 238-247.
[32] Пастухова В.Я. Парадигматическая и синтагматическая связность компонентов оксюморонного сочетания: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / В.Я. Пастухова.– Ростов-на-Дону, 1980. – 22 с.
[33] Винокур Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология (методологическая справка) / Г.О. Винокур // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. – Тарту, 1976. – С. 40-52.
[34] Дмитриев А.Л. Лексико-фразеологические выражения подобия и контраста в поэзии А.А. Ахматовой: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Л. Дмитриева. - М., 1990. – 238 с.
[35] Новиков Л.А. Оппозитивный метод в поэтике / Л.А. Новиков // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII-й Международной конференции. – М.: Изд-во «СпортАкадемПресс», 1999. – С. 269-279.
[36] Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Серия семиотических исследований по теории искусства / М.Ю. Лотман. – М.:Искусство, 1970. – 384 с.
[37] Риффатер М. Критиерии стилистического анализа/ М. Риффатер // Новое в заруб. лингвистике. – Вып. IX. Лингвостилистика. – М., 1980. – С. 69-95.
[38] Станиславская С.А. Контраст как принцип организации поэтического текста (на материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева): дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / С.А. Станиславская. – Саратов, 2001. – с. 193.
[39] Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352 с.

«контраст» как важный элемент принципа «выдвижения» значимой информации в тексте (И.В. Арнольд[40]; Н.А. Постоловская[41]; Э.В. Седых[42]).

Одним из современных исследований является рассмотрение контраста как лингвокогнитивного принципа (Н.Ф. Алефиренко[43]; А.П. Бабушкин[44]; И.Г. Бочина[45]; Т.В. Булыгина[46]; А.А. Залевская[47]; З.Д. Попова, И.А. Стернин[48]; Ю.С. Степанов[49]; Т.А. Фесенко[50]; А.Д. Шмелев[51]; D.A. Cruise[52]; A. Feltracco[53]; G. Lakoff[54]; M.L. Murphy[55]; J. Spenader[56]). Отмечается «корреляция приемов создания контраста с основными стадиями развития объективного мира и познания, представляющих собой преемственную смену тождества, различий, противоположностей и противоречий»[57]. Подробное изучение теоретической

---

[40] Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – СПб.: Изд-во С-Пб университета, 1999. – 444 с.

[41] Постоловская Н.А. Использование контраста в авторских отступлениях в романах Торнтона Уайлдера / Н.А. Постоловская // Интерпретация художественного текста в языковом вузе: Межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1981. – С. 70-88.

[42] Седых Э.В. Контраст в поэзии как один из типов выдвижения (на примере циклов стихотворений «Песни Неведения» и «Песни Познания» Уильяма Блейка): дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Э.В. Седых. – СПб., 1997. – 208 с.

[43] Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.

[44] Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 87 с.

[45] Бочина Т.Г. Стилистические приемы контраста как система с полевой структурой / Т.Г. Бочина // Вестник ТГГПУ. – 2010. - №1 (19). – С. 25-29.

[46] Булыгина Т.В. Языкова концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

[47]Залевская А.А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика / А.А. Залевская // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. Ч.1. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. – С. 6-9.

[48] Попова Н.В., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / Н.В. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2001. – 191 с.

[49] Степанов Ю.С. Современные связи лингвистики и логики / Ю.С. Степанов // Вопросы языкознания. – 1973. - №4. – С. 62-75.

[50] Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: дис. … док. филол. наук: 10.02.19 / Т.А. Фесенко. – М., 1999. – 364 с.

[51] Шмелев А.Д. Парадоксы идентификации / А.Д. Шмелев // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. – М., 1990. – С. 33-51.

[52] Cruse D.A. Lexical Semantics / D.A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 196 p.

[53] Feltracco A. Lexical Opposition and Discourse Contrast: A Data-driven Investigation / A. Feltracco.- Ph.D. thesis.- University of Bergamo, 2018. – 192 p.

[54] Lakoff G. Cognitive semantics / G. Lakoff // Meaning and mental representations / Ed. By U. Eco, M. Santambrogio, P. Violi. – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1988. – P. 119 - 154.

[55] Murphy M. L., Paradis, C., Willners, C., Jones, S. Discourse functions of antonymy: a cross-linguistic investigation of Sweden and English. (Электронный ресурс). - URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0378216608002531?via%3Dihub (дата обращения 28.03.2022).

[56] Spenader J. Antonymy in contrast relations / J. Spenader, G Stulp. - In Seventh International Workshop on Computational Semantics. - V. 3. - 2007.- 100 p.

[57] Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: дис. … док. филол. наук: 10.02.01 / Т.Г. Бочина. - Казань, 2003. – С. 3.

базы явления показало, что ранее контраст не рассматривался на материале текстов политического характера, соответственно, данная тема представляет явный интерес для ее развития.

В настоящем диссертационном исследовании контраст рассматривается, в первую очередь, как стилистическое явление, которое влияет на композиционно-стилистическую структуру политического текста. Контраст обладает двумя особенностями: во-первых, он способен влиять на **содержательно-структурную основу текста (композицию)**, поскольку объекты, состоящие в отношениях противопоставления, располагаются в тексте с учетом прагматических аспектов (замысел автора, особенность аудитории). Во-вторых, контраст задействуется для **стилистической** организации текстового пространства автором. При реализации контраста в тексте образуются различные стилистические модификации, которые отличаются друг от друга своим стилистическим назначением и «стилистической функцией, содержанием той дополнительной информации, которая возникает и формирует стилистическое значение, количеством и качеством контрастирующих компонентов высказывания, моделями, по которым производится выбор лексики и определенных синтаксических форм» [58] . Исходя из вышеперечисленных особенностей контраста, нами было сформулировано определение, согласно которому под **контрастом** понимается *стилистическое явление, которое выступает динамическим противопоставлением двух содержательно логических планов изложения, и задействуется в политическом тексте с целью выдвижения значимой информации.*

[58] Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: дис. … док. филол. наук: 10.02.01 / Т.Г. Бочина. - Казань, 2003. – С. 23.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена важностью изучения закономерностей формирования **моделей** контраста, а также определения языковых и когнитивных процессов, обеспечивающих их функционирование в политическом дискурсе. Недостаточная разработанность теории контраста как явления организации сознания и процессов концептуализации позволяет актуализировать проблему исследования. Лингвокогнитивное моделирование явления «контраст» способно определить его структурно-семантические, функциональные и стилистические параметры, отразить принцип концептуализации контраста.

Основная **гипотеза** данного исследования заключается в том, что контраст выступает в качестве механизма композиционно-стилистической организации политических текстов. Ключевую роль в этом процессе играют лингвокогнитивные модели контраста, задействование которых в политическом дискурсе ведет к выполнению ряда функций, присущих политическому тексту.

Объектом исследования данной работы являются политические статьи аналитического характера англоязычной прессы, в которых реализуются модели контраста.

Предметом данного исследования представляются лингвокогнитивные модели, составляющие основу формирования явления «контраст» и его реализации в политическом дискурсе.

Основная **цель** исследования состоит в выявлении лингвокогнитивных принципов формирования контраста и подробное рассмотрение его функционирования в англоязычном политическом дискурсе.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1) характеристика понятий «противоположность», «противопоставление», «оппозиция», которые лежат в основе явления «контраст»;

2) обзор и анализ существующих исследований явления «контраст» в отечественном и зарубежном языкознании;

3) комплексное рассмотрение лингвистического и стилистического понятия контраста: определение элементов контраста и стилистических средств, участвующих в его реализации;

4) описание основных коммуникативно-прагматических характеристик политического дискурса;

5) выявление когнитивных оснований формирования контраста и описание его когнитивных моделей, и анализ процесса их реализации в политическом дискурсе;

6) выявление дискурсивных моделей контраста и анализ их функционирования в политическом дискурсе;

7) последовательное рассмотрение стилистических приемов, участвующих в реализации контраста в политическом дискурсе.

Информационно-эмпирической базой исследования послужили политические статьи аналитического характера (852 единицы), отобранные из газет и журналов англоязычной качественной прессы, в том числе их

электронных версий, в период с 2001 по 2022 гг., а именно: The Economist, The New York Times, The Times, The Sunday Times, The Guardian, The Washington Post, The Financial Times, The Observer, The Spectator, The New Yorker, The Nation, The Atlantic, The Independent, The Foreign Affairs, The Wall Street Journal.

Научная новизна диссертации обусловлена разработкой лингвокогнитивных моделей, обеспечивающих формирование явления «контраст». Проведено разграничение понятия «контраст» от других приемов, в том числе стилистического характера, строящихся на принципе противопоставления. Выявлены особенности функционирования лингвокогнитивных моделей контраста в англоязычном политическом дискурсе.

В работе над диссертационным исследованием в качестве **методов** использованы описательно-сопоставительные принципы синхронного анализа текстов разных стилей и типов, лингвокогнитивное моделирование для выявления когнитивных и дискурсивных моделей контраста, контекстуальный анализ для определения процесса функционирования моделей контраста в политическом дискурсе. В исследовании применялись общие методы научного познания, такие как анализ, синтез, сравнение, наблюдение. **Методологическую основу** исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области:

- лингвистическая теория текста и политического дискурса (Т.В. Алиева, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюнова, П. Бурдье, А. Ван Дейк, И.Р. Гальперин, В.З. Демьянков, Н.А. Левковская, М.Л. Макаров, М. Риффатер, П. Серио,

М. Фуко, З.З. Чанышева, В.Е. Чернявская, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Т. А. van Dijk, T. Onadeko, D. Schiffrin, A.B. Stenstrom, M. Stubbs, D. Tunnen);

- теория контраста и его функционирование в художественном тексте (В.М. Аврасин, Т.Б. Бочина, В.Г. Гак, И.М. Деева, И.А. Иванчук, И.И. Ковтунова, О.П. Мартынова, Н.Ю. Степанова, P. Cramer, C. Jones, M.L. Murphy, V. Molnár, C. Paradis, J. Spenader, K. J. Sæbø, C. Willners);

- когнитивная лингвистика (Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, С.В. Иванова, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, Л.В. Орлецкая, Е.М. Позднякова, Э.В. Салыгина, В.З. Санников, Н.А. Чес, В.Е. Черняевская, Ch. Fillmore, G. Fauconnier, R.W. Lafnacker, M. Turner);

– медиа-дискурс (Т.Г. Добросклонская, Я.Н. Засурский, В.Г. Костомаров, О.А. Лаптева, М.М. Назаров, Г.Г. Почепцов, С.И. Сметанина, Г.Я. Солганик, В.П. Терин, N. Fairclough, M. Gillespie, P. Grundy, J.Hartley, B. Mascull, M. McLuhan, J. Toynbee).

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные в ходе исследования результаты, положения и выводы позволяют сформулировать более глубинное понимание явления «контраст», выявляют основные закономерности его формирования как стилистического явления, что представляется важным для стилистики текста. Выделение лингвокогнитивных моделей, которые лежат в основе формирования и функционирования контраста, является определенным вкладом в когнитивную лингвистику, в частности, в когнитивную стилистику.

Практическая ценность диссертационного исследования определяется возможностью применения полученных данных о принципах формирования и функционирования явления «контраст» в лекционных курсах и на семинарских занятиях по стилистике английского языка, а также спецкурсах по лингвистике текста и семантике. Представленный в исследовании текстовый материал может найти отражение на занятиях по изучению языка средств массовой информации, анализу английского текста, политическому переводу. Полученные в ходе исследования данные о лингвокогнитивных моделях, лежащих в основе реализации явления «контраст», способствуют пониманию информации в широком смысле этого слова, в том числе включает имплицитный смысл, заложенный автором, и подтекст.

Достоверность результатов исследования обеспечивается его теоретической базой, значительным объемом изученного материала по выбранной тематике (852 текста аналитической статьи, из них выделено 1173 примера), а также методами исследования, соответствующими поставленной цели.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Контраст как стилистическое явление, которое основано на динамическом противопоставлении двух содержательно-логических и композиционно-стилистических планов изложения, и которое используется с целью «выдвижения» потенциально значимой информации в политическом тексте;

2. В основе контраста лежат две когнитивные модели: контраст, построенный на совмещении фокусных или периферийных терминалов фреймов

(М1); контраст, основанный на расширении одного из фреймов контраста за счет появления у него нового фокуса (М2);

3. Выделенные две когнитивные модели контраста лежат в основе четырех дискурсивных моделей: контраст в микроконтексте (ДМ1), контраста в макроконтексте (ДМ2), контраст в мегаконтексте (ДМ3), контраст в сверхтексте (ДМ4);

4. В стилистическом аспекте контраст реализуется в политическом дискурсе посредством конвергенции двух групп стилистических приемов: основной и сопутствующей.

5. Характер взаимодействия стилистических приемов в политическом дискурсе находится в зависимости от количества и качества задействованных единиц;

6. В аналитической статье политического характера наблюдается количественное и качественное проявление лингвокогнитивных моделей контраста, которые способствуют реализации дискурсивных задач.

Данное исследование по своей актуальности, новизне, теоретической и практической значимости, полученным научным результатам **соответствует паспорту научной специальности**: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки).

Основные положения исследования нашли отражение в докладах на научно-практических конференциях:

1) IV Международная научно-практическая конференция «Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике в неязыковом

вузе», тема доклада «Функционирование типов контраста в политическом дискурсе», 02-04 апреля 2018 г., г. Москва;

2) IV Международная конференция «Контрастивные изучения языков и культур», тема доклада «Антонимы как единицы контраста в англоязычном политическом тексте», 30–31 октября, 2019 г., г. Минск;

3) Международная конференция «ICERI 2019», тема доклада «The specific of contrast in rendering an analytical article», 11–13 ноября, 2019 года, г. Валенсия, Испания;

4) Международная научная конференция «Герценовские чтения. Иностранные языки», тема доклада «Роль контраста в организации политического текста», 01–02 октября 2020 г., г. Санкт-Петербург;

5) Семинар по результатам X конкурса молодых ученых «75 лет МГИМО», тема доклада «Инфографика как инструмент визуализации контраста в современных англоязычных СМИ», 16 ноября, 2020 г., г. Москва;

6) Международная научно-практическая конференция NATE-Russia «We Teach – We Touch the Future», тема доклада «Discourse models of contrast in political discourse», 06–08 октября, 2022 г., г. Иваново;

7) Казанский международный лингвистический саммит 2022 (KILS-2022), тема доклада «Когнитивные модели контраста в политическом дискурсе», 14–16 ноября, 2022 г., г. Казань;

8) Международная научная конференция «От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов», тема доклада

«Лингвокогнитивные основания формирования контраста в политическом дискурсе», 12–13 мая, 2023 г., г. Минск, Беларусь;

9) V международная конференция «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования», тема доклада «Фразеологизмы как средство воздействия в политическом медиатексте (на примере русскоязычных и англоязычных интернет-публикаций)», 05–06 октября, 2023 г., г. Санкт-Петербург;

10) VI Международная научно-практическая конференция "Магия ИННО: Перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях", тема доклада «Роль стилистических приемов в контексте контраста (на примере англоязычных статей политического характера)», 20–21 октября 2023 г., г. Москва.

11) Международная молодежная научная конференция «Англистика в XXI веке: in juventute veritas», тема доклада «Контраст в политическом дискурсе: формирование и реализация», 27–28 ноября 2023 г., г. Москва.

Работа прошла апробацию на заседаниях научно-филологического объединения кафедры английского языка №1 МГИМО МИД России. Основные положения и результаты исследования отражены в 9 публикациях автора, 5 из которых в рецензируемых научных журналах ВАК Министерства образования и науки РФ и международной базе данных Web of Science Core Collection:

1) Lokonova, A.E. The specific of contrast in rendering an analytical article/ A.E. Lokonova, E.A. Nikonova // 12th International Conference of Education, Research and Innovation. – 2019. – 12. – 1624-1627. (WOS:000530109201107)

2) Локонова, А.Е. Антонимы как единицы контраста в англоязычном политическом тексте / А. Е. Локонова // Успехи гуманитарных наук. – 2022. - №1. – С. 100–103. (ВАК)

3) Локонова, А.Е. Особенности сверхтекста в политическом дискурсе / А. Е. Локонова // Казанская наука. – 2022. - №4. - С. – 171–173. (ВАК)

4) Локонова, А.Е. Функциональная значимость сверхтекста / Н.А. Левковская, А.Е. Локонова // Казанская наука. – 2022. - №4. – С. 167–170. (ВАК)

5) Локонова, А.Е. Композиционная модель газеты как отражение ключевых характеристик издания /А.Е. Локонова, Е.А. Никонова // Казанская наука. – 2022. - №10. – С. 38-51. (ВАК)

6) Локонова А.Е. Лингво-когнитивные инструменты ведения современных медиа войн / А.Е. Локонова, Е.А. Никонова // Казанская наука. – 2023. – №5. – С. 12-16. (ВАК)

7) Локонова А.Е. Способы скрытого языкового воздействия на сознание / И.Г. Игнатьева, А.Е. Локонова // Казанская наука. – 2023. – №6. – С. 20-23. (ВАК)

Структура работы определена поставленной целью исследования и вытекающими из нее задачами. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии.

Во *введении* обосновывается выбор темы исследования, определяются цель и задачи исследования, обосновывается актуальность и научная новизна

работы, ее теоретическая и практическая значимость, формулируется основная научная гипотеза исследования, перечисляются методы исследования, определяются основные положения, выдвигаемые на защиту.

В *первой главе* «Теоретические аспекты явления контраста в политическом дискурсе» излагаются основные подходы к изучению контраста как стилистического явления, описываются единицы контраста и фигуры противоположности, формирующие изучаемое явление. Определяется понятие контекста контраста и его границы, его лингвистические и стилистические особенности, а также выделяются основные функции, выполняемые контрастом в политическом дискурсе.

Во *второй главе* «Стилистика контраста» посвящена процессу формирования и функционирования лингвокогнитивных моделей контраста в политическом дискурсе. Глава подробно описывает виды когнитивных и дискурсивных моделей контраста, а также затрагивает роль стилистических приемов в функционировании контраста в политическом дискурсе.

Заключение обобщает результаты исследования и формулирует вытекающие из него выводы.

Библиография включает 265 научных труда отечественных и зарубежных авторов по изучаемой проблематики, а также список словарей и использованных лексикографических источников языкового материала.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯВЛЕНИЯ КОНТРАСТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Понятие контраст: лингвистический аспект

Контраст представляется одним из самых неоднозначных явлений нашего мира. Исследователи отмечают его междисциплинарный характер, что, безусловно, говорит о многогранности исследуемого явления. На данный момент существует бесчисленное множество определений контраста, каждое из которых используется в определенной области.

Изучая данное явление стоит, в первую очередь, обратиться к самому слову «контраст» (фр. «contrasto»), что в переводе с французского языка означает «резко выраженная противоположность». Способность противопоставлять является ключевой в процессе речевой деятельности. Неудивительно, что данное явление интересовало различных исследователей еще со времен античной философии.

В античной философии контраст определялся как *противоположность* между двумя предметами (или двумя свойствами одного и того же предмета). Философы отмечали, что противоположность начинается с тождества, поскольку при необходимости выявить противоположность двух предметов, вначале происходит сопоставление, которое ведет к возникновению различия, а затем и к противоположности, или даже противоречию. Поэтому при рассмотрении явления «контраст» необходимо принимать во внимание тождество, сходство, которое на фоне общих признаков выявляет диаметрально противоположные черты.

Противопоставление (от греч. antithesis) определяется в философии как положение, противоположное тезису; противоположность; возражение. Противопоставление позволяет уточнить масштаб парадигматических различий двух (или более) однородных единиц языка, то есть рассмотреть единицы языка как совокупность структурных единиц, ассоциативно объединяемых в памяти и связанных отношением противопоставления [59] . Данные единицы создают определенное поле, которое состоит из «особого сочетания общих моментов и диаметрально противоположных различий»[60]. Способность контраста выявить различие интересовала многих античных философов. Так, например, Аристотель в своем труде «Категория» занимался противопоставлением жизненных концептов: благо-худо, эвдемония (счастье, блаженство) - жизненный крах (неудача), удовольствие-страдание. За счет противопоставления жизненных концептов Аристотель определил некое поле, в котором взаимоисключение элементов приводит к осознанию истины.

Оппозиция является еще одним термином, связанным с явлением контраста. Под оппозицией (от лат. oppositio - противоположение) понимается синтагматически обусловленное различие элементов [61] , то есть языковые единицы, участвующие в оппозиции, непосредственно сочетаются друг с другом в речи или тексте. В философии оппозиция часто связывается с описанием человеческого опыта: сопоставление своих взглядов со взглядами других людей; несогласие, неподчинение сопротивление мнению большинства или

[59] Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – С. 310.
[60] Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: дисс. … док. филол. наук: 10.02.01 / Т.Г. Бочина. - Казань, 2003. - С. 25.
[61] Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – С. 369.

официальному мнению; противодействие политике, проводимой руководством страны.

Все три вышеупомянутых термина (противоположность, противопоставление, оппозиция) определяют характер явления контраст, и составляют логико-философскую основу контраста.

Еще одним из углов рассмотрения контраста в философии являлась эстетическая категория, согласно которой контраст использовался в области искусства. По мнению философов, контраст в произведениях позволяет наиболее красочно и выразительно показать зрителям/читателям противоположность двух образов, характеров, явлений. В трагедии «Антигона» афинский драматург Софокл задействовал контраст для создания двух противоположных образов: образ мужественной, твердой, непреклонной Антигоны сравнивался с образом слабой, хрупкой, робкой Йемены. Отождествление образов двух дев подчеркивает их диаметральные противоположности, которые, в свою очередь, задействуются автором для формирования основного смысла трагедии, а именно, контрастное сравнение подчеркивает жертвенность Антигоны.

В лингвистике контраст характеризуется с различных точек зрения: реализация категории противоположности в языке в целом (В.А. Маслова); антонимия как частное проявление контраста (Ю.Н. Блинов; Л.А. Новиков; Н.Л. Соколова); функционирование контраста посредством стилистических приемов (Е.А. Атаева; Л.Г. Бабаханова; Л.В. Вертаева; Е.М. Гутман; В.Я. Пастухова). Как мы видим, явление контраста давно находится в фокусе исследования лингвистов, однако, большинство исследований проводилось на материале художественного текста.

В приведенных ранее исследованиях лингвисты изучали контраст исключительно как стилистическое явление, которое формируется в тексте при помощи лексических единиц (антонимов) и сопутствующих стилистических приемов. Другой подход к определению контраста подразумевал рассмотрение контраста как способа организации текста (Г.В. Андреева; О.П. Мартынова; М.С. Торосян). Согласно данным исследованиям, контраст есть принцип структурно-смысловой организации художественного текста, в котором лингвистические и стилистические средства способны выражать противоположность и противоречие[62] в процессе художественно-литературного отражения событий.

В фокусе исследований находилась не только структурно-смысловая составляющая контраста, но и стилистическая особенность контраста, которая обеспечивает внутритекстовую связность текстовых единиц[63]. Данный подход к изучению контраста разрабатывали такие исследователи как Г.В. Андреева, О.С. Ахманова, Ю.Н. Караулов. Согласно исследованиям, «контраст выступает композиционно-стилистическим принципом, который заключается в динамическом противопоставлении двух содержательно-логических (а также структурно-семантических) планов изложения» [64] . В своем исследовании О.С. Ахманова уточняет, что, являясь композиционно-стилистическим принципом, контраст может состоять из «лексико-фразеологических, фонетических и грамматических единиц, находящихся в антонимических отношениях, которые, в свою очередь, воплощают контрастное восприятие художником действительности»[65].

---

[62]Андреева Г.В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук:10.02.04 / Г.В. Андреева. – Л., 1984. – С. 9.
[63] Там же. С.9.
[64] Караулов Ю.Н. Общая и русская лексикография / Ю.Н. Караулов. – М., 1993. - №10. – С. 94.
[65]Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 1966. – С. 201.

Исследования Т.Г. Бочиной позволили взглянуть на контраст с позиции когнитивной лингвистики. Исследователь определяет контраст как «лингвокогнитивный принцип, который лежит в основе развития объективной картины мира, которая представляется преемственной сменой тождеств, различий, противоположностей и противоречий»[66]. Формирование контраста тесно связано с мыслительным процессом. Для выявления различий между отождествленными объектами одной картины мира субъект задействует контраст путем ассоциативных связей, которые вызывают в памяти нужные противоположные качества, характеризующие тот или иной объект. Т.Г. Бочина отмечает, что задействованные ассоциативные связи логически обусловлены, а также, что при определении характера контраста невозможно не отметить его взаимосвязь с тождеством, поскольку в ходе размышления о различии двух объектов субъект вначале их отождествляет, определяя общие моменты, на фоне которых появляются диаметрально противоположные качества.

Проведенный анализ работ, посвященных явлению контраста, позволяет нам утверждать, что контраст обладает **логическим статусом**, который заключается в смысловой организации образов и ситуаций, которые находят лингвистическое воплощение в противопоставлении языковых единиц[67]. **Стилистический статус** заключается в процессе организации стилистических приемов реализации контраста, выдвигая на первый план несходства и различия.

---

[66] Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дис. … доктора филол. наук: 10.02.01 / Т.Г Бочина. - Казан. Гос. Ун-т., Казань. 2003. – С. 3.

[67] Андреева Г.В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Г.В. Андреева. – Л., 1984. – С. 15.

Следовательно, контраст обеспечивает внутритекстовую связность элементов текста, которые передают степень контраста[68].

В настоящем диссертационном исследовании нами было выработано определение контраста, которое соответствует характеру материала исследования. Мы отмечаем, что контраст — это *стилистическое явление, которое основано на взаимном противопоставлении синтагматически-соположенных единиц, оно выступает динамическим противопоставлением двух содержательно-логических планов изложения, и задействуется в политическом дискурсе с целью выдвижения потенциально значимой информации.* Исходя из данного определения мы видим, что основу явления контраста составляют синтагматически-соположенные единицы, которые могут выступать в виде различных частей речи.

1.2. Единицы контраста

Существуют различные подходы к рассмотрению единиц контраста. В данном исследовании мы придерживаемся классификации, разработанной лингвистом Г.В. Андреевой, которая описывает языковые единицы, участвующие в реализации контраста. Для описания контрастноспособных единиц мы используем термин «контрастив», который представляет собой «языковой единицей, обладающей реальной и потенциальной способностью противопоставления и реализующей свою контрастоспоспособность в контексте»[69]. Под контрастоспособностью подразумевается «свойство слова вступать в больший или меньший набор парадигматических противопоставлений, одно из которых реализуется в тексте»[70]. Рассматривая контраст на лексическом уровне, исследователь выделяет две группы

[68] Андреева Г.В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Г.В. Андреева. – Л., 1984. – С. 15.
[69] Там же. С. 136.
[70] Там же. С. 14.

контрастноспособных единиц: **реальные контрастивы** (слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные, обозначающие противоположно направленные действия); **потенциальные контрастивы** (единицы, способные выражать контраст лишь в рамках конкретного речевого использования и тесно связанные с контекстом описываемых в тексте ситуаций или даже в рамках целого текста).

Группа реальных контрастивов представляется антонимами, которые способны образовывать автономные лексические оппозиции. Антонимы рассматриваются учеными как основные, явные маркеры контраста. Согласно Л.А. Новикову антонимы характеризуются сходными однотипными значениями, предельно противопоставленными друг другу по одному существенному дифференциальному признаку[71].

Стоит отметить, что традиционно в качестве антонимов выступают слова одной части речи, а разночастеречные элементы, которые семантически противопоставлены друг другу, не являются антонимами, однако между ними присутствует парадигматический аспект противоположности. Н.Б. Боева выдвинула другу точку зрения об антонимии: поскольку антонимы выполняют функцию отражения семантических отношений противоположности, то при установлении антонимичности часть речи противопоставленных элементов не играет ведущую роль [72] . В нашем диссертационном исследовании мы придерживаемся позиции Н.Б. Боевой, и считаем, что в качестве антонимов могут выступать разночастеречные элементы предложения, в том случае, если в рамках контекста данные единицы способны выражать контраст.

На данный момент существует ряд классификаций антонимов. В рамках нашего исследования мы придерживаемся классификации, разработанной

[71] Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. - М., Высшая школа., 1982. – С. 17.
[72] Боева Н.Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: дис. …д. филол. наук: 10.02.04 / Н.Б. Боева. - М., 2001. - С. 16.

Н.Л. Новиковым [73] , поскольку предложенная лингвистом типология репрезентативна для нашего материала исследования.

1) **Контрарные антонимы** - антонимы, выражающие качественную противоположность. Применение данного вида способствует созданию в тексте градуальный оппозиции (постепенного изменения качества, создание промежуточного звена между двумя противоположными понятиями). В примере «*Is America exceptionally **good** or exceptionally **bad**? It depends whether you ask a Biden voter or a Trump one*»[74] автор задействует контрарные антонимы good: bad с целью противопоставления качества политики, проводимой двумя президентами (действующим и бывшим). Обычно контрарные антонимы подразумевают включение в состав «среднего» члена с нейтральной окраской. Однако в настоящем примере автор использует только крайние элементы градуальной оппозиции, различие которых усиливается лексемой exceptionally.

2) **Комплементарные антонимы** - антонимы, выражающие дополнительность. Данный тип антонимов характерен следующим: задействованные противоположенные лексические единицы дополняют друг друга до целого (родового понятия), «отрицание одного дает значение другого» [75] . Важной характеристикой, а также отличием от первого типа выступает предельность двух лексем, то есть они предельно противопоставлены друг другу и между ними не может быть образовано промежуточное звено.

В примере *«David Cameron, visiting America, discovers an ally **converging** and **diverging** at the same time»*[76] комплементарными антонимами выступают лексемы converging: diverging. Лексемы обладают семантической связью, их можно назвать полным словарными антонимами [Merriam-Webster Dictionary]. Статья газеты The Economist опубликована по результатам трехдневной поездки

[73] Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. - М., Высшая школа., 1982. – С. 20.
[74] Evaluating the United States // The Economist. – January 2022. – P. 36.
[75] Степанова Н.Ю. Контраст как средство создания комического эффекта (лингвостилистический аспект): дис. … канд.филол.наук: 10.02.04 / Н.Ю. Степанова. - Коломна, 2009. - С. 56.
[76] The new tribes // The Economist, June 2019. – P.17

британского премьер-министра Девида Кэмерона в Америку. В рамках поездки премьер-министр встречался с президентом США Бараком Обамой, который в то время вел предвыборную кампанию на второй строк. На момент написания статьи отношения Великобритании и США характеризовались как напряженные. Своей поездкой Кэмерон планировал наладить отношения с США. Использование комплементарных антонимов позволяет автору отразить нестабильность отношений Великобритании и США, которые «колеблются» от тёплых до прохладных.

3) **Контрадикторные антонимы** - антонимы, выражающие противоположную направленность действий, свойств и признаков. Противоположение данного типа антонимов основано на логически противоположенных понятиях (векторная противоположность): «entry: exit», «supporter: opponent».

В примере *«Dozens of protesters were injured on Friday as **supporters** and **opponents** of the Muslim Brotherhood and its president Mohamed Morsi threw stones, fireworks and Molotov cocktails at each other in Tahrir Square, Egypt's revolutionary epicentre»* [77] автором используются векторные антонимы для демонстрации противоположной направленности действий по отношению к международной религиозно-политической ассоциации «Братья-мусульмане».

Потенциальные контрастивы или «контрастные ассоциаты» (термин, предложенный Г.В. Андреевой) рассматриваются исследователями как контекстуальные антонимы, то есть способность быть противопоставленными приобретается только в определенном контексте. Для выявления потенциальных контрастивов реципиенты привлекают «ассоциативные связи». Слова, которые контекстуально противопоставляются, приобретают несвойственные им коннотации и стилистическую маркированность, следовательно, осуществляется

[77] Hussein A. Tahrir Square clashes pit Mohamed Morsi supporters against opponents (Электронный ресурс). - URL:https://www.theguardian.com/world/2012/oct/12/tahrir-square-clashes-mohamed-morsi (дата обращения: 18.03.2021).

«приращение» смысла, который не входит в семантическую структуру слова[78].

В примере *«Few leadership contests have been more important in the history of the Tory party than this one. The winner will either be remembered as* ***the prime minister who took Britain out of the EU or the last Tory prime minister»***[79], описывающем острую политическую ситуацию по случаю выхода Британии из Евросоюза, контекстуально противопоставляются два образа the prime minister who took Britain out: the last Tory prime minister. Благодаря контексту и фоновым знаниям о ситуации происходит «приращение» дополнительного смысла «winner: loser» к контекстуальным ассоциатам. Для актуализации контекстуальных антонимов реципиенту необходимо обладать индивидуальным ассоциативным тезаурусом и экстралингвистическими знаниями.

Таким образом, антонимы выступают единицами контраста, или контрастивами, которые можно разделить на две группы: реальные контрастивы (антонимы, обусловленные семантической связью) и потенциальные контрастивы (антонимы, чье противоположение обусловливается контекстуально)[80]. Реальные контрастивы встречаются чаще потенциальных, так как для реализации семантических отношений таким контрастивам требуется минимальное текстовое окружение. Мы выделяем три типа антонимов, которые характерны для политического дискурса: контрарные, комплементарные, контрадикторные, которые отражают качество, свойства, отношения, векторность характеризуемого события. В отличие от реальных, потенциальных контрастивы могут не обладать семантической связью, однако их противопоставление обусловлено контекстуально и зависит от прагматической установки в тексте.

---

[78] Степанова Н.Ю. Контраст как средство создания комического эффекта (лингвостилистический аспект): дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Ю. Степанова. - Коломна, 2009. - С. 56.
[79] Forsyth J. Can the Tories save themselves? / Forsyth // The Spectator. – July 2019. – P.13.
[80] Локонова А.Е. Антонимы как единицы контраста в англоязычном политическом тексте / А.Е. Локонова // Успехи гуманитарных наук. – 2022. - №1. – С. 103.

1.3. Фигуры противоположности как стилистическая форма проявления контраста

Единицы контраста (антонимы) являются не единственными компонентами, составляющим семантическую основу контраста. В стилистике текста выделяются фигуры противоположности, которые в нашем диссертационном исследовании мы рассматриваем как стилистические формы проявления контраста в политическом тексте. Такими фигурами противоположности принято считать антитезу и оксюморон.

Согласно Ю.М. Скребневу, рассматриваемые фигуры образуются путем совместной встречаемости в тексте значений либо являющихся объективно контрастными, либо трактуемых как противоположные участниками коммуникативного акта[81]. Обе фигуры противоположности строятся на основе сравнения, однако при изучении их различий важно подчеркнуть, что оксюморон строится на принципе столкновения несовместимых признаков, которые противоречат логическим нормам, а антитеза за счет сравнения двух противопоставленных признаков, противопоставление которых более плавно и логически сбалансировано.

Часто в стилистике контраст приравнивают к антитезе, поскольку исследователи утверждают о семантической близости понятий «антитеза» и «контраст». Однако в данном исследовании мы придерживаемся позиции разграничения двух понятий.

1.3.1. Антитеза

Нами был изучен ряд исследований, посвященных вопросу соотношения двух понятий «контраст» и «антитеза». Исследователи предприняли попытки разграничить два понятия по признакам: количественный признак

[81] Скребнев Ю.М. Фигура речи / Ю.М. Скребнев // Энциклопедия. Русский язык. / Гл. ред. Ю.И. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 175.

(Л.Т. Бабаханова); структурная организация (Н.Л. Соколова); композиционный признак (Л.А. Матвиевская).

В нашем исследовании мы придерживаемся позиции разведения двух понятий и характеризуем антитезу как стилистическую фигуру противоположности, которая выступает в качестве стилистической основы формирования явления контраст.

Антитеза представляется нам как одна из самых сложных фигур контраста. Интерес к данному стилистическому приему сформировался еще в Древней Греции, где антитеза (с греческого antithesis «противопоставление») широко использовалась как в устной (ораторское искусство), так и в письменной (пьесы, поэмы) речи. Древнегреческий мыслитель Квинтилиан упоминал в своих работах антитезу как прием, который нередко использовался древними риторами с целью украшения своих речей.

На сегодняшний день существует целый ряд дефиниций антитезы, выделенных лингвистами в ходе их исследований. О.С. Ахманова характеризует антитезу как «фигуру речи, состоящую в антонимировании сочетаемых слов»[82]. Схожее определение можно обнаружить у М.К. Морен и Н.Н. Тетеревниковой, где «антитеза – это стилистический прием, высвечивающий противопоставление двух слов, двух явлений или же двух мыслительных образов»[83]. Стоит отметить, что оба определения говорят об антитезе как о противопоставлении двух сопоставляемых элементов.

В сравнении с определениями, рассмотренными выше, исследователи С.Е. Никитина и Н.В. Васильева характеризуют антитезу шире, задействуя не только лексический потенциал антитезы, но и ее способность

[82] Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: «Советская энциклопедия», 1966. – С. 47.
[83] Морен М.К., Тетеревникова, Н.Н. Стилистика современного французского языка / М.К. Морен, Н.Н. Тетеревникова. - М., 1970. – С. 246.

противопоставлять образы, идеи: «антитеза - фигура речи, состоящая в сопоставлении логически противоположных понятий или образов, подчиненных общей идее или единой точке зрения» [84]. Важно отметить, что, согласно определению, употребление антитезы зависит от авторской точки зрения или понимания проблемы и ситуации, что выявляет прагматический аспект использования приема в тексте. Исследователь Ш. Балли расширяет идею прагматического аспекта антитезы и заявляет, что «антитеза в самом широком смысле этого слова – не что иное, как продолжение и развитие свойственной человеческому уму тенденции к противопоставлению понятий» [85]. Соответственно, можно сказать, что антитеза выступает стилистическим приемом, который задействуется автором с целью логической структуризации речи.

Лексической основой антитезы выступают антонимы. Часто антитеза представлена лексемами одной части речи, которые выступают однородными членами предложения. В примере *«Jackson said this explained **the increase** in enrolments among older **men**, but the **decrease** in **women** of the same age»* [86] лексической основой антитезы являются пары антонимов increase: decrease, men: women, представленные однородными членами предложения.

Как отмечает И.Р. Гальперин, иногда антитеза строится не на противопоставлении понятий, значений предметов и явлений, а на противопоставлении их отдельных признаков. В примере *«The next election is as much about **Labor v Liberals** as **young v old»* [87] антитеза строится на противопоставлении пары антонимов young: old, т. е. противопоставляются две

---

[84] Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи / С.Е. Никитина, Н.В. Васильева. - М.: Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, 1996. - С. 50.

[85] Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – С. 206.

[86] Zhou N. Female environment at Australian universities dropped by 86’000 in 2020 as ‘pink recession’ hit (Электронный ресурс) / N. Zhou // The Guardian. – November 2020. - URL: https://www.theguardian.com/australianews/2020/nov/12/female-enrolment-at-australian-universities-dropped-by-86000-in-2020-as-pink-recession-hit (дата обращения 13.11.2021).

[87] Koukoulas S. The next election is as much about Labor v Liberals as young v old (Электронный ресурс) / S. Koukoulas // The Guardian. – March 2018. - URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/19/the-nextelection-is-as-much-about-labor-v-liberals-as-young- (дата обращения 19.12.2021).

характеристики – молодость: старость – с последующим переносом противопоставления данных характеристик на политические партии. Изначально, вне контекста лексемы Labor: Liberals не обладают семантическим основанием для противопоставления, однако в рамках контекста предложения рассматриваемые лексемы используются как компоненты антитезы, чьи характеристики вступают в отношения противопоставления. Роль антитезы же заключается в реализации авторской идеи противопоставления возраста электората двух партий.

Синтаксическая основа антитезы формируется за счет применения параллельных конструкций (связь между отдельными образами в произведении речи, выражающаяся в одинаковом расположении сходных элементов; одинаковое расположение сходных членов предложения в двух или нескольких смежных предложениях [88]). И.Р. Гальперин отмечает, что «повторяющиеся единицы, слова и словосочетания служат лишь фоном, на котором резко выделяются другие, неповторяющиеся единицы высказывания»[89].

В примере *«**It's very easy** to redraw the map; **it's very hard** to bring people into it»*[90] антитеза образуется за счет антонимов easy: hard, которые синтаксически представлены как параллельная конструкция. Такое одинаковое расположение компонентов антитезы позволяет автору более выпукло передать контрарную действительность, сложившуюся в конфликте между Арменией и Азербайджаном.

Важно отметить, что границы стилистического приема антитезы зависят от характера компонентов, вовлеченных в его формирование. Данные компоненты могут быть расставлены контактно *«Boris Johnson is in trouble inside*

[88] Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – С. 311.
[89] Гальперин И.Р. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин // Учебник. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 264.
[90] It's very easy to redraw the map; it's very hard to bring people into it // The Economist. – November 2020. – P. 43.

*and **outside** his own party»*[91]; или же дистантно, когда антитеза охватывает различные уровни текстовой организации (см. статья «Cynicism explains a flawed new EU-China commercial pact», The Economist, 7th of January, 2021, где антитеза формируется на уровне мегаконтекста).

Характерной особенностью антитезы является её способность сочетаться с различными стилистическими приёмами, например, с метафорой, образным сравнением, гиперболой, параллельными конструкциями. В примере *«Parties always overcorrect when picking a successor, and Boris the **buccaneer** is the opposite of May **the vicar's daughter»***[92] антитеза строится на противопоставлении двух противоположных качеств: метафорически Борис Джонсон характеризуется как buccaneer (an unscrupulous adventurer especially in politics or business) [Merriam-Webster Online Dictionary], что позволяет выделить такие качества как строптивый, недобросовестный; Тереза Мей характеризуется как его противоположность, указывая на воспитание политика (the vicar's daughter), что позволяет говорить о таких качествах как благочестивость, праведность. Соответственно, сочетание антитезы и метафоры позволило автору более ярко выразить контраст между двумя политиками. Более подробно о случаях сочетаемости антитезы со стилистическими приемами мы опишем во второй главе.

Проведя обзор характеристик стилистического приема, антитеза, мы можем прийти к выводу, что антитеза выступает в качестве стилистической фигуры контраста, отражая противоположность образов, ситуаций в политическом тексте. Лексическая основа антитезы формируется за счет антонимов различных типов, которые интегрированы в текст, в частности, за счет такого синтаксического приема как параллельные конструкции. Антитеза способна сочетаться с другими стилистическими приемами (метафора, метонимия, гипербола), что, в свою очередь, усиливает степень контраста самого

[91] Rentoul J. Boris Johnson is in trouble inside and outside his own party / J. Rentoul // The Independent. – June 2020. – P.25.
[92] A fractured and crowded field // The Spectator. – June 2019. – P. 12.

текста. Границы антитезы часто определяются назначением рассматриваемого стилистического приема в тексте, т. е. антитеза может рассматриваться только на одном текстовом уровне, выдвигая тезис, в котором заложено противопоставление, или антитеза может охватывать несколько текстовых уровней (микроконтекст, макроконтекст) или даже охватывать организацию всего текста, тем самым отражая мега-тезис всей статьи.

1.3.2. Оксюморон

Еще одним стилистическим приемом, традиционно трактуемым как фигура противоположности, является оксюморон. В переводе с древнегреческого оксюморон (др. гр. ὀξύμωρον) означает сочетание двух значений «острый» и «глупый», соответственно, оксюморон можно определить как остроумное сопоставление двух противоречивых понятий, которое конфликтует с логическими нормами, «нарушение формально - логического закона непротиворечия» [93] . Такое резкое противоречие, граничащее с логическими нормами, является ключевым отличием оксюморона от антитезы.

В данном исследовании мы придерживаемся более развернутого определения сформулированного Л.А. Матвиевской, где оксюморон представляется как «антонимическая стилистическая фигура, которая обладает специфическим планом содержания (значением антонимического определения одного из проявлений предмета изображения через ему противоположное), соответствующим планом выражения и характерной системой стилистических функций (общей функцией наиболее яркого воплощения необычности, исключительности проявлений предмета изображения и конкретизирующими ее особенными и частными стилистическими функциями)»[94].

Как и в случае с антитезой, лексической основой оксюморона является

---

[93] Кожевникова О.С. О соотношении понятий «контраст» и «противоречие в исследованиях по стилистике / О.С. Кожевникова // Вестник Красноярского государственного университета: Гуманитарные науки. Выпуск 3/2. – 2006. -С. 204–206.

[94] Матвиевская Л.А. Оксюморон в творчестве М.Ю. Лермонтова / Л.А. Матвиевская // Русский язык в школе. - №4 – М.: 1979. – С. 67–68.

антонимия. Однако антонимы, задействованные в формировании данного стилистического приема, всегда предельно противопоставлены друг другу в определенном контексте, т. е. чаще всего в формировании оксюморона участвуют комплементарные антонимы.

В статье «Freedom is slavery»[95] издания The Economist автор задействует оксюморон. Семантическим основанием противопоставления freedom: slavery являются предельно противопоставленные лексемы independence: dependence [Merriam-Webster Online Dictionary], которые выступают комплементарными антонимами. В заголовке автор определяет freedom (independence) через slavery (dependence), что является нарушением логики картины мира. Однако применение автором оксюморона отражает ключевой тезис статьи: присоединение Крыма к России ошибочно воспринимается народом как освобождение, которое в будущем не принесет им долгожданной свободы. Тем самым, за счет применения оксюморона автор дает отрицательную оценку события и подчеркивает, что желание Крыма (и не только) отсоединиться от Украины является нелогичным шагом, что приведет к еще более серьезной зависимости народа от государства.

В рассмотренном примере оксюморон стоит в одной из сильных позиций текста (в заголовке), что может быть обосновано функцией оксюморона подчеркнуть авторскую позицию, вывести ее на первый план, а также продемонстрировать авторскую оценку к описываемому событию. Данная функция оксюморона способствует функции выдвижения актуальной информации на первый план, что является одной из ключевых функций реализации контраста в политическом тексте. Употребление оксюморона в тексте часто подчеркивает выражение авторского эмоционального отношения к описываемому объекту. Соответственно, его употребление обладает наибольшей выразительной силой.

---

[95] Freedom is slavery (Электронный ресурс) // The Economist. - April 2014. - URL: https://www.economist.com/buttonwoods-notebook/2014/04/21/freedom-is-slavery (дата обращения: 04.04.2021).

1.2. Контекст контраста

1.2.1. Границы контекста.

Рассматривая явление контраста в политическом тексте уместно говорить о создании особого контекста контраста, который создается за счет интегрирования в текст единиц контраста и стилистических приемов, способствующих реализации данного явления. В рамках исследования необходимо дать определение понятию контекст контраста, а также определить его границы и характеристики.

Вопрос о видах и границах контекста является открытым и сложным в стилистике, поскольку на данный момент нет единых характеристик их выявления. Проблема заключается в том, что границы контекста гибкие, они находятся в тесном взаимодействии, а также могут видоизменяться в зависимости от цели, задач и материала исследования[96].

Традиционно контекст разделяют на микро- и макроконтекст, где границы микроконтекста ограничиваются рамками предложения, сверхфразового единства или целого абзаца, а макроконтекст является более широким понятием, и охватывает несколько абзацев и мегаконтекст. Однако данное деление часто оспаривается лингвистами.

При разграничении контекста на микро- и макроконтекст большинство лингвистов исходят от материала исследования. Границами микроконтекста выступает минимальное окружение исследуемого явления (словосочетание или целое предложение) [97] . Следовательно, под макроконтекстом понимается окружение, выходящее за рамки словосочетания и предложения[98]. Определяя границы микроконтекста, важно принимать во внимание минимальное окружение исследуемого явления, следовательно, под микроконтекстом

---

[96] Андреева Г.В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): дисс. …канд.филол.наук: 10.02.04 / Г.В. Андреева. – Л.:1984. - С.136.
[97] Колшанский Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. - М.: Наука, 1980. - С. 47.
[98] Бархударов Л.С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. - М.: Международ. отношения, 1975. - С. 168.

понимается словосочетание или предложение.

Поскольку контраст является сложным стилистическим явлением, при формировании которого задействуется не только лексические компоненты (антонимы), но и стилистические приемы (антитеза и оксюморон), то при определении границ контекста контраста важно принимать во внимание стилистическую функцию, выполняемую контрастом в тексте.

И.В. Арнольд указывает на важность стилистического приема при выделении границ контекста[99]. Стилистический прием может выходить за рамки предложения, сферхфразового единства, абзаца, следовательно, границы микроконтекста должны быть ограничены текстовым пространством, в котором стилистический прием полностью реализует свою функцию. В свою очередь, под макроконтекстом понимается контекст целого произведения.

Другим критерием определения границ контекста контраста может выступать семантическая совместимость. Н.А. Шехтман под семантической совместимостью определяет лингвистическое соотношение между семантическим взаимозависимыми лексическими единицами, при котором создается смысловое единство высказывания[100]. В данном случае разница между микро- и макроконтекстом может быть стерта, поскольку законченное смысловое высказывание может быть в границах предложения, сверхфразового единства, абзаца или даже целого текста.

В нашем диссертационном исследовании мы принимаем во внимание многообразие проявление контраста в тексте. Под микроконтекстом мы понимаем текстовое пространство, в котором единицы контраста реализуют свой потенциал. Поскольку лексической основой проявления контраста в тексте выступают антонимы, то в качестве границ микроконтекста мы принимаем

---

[99] Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – СПб.: Изд-во С-Пб университета, 1999. – С. 23.

[100] Шехтман Н.А. О границах контекста / Н.А. Шехтман // Интерпретация художественного текста в языковом вузе. – Л.:1981. – С. 123-130.

законченное смысловое предложение, в котором антонимы в полной мере реализуют свою задачу. Макроконтекст мы воспринимаем шире, как законченное смысловое текстовое пространство, в котором контраст реализуется при помощи стилистических приемов, а также выполняет свою стилистическую функцию. Более того, в нашем исследовании мы выделяем уровень мегаконтекста, поскольку контраст способен пронизывать структурную организацию всего текста, где все компоненты реализации контраста организованы и логически обусловлены.

Понимание границ контраста позволяет разделить контекст контраста на два типа: лингвистический и стилистический. Под лингвистическим контекстом мы понимаем языковую реализацию контраста, в котором происходит взаимодействие двух сем по принципу отталкивания[101]. В свою очередь, стилистический контекст обуславливает возникновение окказиональных коннотаций, несущих дополнительную информацию. Рассмотрим подробнее лингвистический и стилистический контексты контраста.

1.2.2. Лингвистический контекст контраста.

Под лингвистическим контекстом понимается языковое окружение, в котором употребляется та или иная единица языка в тексте[102]. Рассматривая явления контраст в политическом дискурсе мы отмечаем, что контраст создает особый лингвистический контекст, в котором его единицы (выраженные антонимами) взаимодействуют по принципу отталкивания. Следовательно, частным примером лингвистического контекста контраста выступает антонимический контекст. В.Н. Комиссаров выделяет четыре типа антонимических контекстов, которые различаются по характеру синтаксической

[101] Андреева Г.В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): дис. …канд.филол.наук: 10.02.04 / Г.В. Андреева. – Л.:1984. - С.136.
[102] Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров // Учеб. Для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 171.

связи между контрастивами:[103]

1) Наличие двух взаимоисключающих признаков: *«Brexit: not so **hard**, but not so **easy**»*[104] при описании процедуры выхода Британии из состава ЕС автор формирует утверждение, в котором присутствуют два взаимоисключающих признака hard: easy, которые являются словарными антонимами needing physical or mental effort: needing little effort [Cambridge Online Dictionary]. Формирование антонимического контекста за счет взаимоисключающих антонимов демонстрирует сложность ситуации, а также комплекс мер, необходимых выполнения процедуры выхода.

2) Наличие одного признака и отрицание другого: В примере *«In any case that data was backward-looking, **not** forward: large British companies are generally against the idea of leaving the EU»*[105] мы видим, что контекст контраста определяется лексемами *backward: forward,* связанными антонимическими отношениями, где один признак отрицается другим.

3) Выбор между двумя взаимоисключающими признаками: В примере *«Boris Johnson has hardened his position on leaving the EU "**do or die**" by the end of October, as hardline Eurosceptics extended their influence on his faltering campaign to be prime minister»*[106] задействуются две лексемы, которые являются в настоящем контексте взаимоисключающими, с целью описания твердого намерения Бориса Джонсона вывести Великобританию из состава Евросоюза.

4) Наличие двух противоположных признаков у двух различных референтов: В примере *«He (Mr. Bolsonaro) may **operate within** a democratic system, but his*

---

[103] Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка / В.Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1964. – С. 6–24.

[104] Brexit: Not so hard but not so easy (Электронный ресурс) // The Economist. – March, 2017. - URL: https://www.economist.com/ /2017/03/22/brexit-not-so-hard-but-not-so-easy (дата обращения: 01.08.2020).

[105] Britain's financial health: five things to look out for (Электронный ресурс) // The Independent. – May, 2016. - URL: https://www.independent.co.uk/voices/britain-s-financial-health-five-things-to-look-out-for-a7009246.html (дата обращения: 04.01.2020).

[106] Brexit: Johnson says Britain will leave EU on 31 October "do or die" // The Guardian. – June, 2019. - URL: https://www.theguardian.com/politics/2019/jun/25/brexit-boris-johnson-britain-will-leave-eu-31-october-do-or-die (дата обращения: 23.07. 2021).

administration is constantly looking ways ***to evade*** *its structures»*[107] автор при описании действий президента Бразилии и его администрации использует противоположные признаки: operate within: evade. Лексемы, задействованные в антонимическом контексте, не имеют семантического основания, и вступают в отношения противоположности только в рамках контекста заданной ситуации.

Г.В. Андреева дополняет классификацию типов контраста путем рассмотрения контрастивов разных типов семантических отношений. Такие контрастивы расположены в тексте имплицитно, так как не обладают статусными признаками антонимов. Также, исследователь выделяет такие грамматические маркеры как *but, neither, though, never, more than*, *in contrast, on reverse,* etc., которые способствуют выражению контраста. В предложении «*Russia's behaviour on the international stage is unsettling. But the western response should be* ***neither*** *aggressive* ***nor*** *complacent – and it should be based on transatlantic unity*» [108] мы можем отметить, что противопоставленные при помощи грамматической конструкции *neither…nor* лексемы aggressive и complacent не обладают антонимической связью, но вступают в отношения противопоставления за счет грамматической конструкции. Следовательно, можно утверждать, что автор прибегает к имплицитному кодированию смысла.

В своей теории о лингвистическом контексте контраста Р. Лакофф выделяла семантический и прагматический аспекты. Под семантическим аспектом контекста контраста понимается противопоставление двух контрастивов, которые находятся в отношении антонимии на семантическом уровне[109]. Так, например, в заголовке статьи «*In Britain, the rich are richer* ***but*** *the*

[107]Win or lose, Jair Bolsonaro poses a threat to Brazilian democracy // The Economist. – September, 2022. - URL: https://www.economist.com/leaders/2022/09/08/win-or-lose-jair-bolsonaro-poses-a-threat-to-brazilian-democracy (дата обращения: 10.09.2022).

[108] The Guardian view on Russia: neither a partner nor an enemy // The Guardian. - URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/nov/01/the-guardian-view-on-russia-neither-a-partner-nor-an-enemy (дата обращения: 29.12.2019).

[109] Lakoff R. 'If's, and's, and but's about conjunction' / R. Lakoff // In C. Fillmore and D. Langendoen (editors): Studies in Linguistics Semantics. - New York: Holt, Reinhart and Wilson, 1971. - P. 134.

poor far poorer than in Europe»[110] мы видим, что контекст контраста создается за счет двух антонимов, которые имеют семантическое основание для противопоставления: rich: 1) having abundant possession; 2) having high value or quality; poor: 1) lacking possession; 2) inferior in value or quality [Merriam-Webster Online Dictionary]. Два противопоставленных контрастива эксплицируются в тексте при помощи графического маркера *but*. Графический маркер способствует декодированию контраста.

Другим случаем контекста контраста Р. Лакофф выделяет прагматический аспект. Согласно исследователю, при интерпретации контекста читателем важную роль играет ожидание, которое происходит из общих знаний реципиента. Следовательно, когда ожидание реципиента не соотносятся с реальной информацией, получаемой реципиентом из текста, возникает контраст. Предложение «*Researchers at the National Foundation for Educational Research found that pupils, aged 10 and 15, are poor* ***but*** *happy as more affluent classmates*»[111] является ярким примером прагматического контекста контраста. Поскольку лексемы poor и happy не обладают статусными признаками антонимов, противопоставление, закодированное автором, не является очевидным для читателей. Кроме того, ожидание реципиента являются обманутыми, так как, исходя из общих знаний, «бедный» не может быть «счастливым». Согласно исследователю Дж. Ренкема, «смысл отрицается или блокируется одним из лексических значений; ожидаемый эффект или результат не происходит, или ожидаемое следствие не выполняется» (перевод Локонова А.Е.: there is an implied meaning that is denied or blocked in the other segment. One could also say that the expected effect or result does not happen or that the expected consequence does not hold)[112].

---

[110] In Britain, the rich are richer but the poor far poorer than in Europe // The Guardian. – April 2021. - URL https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/apr/25/in-britain-the-rich-are-richer-but-the-poor-far-poorer-than-in-europe (дата обращения: 13.09.2021).

[111] Children in poverty 'as happy as more affluent classmates' // The Guardian. - December 2011. - URL: https://www.theguardian.com/society/2010/dec/23/children-in-poverty (дата обращения: 13.09.2021).

[112] Renkema J. The texture of discourse: Towards an outline of Connectivity Theory. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. - P. 78.

1.2.3. Стилистический контекст контраста.

Ранее мы рассматривали лингвистический контекст контраста, который характеризовал значения слов, участвующих в процессе формирования контраста в политическом тексте. Стилистический контекст характеризует значение целого текста за счет установления связей между различными компонентами исследуемого текста. И.В. Арнольд характеризует стилистический контекст как «иерархическое организованное множество связей, заданное тезаурусом текста и обусловливающее синкретичность его значения, возникновение окказиональных коннотаций, несущих дополнительную информацию»[113].

Согласно Г.В. Андреевой стилистический контекст выступает в качестве фона, на котором единицы раскрывают свой стилистический потенциал, и возникает экспрессивность стилистических приемов. Стилистический контекст интегрирует лексические единицы и стилистические приемы в единую образную систему, в котором задействуются все типы связей и отношений, направленных на реализацию стилистической функции.

Поскольку функция стилистического контекста состоит в «приращении» дополнительного смысла (или смыслов), то для выявления контекстуальных связей следует рассматривать целое произведение.

Более того, в стилистическом контексте возникает экспрессивность стилистических приемов, которые задействуются в формировании явления контраста. Следовательно, в контексте интегрируются единицы контраста и стилистические приемы в единую образную систему, что влияет на структуру текста, а часто и на структуру всего сверхтекста[114].

Выделяются ряд факторов, характерных для стилистического контекста

---

[113] Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И.В. Арнольд; науч. ред. П.Е. Бухаркин. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – С. 18.

[114] Андреева Г.В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): дисс. …канд.филол.наук :10.02.04 / Г.В. Андреева. – Л.:1984. - С.136.

контраста:

1) повторы и контрасты на лексико-семантическом уровне (повторение синонимичных или антонимичных слов, которые обладают сходной или противоположной оценочностью);

2) контекстуальное сближение или отталкивание (наиболее применимое к контрасту) слов по смыслу и характеру коннотаций;

3) Стилистический контекст «приращение» дополнительных смыслов, нарушение словосочетаемости, употребление слов в необычной синтаксической функции[115].

Согласно Г.В. Андреевой стилистический контекст выступает в качестве фона, на котором единицы контраста раскрывают свой стилистический потенциал. Более того, в стилистическом контексте возникает экспрессивность стилистических приемов, которые задействуются в формировании явления контраста. Следовательно, в контексте интегрируются единицы контраста и стилистические приемы в единую образную систему, что влияет на структуру текста, а часто и на структуру всего сверхтекста[116].

В статье The ecstasy and the agony[117], опубликованной в газете The Economist, стилистический контекст контраста образуется за счет антитезы и единиц контраста, которые пронизывают текст от начала до конца. В самом заголовке статьи находится антитеза, в которой лексические компоненты ecstasy: agony противопоставлены друг другу на основании значений happiness: suffering [Merriam-Webster Online Dictionary]. Данные значения актуализируются другими лексемами, контактно и дистантно по всему тексту.

---

[115] Степанова Н.Ю. Контраст как средство создания комического эффекта (лингвостилистический аспект): дисс. … канд.филол.наук: 10.02.04 / Н.Ю. Степанова. - Коломна, 2009. - С. 65.
[116] Андреева Г.В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): дисс. …канд.филол.наук: 10.02.04 / Г.В. Андреева. – Л.:1984. - С.136.
[117] The ecstasy and agony // The Economist. – May 2016. - URL:https://www.economist.com/leaders/2016/05/26/the-ecstasy-and-the-agony (дата обращения: 14.01.2022).

Таблица 1. Актуализация значений happiness: suffering.

Happiness	**Suffering**
Pleasure Opioids Morphine Opium poppy To give a high Pain relief	Pain Agony of broken bones Third-degree burns Terminal cancer Trauma To overdose Terminal pain

Разработано автором Локоновой А.Е

Стилистический контекст, образованный за счет антитезы, образует необходимое пространство для создания контраста. Изначально, вышеперечисленные лексемы, не имеют семантического основания для противопоставления. Однако их интеграция под влиянием условий контекстной сочетаемости создает возможность контрастного противопоставления и раскрытия стилистического потенциала: лексемы противопоставляются друг другу в рамках значений, сформированных в контексте, и отражают авторский замысел. В примере отмечается баланс формы и содержания единиц контраста, что может говорить о симметричности контраста, создается целостность смысла и содержания текста.

Таким образом, мы можем отметить, что стилистический контекст контраста является фоном, на котором единицы контраста и стилистические приемы раскрывают свой стилистический потенциал. В таком стилистическом контексте контраст выступает в качестве семантической упорядоченности текста, которая позволяет создать целостность смысла и содержания.

1.4. Контраст и политический дискурс

В фокусе нашего исследования лежит формирование и функционирование контраста в политическом дискурсе. Ранее мы неоднократно цитировали исследования ведущих лингвистов в области контраста, однако все они были посвящены изучению данного явления в художественном тексте. Как показывает наше исследование, контраст и политический дискурс тесно взаимосвязаны. В первую очередь, рассмотрим подходы исследователей к понятию «дискурс».

1.4.1. К определению понятия «дискурс»

За последние несколько десятилетий термин «дискурс» получил широкое употребление в различных сферах деятельности, однако уместность использования данного термина вызывает вопросы, а именно происходит процесс детерминологизации понятия «дискурс» (процесс превращения термина в общеупотребительное слово). Помимо, вышеупомянутой проблемы, вызванной популярностью употребления термина «дискурс», в современном научном мире существует проблема определения самого термина: исследователи из различных областей часто подменяют «дискурс» такими определениями как «коммуникация», «текст», «устная речь», «стиль». Данная путаница в подходе к определению понятия дискурса осложняет процесс унификации термина, который будет релевантным для всех научных областей.

В лингвистике отмечается многообразие подходов к интерпретации понятия «дискурс», «ввиду переосмысления в свете тенденций к

междисциплинарному подходу рассмотрения языка»[118]. Тем не менее, изучение понятия «дискурс» тесно связано с изучением лингвистами целого текста и создания такого направления, как лингвистика текста. Исследователи отождествляют понятие «дискурс» с понятием «текст», и рассматривают его как «язык выше уровня предложения» [119] , где предложения связаны единым смыслом. Такой подход к изучению понятия дискурса получил название **формальный** (В.А. Андреева, В.В. Богданов, В.З. Демьянков, Т.М. Дридзе, В.А. Звегинцев, О.Л. Каменская, Ж. Курте, В.А. Миловидов, П. Сгалл, И.П. Сусов, В.Я. Шабес, T. Onadeko, D. Schiffrin, M. Stubbs), где под «дискурсом понимается два или нескольких предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи»[120].

Со временем произошло разведение понятий «текст» и «дискурс», тем не менее, смежность понятий привела к двум направлениям изучения дискурса, где большинство исследователей сравнивают «текст» и «дискурс» с целью выявить общие характеристики, и «рассматривают «дискурс» как родовое понятие по отношению к видовому понятию «текст» [121] (В.В. Богданов, Е.С. Кибрик, Е.И. Шейгал., A.B. Stenstrom, D. Tannen) или приравнивают понятие «дискурс» к термину «речь» (A. McHoul, D. Shiffrin). Другие исследователи определяют термин «дискурс» через противопоставление термину «текст» (А.Ю. Попов, Ю.Е. Прохоров). В данном исследовании мы рассмотрим несколько

[118] Менджерицкая Е.О. Дискурсосфера печатных СМИ. Игра на выживание: монография / Е.О. Менджерицкая. - Москва: Макс Пресс, 2017. - С. 10.
[119] Stubbs M. Discourse Analysis / M. Stubbs. - Chicago: University of Chicago Press, 1983. - 284 p.
[120] Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. - М.; Изд-во Моск. Ун-та, 1976. - С.170.
[121] Богданов В.В. Текст и текстовое общение / В.В. Богданов. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. - С. 67.

распространенных дихотомий, которые являются основой для разграничения понятий «дискурс» и «текст».

Одним из распространенных, хоть и не универсальных, делений изучаемых понятий является разграничение на *«устное» - «письменное»* (И.Р. Гальперин, М.Л. Макаров, З.Я. Тураева, D. Crystal, M. Coulthard, M. Hoey, H. Widdowson). Так, И.Р. Гальперин утверждает, что текст есть произведение речетворческого процесса. В качестве ключевых характеристик текста выделяются: 1) «законченность», объективированное в виде письменного документа; 2) литературная обработанность письменного документа в соответствии с его типом; 3) наличие названия или заголовка; 4) наличие сверхфразовых единиц, объединенных различными типами синтаксической, грамматической, лексической, стилистической, логической, прагматической связями[122].

Как и И.Р. Гальперин, Д. Кристал развивает идею интерпретации «текста» как письменной структуры, которую можно найти в главах книг, заметках, письмах, очерках[123]. В свою очередь, «дискурс» рассматривается ученым через спонтанную речь, беседу, интервью, комментарий. Соотношение дискурса и речи берет свое начало в понимании речи Ф. де Соссюром как языка в действии (language-in-use). Ф. де Соссюр предложил разделить язык на два типа: высказывания (франц. «discourse») и непроявленная система (франц. «langue»). Поскольку термин «discourse» переводится и как речь, и как система речи, возникла некая неопределенность трактовки, что повлекло за собой

[122] Гальперин И.Р. О понятиях «стиль» и «стилистика» / И.Р. Гальперин // - Вопросы языкознания. - 1973. - №3. - С.18.
[123]Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. - Cambridge: Cambridge University Press, 1994. - 104 p.

сращение двух понятий (дискурс=речь). Такое сращение терминов приводит к некой путанице в исследованиях, что указывает на узость данного подхода в разграничении двух терминов.

Некоторые лингвисты придерживаются мнения, что дискурс есть проявление устной речи, противопоставляя дискурс: текст как *диалог: монолог* (А.А. Кибрик., П.Б. Паршин). Основная идея такой дихотомии заключается в представлении дискурса как диалога, в то время как текст представляется монологом (поскольку принадлежит одному автору). Такое разведение понятий неоднозначно, поскольку несмотря на то, что текст подразумевает наличие автора, он также подразумевает наличие и адресата, что говорит о диалогичности текста[124]. В свою очередь, дискурс или спонтанная речь может принадлежать только одному автору, что представляется монологом.

Следующий вид дихотомии отражается в противопоставлении дискурса и текста как процесс и результат (О.В. Александрова, М.Я. Дымарский, Е. С. Кубрякова, Е. Г. Мартиросян, G. Brown, G. Yule, G. Kress). В данном подходе лингвисты рассматривают дискурс как деятельностное, процессуальное явление речепроизводства, а текст интерпретируется как его законченный, конечный продукт. Согласно немецкому лингвисту Г. Кроссу, поскольку дискурс отражается в тексте, то текст и дискурс связаны между собой отношениями реализации[125].

Ряд исследователей (А.Ж. Греймас, М.Я. Дымарский, Е. Карапетьян, В.П. Конецкая, Ж. Курте, Т. ван Дейк, D. Schiffrin) рассматривают дискурс и

[124] Левковская Н.А. О диалогичности политического дискурса / Н.А. Левковская // Филологические науки в МГИМО. – 2020. - №1(21). – С. 28.
[125] Kress G. Critical Sociolinguistics / Ed. R. E. Aher // The Encyclopedia of Language and Linguistics. - Oxford; New York: Pergamon Press, 1994. - 27 p.

текст через оппозицию *актуальность - виртуальность (абстрактность),* где под дискурсом понимается «текущая речевая деятельность», то есть актуальная информация[126], а текст является абстрактным продуктом, который реализован в дискурсе и лишен прикрепленности к реальному времени[127].

Рассмотренные дихотомии позволяют утверждать, что понятия текст и дискурс тесно переплетены. Следовательно, процесс определения понятия «дискурс» породил множество подходов к его изучению. Одним из таких подходов является **структурный** (Э. Бенвенист, В.В. Богданова, В.Г. Борботько, А. Греймас, Ж. Гийом, Т.Б. Гуляр, Н.М. Кожина, Ж. Курте, Д. Мальдидье, Г. Парре, М. Пеше, П. Серио, Н.И. Формановская, Л.С. Чикилева). В рамках данного подхода дискурс определяется как «жесткая упорядоченная структура и результат речепроизводства»[128]. М. Фуко трактует дискурс через результат речепроизводства как некое «общение, рассматриваемое для реализации определенных дискурсивных практик»[129]. Согласно исследователю, дискурс представляет собой синтез «уже-сказанного» и «никогда-не-сказанного»[130], что, в свою очередь, представляется совокупностью высказываний, присущих той или иной социальной группе. Данный подход получил развитие у других лингвистов (А. Греймас, А. Е. Кибрик, П. Б. Паршин).

Рассматривая термин «дискурс», следует обратить внимание на его понимание в когнитивных исследованиях. Исследователи рассматривают

---

[126] Дымарский М.Я. Текст - дискурс - художественный текст / М.Я. Дымарский // Текст как объект многоаспектного исследования: Сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus». Вып.3.Ч.1. СПб.; Ставрополь: Изд-во Ставроп. ун-та, 1998. - С. 19.
[127] Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. - С. 11.
[128] Parret H. Language and Discourse // – The Hague-Paris: Mouton, 1971. – P. 205
[129] Менджерицкая Е.О. Дискурсосфера печатных СМИ. Игра на выживание: монография / Е.О. Менджериццкая - Москва: Макс Пресс, 2017. - С. 12.
[130] Фуко М. Воля к истине: по сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко // Пер. с франц. - М.: Касталь, 1996. - С. 27.

дискурс в тесной взаимосвязи с такими понятиями как адресант информации, адресат и текст, при помощи которого эта информация передается [131] . Взаимосвязь этих трех терминов (адресант, адресат, текст) с дискурсом легла в основу нового **интерпретативного подхода** к изучению дискурса. Смысловое развертывание концепта, в результате которого создается общий контекст, по мнению В.З. Демьянков является дискурсом. Исследователь выделяет ряд элементов дискурса: излагаемые события, участники, перформативная информация и «не-события», то есть: а) обстоятельства, которые сопровождают события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, которая связывает дискурс с событиями [132] . Следовательно, дискурс зависит от интерпретации информации в контексте как автором (адресантом), так и получателем (адресатом), где контекст играет важную роль в процессе интерпретации.

Исследователь Г. Кук изучал взаимосвязь дискурса и контекста. Рассматривая работу Г. Кука, мы отмечаем, что дискурс трактуется как явление, которое наполняет текст связностью и значением, а под текстом понимаются «языковые формы» [133]. По мнению Г. Кука, анализ дискурса невозможен без взаимодействия текста со знанием контекста. Исследователь определяет контекст в его широком понимании, а именно «(контекст) включает в себя такие параметры как лингвистические, экстралингвистические и прагматические: физический носитель текста, параязык (мимика, жесты), ситуация (взаимоотношения людей и окружающих предметов), со-текст (предыдущий и

[131] Менджерицкая Е.О. Дискурсосфера печатных СМИ. Игра на выживание: монография / Е.О. Менджерицкая - Москва: Макс Пресс, 2017. - С. 13.
[132] Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста / В.З. Демьянков // Всесоюзный центр переводов. Тетради новых терминов. 39. М., 1982.- С.7.
[133] Cook G. The Discourse of Advertising / G. Cook. - London and New York: Pergamon Press, 1994. - 23 p.

последующий текст как элементы самого дискурса), интертекст (текст-элемент другого дискурса, связанный с данным текстом и влияющий на его восприятие), участники общения (адресант, адресат), функция (иллокутивное намерение и перлокутивный эффект)» [134] . Таким образом, при рассмотрении дискурса требуется изучение взаимодействия текста с контекстом в широком понимании явления.

Отождествление дискурса с речью позволило исследователям разработать **социолингвистический подход** к его изучению. Данный подход весьма популярен как среди зарубежных (E.A. Cmejrkova, D. Tannen , A.B. Stenstrom, N. Fairclough, Z.S. Harris, D. Schiffrin), так и среди и отечественных лингвистов (Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, А.Г. Кириллов, К.В. Никитина, В.В. Пономаренко, Е.В. Чернявская). В первую очередь, стоит отметить разведение области употребления терминов: «дискурс» был отнесен исследователями больше к *лингвосоциальной области* (Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, N. Fairclough), где дискурс рассматривается как социолингвистический феномен и трактуется как речь «погруженная в жизнь»[135], на которую влияют различные экстралингвистические факторы, тогда как «текст» оставался исключительно лингвистическим термином, часто интерпретируемым как вербальное отражение коммуникативного события [136] (Михальская А.К., Brown G., Yule G., Kress G.). Т. ван Дейк поддерживал идею принадлежности дискурса к лингвосоциальной области. Согласно исследователю, дискурс можно описать как «сложное коммуникативное

[134] Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. - М.: ИТДГК “Гнозис, 2004. - С. 11.
[135] Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]/ - М.: Советская энциклопедия, 1990. - URL: http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/diskurs/168 (дата обращения: 19.06.2020).
[136] Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория / А.К. Михальская. - М.: Издательский центр “Академия”, 1998. - С. 123.

событие», которое не ограничено рамками речи, а также включает в себя личные и социальные качества говорящего»[137]. Данное определение дискурса было заимствовано отечественными лингвистами при разведении терминов: дискурс - текст. В таком случае дискурс определяется как «текст в реальном времени, сложное коммуникативное явление, включающее в себя не только языковые формы (письменные и устные), фиксирующее смысловое содержание речевого сообщения, но и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, ассоциативный фон и т. д.), необходимые как для формирования текста, так и для его понимания»[138]. Таким образом, исследователи определяют текст как речевую конструкцию, которая представлена в статичном состоянии, а дискурс – словесное произведение, которое рассмотрено с разных ракурсов в динамике» исследователи определяют «текст» как «речевое произведение, данное в статике[139].

Изучив различные подходы к интерпретации понятия «дискурс», можно сделать вывод, что данное понятие тесно связано с определенными прагматическими, ментальными условиями порождения и восприятия сообщения, ориентированных на анализ информации. «Коммуникативная ситуация, которая является главной составляющей дискурса, есть элемент культуры, и поэтому анализ дискурса, выявление и объяснение скрытых смыслов неизбежно выводит на культурно маркированные обстоятельства и формульные модели поведения, имеющие социально-групповую или этнокультурную значимость» [140] . Таким образом, дискурс следует рассматривать как

[137] Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. - М.: Прогресс, 1989 – С. 122.
[138] Беляевская Е.Г. Когнитивные параметры стиля / Е.Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. - №1 (022). – С. 25.
[139] Бажалкина Н.С. Текст в системе дискурса / Н.С. Бажалкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2016. – №1. – С. 16-25.
[140] Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. - М.: Гнозис, 2009. - С.278.

социолингвистический феномен, в формировании которого задействуются когнитивные процессы, позволяющие отражать мышление средствами конкретного языка.

Поскольку в фокусе нашего исследования лежит исследование лингвокогнитивного феномена контраста, целесообразным является определять дискурс с позиции когнитивного содержания, вкладываемого адресатом адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации (сформулировано Е.О. Менджерицкой)[141]. Следующий шаг нашего исследования направлен на анализ подходов к рассмотрению политического дискурса.

1.4.2. Политический дискурс в лингвистике

Ежедневно просматривая социальные сети, мы получаем тысячи информационных сообщений, многие из которых связаны с политикой. Еще с древних времен, выдающиеся деятели отмечали важность политических тем в человеческом общении. Аристотель утверждал, что «человек по своей сути существо политическое» [142], и отмечал значительное влияние политики на язык. Впоследствии взаимосвязь политики и языка тесно изучалась деятелями разных направлений, что, в свою очередь, подняло вопрос о существовании отдельного политического языка. Исследователи-лингвисты задавались вопросом статуса политического языка, таким образом сложилось несколько точек зрения:

---

[141] Менджерицкая Е.О. Дискурсосфера печатных СМИ. Игра на выживание: монография / Е.О. Менджерицкая. - Москва: Макс Пресс, 2017. - С. 15.
[142] Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / – М.: Мысль, 1983. – С. 378.

1) *Политический язык - особая знаковая система* (А.Н. Баранов, И.О. Воробьева, М.В. Гаврилова, В.З., Демьянков, Е.Г. Казакевич, Ю.Н. Караулов, D. Duez). Данная точка зрения определяет политический язык как «особую знаковую систему, предназначенную для политической коммуникации» [143] . Лингвисты, поддерживающие настоящую точку зрения, отмечают самостоятельность политического языка, а именно наличие специфических грамматических структур, особой политической терминологии, особых речевых приемов. Однако выделенные характеристики не унифицированы в единую систему для определения политического языка как самостоятельного, следовательно, данная теория требует дальнейшей разработки.

2) *Политический язык не является самостоятельным* (П.Б. Паршин, D. Graber) Данная точка зрения в оппозиции с предыдущей, где лингвисты подчеркивают самостоятельность политического языка. П. Б. Паршин отмечает, что наличие специфических грамматических конструкций и особой политической терминологии не являются достаточным основанием для выделения языка политики как самостоятельного[144]. Д. Грейбер придерживается схожей позиции, отмечая, что «политический язык не обладает ни особым терминологическим вокабуляром, ни специфическими грамматическими структурами. Более того, исследователь заявляет, что язык политики не существует как самостоятельный, а скорее является неким информационным содержанием, в котором происходит распространение информации,

[143] Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры / Баранов А..Н., Караулов Ю.Н. // Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. - С. 6.
[144] Паршин П.Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики [Электронный ресурс]. - URL: http://www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm (дата обращения: 19.01.2022)

обстоятельств политического характера» [145] . Следовательно, исследователи пришли к заключению, что политический язык не является самостоятельным, и его стоит рассматривать лишь как «социальный контекст», в рамках которого распространяется информация политического характера.

3) *Специфическое содержание языка политики внутри национального языка* (Ю.С. Степанов, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, P. Seriot, P. Corcoran). Согласно данной точке зрения, под политическим языком подразумевается особое использование политической терминологии языка для выражения национальных особенностей политической идеологии. Политический язык представляется как средство профессиональной коммуникации в сфере политики. П. Коркоран отмечает, что политический язык отличается, в основном, наличием особой лексики, канонизированных выражений и клише[146], т. е. политический язык следует рассматривать как вариант общенационального языка, как «профессиональную лексическую систему» [147] с наличием особого вокабуляра, а не как отдельную знаковую систему. Согласно данной теории, политический язык обладает грамматическими особенностями, которые выражены в употреблении специфических грамматических форм языке (безличные конструкции, инклюзивное использование личных местоимений «мы», «ваш»/«наш»); Однако данные грамматические конструкции присущи и другим видам коммуникации, и не являются исключительными характеристиками политического языка. То же касается и стилистических особенностей политического языка – склонность к использованию метафоры,

[145] Graber D. Political Languages // Handbook of political communication. – Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. – P. 196.
[146] Concoran P.E. Political Language and Rhetoric. Austin: Univ. of Texas Press, 1979. - P. 13.
[147] Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1970. - С. 478.

метонимии или стилистических приемов, реализующих контраст (антитеза, оксюморон) не является исключительным только для политического дискурса. Наличие особой терминологии не является достаточным основанием для выделения политического языка как отдельной системы, следовательно, теория о функционировании политического языка как профессиональной системы в рамках национального является актуальной.

Такое множество подходов к определению статуса политического языка свидетельствует о сложности явления и ведет к усложнению процесса унификации его характеристик. Сегодня не существует единого определения термину «политический язык».

Изучая вопросы существования языка политики, в лингвистике часто говорят о специфике употребления трех взаимосвязанных терминов: язык политики, политическая коммуникация и политический дискурс. Лингвистический статус данных терминов не является прозрачным, поскольку исследователи занимают различные точки зрения. Более того, разграничение данных понятий является важным для решения задач нашего исследования.

Большинство исследователей заявляют о взаимосвязи между данными терминами. Так, Е.И. Шейгал считает, что политическая коммуникация и политический дискурс находятся во взаимосвязи, и трактует их как «нестрогие синонимы» [148] . Другие исследователи говорят о разнородности. В своем определении политической коммуникации А.П. Чудинов исходит из понятия, что она (политическая коммуникация) процессом общения между участниками

[148] Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – С. 22.

политической деятельности» [149] . В то же время политический дискурс представляет собой совокупность элементов в сознании человека, которые были связаны или могли повлиять на создание политического текста или политической речи [150] . В работах других исследователей можно найти интерпретацию политической коммуникации как «процесса передачи политической информации»[151] (Р.Ж. Шварценберг), «обмен информацией между субъектами политической жизни» [152] (В.В. Латынов), «смысловой аспект взаимодействия политических субъектов, который заключается в обмене информации, необходимой для осуществления борьбы за власть» [153] (М.Н. Грачев). Следовательно, можно отметить, что политическая коммуникация является аспектом более широкого понятия, чем политический дискурс.

Рассматривая различные подходы к интерпретации политического дискурса, невозможно утверждать о наличии единого универсального определения данному явлению, что обусловлено разнообразием теорий об определении понятия «политический дискурс» и смежных с ним понятий. Тем не менее, большинство исследователей отмечают «самостоятельность политического дискурса, цель которого состоит в том, чтобы внушить адресатам, а именно гражданам сообщества, необходимость совершения «политически правильных» действий и / или оценок. Другими словами, цель политического дискурса состоит не в проведении референции, а в убеждении и побуждении

[149] Чудинов А.П. Политическая лингвистика: уч. пособие / А.П. Чудинов. – М.: Флинт: Наука, 2006. – С. 31.
[150] Там же. С. 31.
[151] Шварценберг Р. Ж. Политическая социология: в 3 т. / - М.: 1992. – С. 174.
[152] Латынов В. В. Политическая коммуникация // Политическая энциклопедия: в 2 т. / -М.: Мысль, 1999. – С. 172–173.
[153] Грачев М. Н. Политическая коммуникация: понятие, сущность // Политическая коммуникация: теория, методология и практика. / М.Н. Грачев. - М.: РАПН, 2012. – С. 77-90.

адресата к действиям[154]. Важно отметить, что данная цель может осуществляться как эксплицитно (за счет открытого речевого воздействия), так и имплицитно (за счет манипуляции).

Несмотря на большое количество исследований (Э. Аронсон, Е.Л. Доценко, С. Кара-Мурза, Р. Пратканис, К.Ф. Седов, С. Смирнов, и др.), вопрос манипуляции в политическом дискурсе остается в фокусе внимания, а именно изучаются аспекты воздействия манипуляций на изменение установок, поведения и восприятия адресата, а также изучение ее скрытых характеристик. Инструментом воздействия на адресата выступает слово. Как отмечают многие исследователи, ресурсы языка обширны и могут адаптироваться под различные цели. Следовательно, стоит говорить о речевой (языковой) манипуляции, по средствам которой осуществляется скрытое воздействие на адресата. Речевое воздействие напрямую связано с употреблением слов и словосочетаний, которые содержат оценочные элементы в политическом тексте, а также специфичным использованием языковых средств (синтаксических, стилистических, грамматических). Выбор того или иного языкового средства адресантом, направлен на пропаганду определенных идей и ценностей, побуждение адресатов к действию[155]. Более того, выбор языкового средства напрямую связан с ориентированностью политического текста на базовую оппозицию в борьбе за власть.

Как показало наше исследование, контраст как явление, которое строится на принципе противопоставление, особенно актуален для мира

---

[154] Цит. по Демьянков В.З.: Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller eds. Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. – Bologna: Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna, 1985. - P. 104.

[155] Чудинов А.П. Политическая лингвистика: уч. пособие / А.П. Чудинов. – М.: Флинт: Наука, 2006. – С.33.

политики. Контраст политическом дискурсе может быть выражен вербально и быть очевидным, т.е. строится на системном противопоставлении лексических единиц [156] . Следовательно, в качестве единиц контраста могут быть задействованы антонимы (см. Глава 1, стр. 24), а также стилистические приемы, которые являются фигурами противоположности (см. Глава 1, стр. 29). В Главе 2 мы подробно рассмотрим частные случаи контраста, которые выполняют функцию скрытого воздействия на адресата. Однако, большую трудность в распознавании текста представляет контекстуально обусловленная оппозиция. Иными словами, единицами контраста могут выступать лексические единицы (потенциальные контрастивы), которые не имеют основ для противопоставления вне контекста. Также, в данную оппозицию могут включаться языковые приемы, которые направлены на усиление степени воздействия на адресата (см. Глава 2, стр. 116)[157].

Выводы по Главе 1

Контраст в лингвистике берет свое начало с античной философии и тесно связан с такими понятиями как противоположность, противопоставление и оппозиция. Данные термины определяются философами как логико-философская основа контраста. Рассмотренные подходы к изучению контраста позволили выделить характеристики явления, которые задействуются в процессе его реализации в тексте. -повторы

В нашем диссертационном исследовании под контрастом мы понимаем стилистическое явление, которое основано на взаимном противопоставлении синтагматически-соположенных единиц, выступает динамическим

[156] Lokonova A.E. The specific of contrast in rendering of an analytical article / A.E. Lokonova, E.A. Nikonova // International Conference of Education, Research and Innovation. – 2019. – 12. – 1624.
[157] Локонова А.Е. Роль контраста в организации политического текста / А.Е. Локонова // Герценовские чтения. Иностранные языки. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург. – 2020. – С. 86.

противопоставлением двух содержательно-логических планов изложения, и задействуется в тексте с целью выдвижения значимой информации.

Семантической основой явления выступают единицы контраста или контрастивы, которые представлены антонимами. Единицы контраста можно разделить на два вида: реальные контрастивы - противоположение данных единиц обусловлено наличием очевидной антонимической связи, часто зафиксированной в словаре; потенциальные контрастивы - единицы, не обладающие семантической связью и их противоположение обусловлено контекстуально.

В стилистике текста в качестве языковой репрезентации контраста выделяются фигуры противоположности, такие как антитеза и оксюморон. Обе фигуры противоположности строятся на основе сравнения, однако отличаются характером употребления. В политическом тексте антитеза задействуется для выдвижения различий и противоположностей описываемых образов и ситуаций. Границы данного явления определяются назначением стилистического приема, то есть в зависимости от смысла, реализуемого при помощи антитезы, границами данного стилистического приема могут выступать как предложение, так и целый текст. Оксюморон является стилистическим приемом не характерным для политического дискурса в силу своей яркой экспрессивной сущности. Тем не менее, задействование данного стилистического приема говорит о намерении автора выделить свою авторскую позицию по отношению к описываемым политическим событиям благодаря красочности данного явления.

Реализация контраста в политическом тексте неразрывно связана с понятием контекста контраста. В нашем диссертационном исследовании мы выделяем несколько уровней контекста (микроконтекст, макроконтекст, мегаконтект), в которых реализуется явление контраста. Под микроконтекстом мы понимаем текстовое пространство, достаточное для реализации потенциала реальных контрастивов. Следовательно, границами микроконтекста является законченное смысловое предложение, в котором реальные контрастивы (антонимы) реализуют свою задачу.

Макроконтекст воспринимается шире, нежели чем микроконтекст, и является текстовым пространством, в котором минимальное окружение исследуемых единиц не является достаточным для реализации их потенциала. Контраст в макроконтексте реализуется не только при помощи единиц контраста, но и при помощи стилистических приемов, лежащих в его основе. Границы макроконтекста обусловлены выполнением задачи потенциальных контрастивов, а также выполнением стилистической функции.

Поскольку контраст способен пронизывать структуру всего текста, где все элементы контраста организованы и логически обусловлены, следовательно, уместно говорить о создании мегаконтекста контраста, в котором формируется мега-тезис статьи, закодированный в контрастной форме, а элементы контраста направлены на его реализацию.

Более того, выделяется два контекста контраста, которые тесно связаны с его языковой реализацией в политическом дискурсе: лингвистический и стилистический. Лингвистический контекст контраста создается благодаря элементам контраста, которые функционируют по принципу отталкивания в тексте. Мы выделяем несколько маркеров контраста, которые задействуются в тексте и которые позволяют адресатам декодировать смысл, заложенный автором в контрастной форме. В свою очередь, стилистический контекст выступает в качестве фона, на котором контраст и единицы, задействованные в его формирование в контексте, реализуют полностью свой стилистический потенциал.

ГЛАВА II. СТИЛИСТИКА КОНТРАСТА

2.1. К определению понятия «модель»: обзор различных подходов.

В лингвистике моделирование является неотъемлемой частью исследования текста. Сегодня наблюдается тенденция усложнения авторами структуры текстов: употребление конвергенций стилистических приемов, что влечет за собой возникновение новых, а зачастую скрытых, смыслов, которые затрудняют восприятие информации его читателями. Для изучения процесса возникновения данных смыслов лингвисты часто прибегают к моделированию как одному из самых эффективных способов познавательного процесса.

В основе современной когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания лежит постулат моделируемости. Данный постулат «предполагает изучение некоторого лингвистического объекта не в препарированном виде, а в «в действии», то есть с точки зрения того, какие процессы приводят к его формированию и каким образом он выбирается и используется носителем языка в процессе коммуникации»[158]. Следовательно, само понятие «моделирование» определяется как «процесс исследования объектов познания на их моделях, построение и изучение моделей реально существующих предметов и явлений (…) и конструируемых объектов (для определения, уточнения их характеристик, рационализации способов их построения и т. п.)»[159].

Суть моделирования состоит в познании сущности исследуемого явления, определения процессов его формирования, ключевых свойств и функций, которые послужат платформой для создания моделей, и распространения выведенных характеристик на объект (текст). В 50-х гг. такие исследователи как Л. Хоккей и Н. Хомский впервые начали рассматривать

---

[158] Белявская Е.Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания: (Критерии выбора метода) / Е.Г. Беляевская // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. Научных трудов. - М.: ИНИОН РАН, 2008. - С. 64.

[159] Бирюков Б.В. Моделирование / Б.В. Бирюков, Ю.А. Гастев, Е.С. Геллер // Большая Советская Энциклопедия. – 1974. – Т. 16. – С. 393-395.

понятие «модель» в лингвистике, где под моделью понимают обобщенную и формализованную структуру или процесс тех или иных фактов языка.

На данный момент лингвистами не сформулировано единое определение понятия «модель», что обусловливается сложностью различных объектов моделирования, для исследования которых используются различные методы, влияющие на интерпретацию. Лингвисты определяют модель как: «искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала) в лингвистических целях»[160]; «некая общая схема описания системы языка, какой-либо его подсистемы или отдельного языкового явления» [161] ; «некоторая последовательность абстрактных схем, которые должны явиться более или менее близкой аппроксимацией данных конкретной действительности»[162]. Исходя из множества определений понятия модели, можно сделать вывод, что при моделировании лингвист не только создает функциональный аналог и рассматривает все категории языкового явления, но и выявляет новые знания об объекте исследования и отражает их на практике.

«Модель» состоит из четырех компонентов: субъект; задача, решаемая субъектом; объект-оригинал и язык описания. Согласно Я. Г. Неуймину «особую роль в структуре модели играет решаемая субъектом задача (…), она играет роль главного системообразующего фактора при интеграции свойств в единый интегральный образ как некоторую целостность, как систему» [163] . При моделировании субъектом могут ставиться несколько задач, что «может привести к неограниченному множеству моделей (при этом реализация задачи

---

[160] Булыгина Т.В. Модель / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 304.

[161] Кравцова Ю.В. Моделирование в современной лингвистике / Ю.В. Кравцова // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – 2015. – №. 77. – С. 181-189.

[162]Ревизин И.И. Модели языка / И.И. Ревизин. - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - С. 8.

[163] Неуймин Я.Г. Модели в науке и технике: история, теория и практика / Я.Г. Неуймин. - Л.: Эдиториал УРСС, 2004. - С. 45.

предполагает вариативность), и модель всегда лишь приблизительно соответствует оригиналу»[164].

В когнитивной лингвистике понятие модель формируется на основе структур, определяющих восприятие, хранение и передачу (отражение) информации о мире; представления процессов мышления, понимания, восприятия. Ф. Джонсон-Лэнд выделял два вида умозаключений на основе двух взаимодополняющих стратегий мышления человека: эксплицитный и имплицитный. Эксплицитный вид представляет собой логические умозаключения, а имплицитный представляется выводами, полученными при помощи бессознательного сопоставления получаемой информации с хранящимися в памяти фрагментами опыта; они не являются логически адекватными, но помогают осуществлять быстрые действия. Процесс получения имплицитного умозаключения возможен только при наличии в ментальной сфере человека рабочих ментальных моделей объектов[165]. Соответственно, можно сделать вывод, что модель создается с целью описания когнитивно-вербального явления, а также с целью отражения ситуации посредством языка.

Вследствие многообразия определений понятия «модель» Ю.Д. Апресян предложил типологию лингвистических моделей[166] (однако, согласно автору, типология не является конечной, и может быть модифицирована в ходе различных исследований):

1) Модели, в которых в качестве объекта выступают конкретные языковые процессы и явления. Данная модель позволяет имитировать речевую деятельность человека, которая в процессе исследования раскрывает характеристики изучаемого явления.

---

[164]Неуймин Я.Г. Модели в науке и технике: история, теория и практика / Я.Г. Неуймин. - Л.: Эдиториал УРСС, 2004. - С. 49.

[165] Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения / Ф. Джонсон-Лэрд // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1988. - С. 234.

[166] Апресяна Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк) / Ю.Д. Апресян. - М.: «Просвещение», 1966. - С. 100.

2) Модели, имитирующие исследовательскую деятельность лингвиста. В качестве объекта исследования в этих моделях выступают процедуры, ведущие ученого к обнаружению того или иного языкового явления.

3) Модели лингвистического описания. В качестве объекта данной модели рассматриваются уже готовые лингвистические описания, а не речевая деятельность человека или исследовательская деятельность лингвиста.

В данном диссертационном исследовании мы придерживаемся модели первого типа (по Ю.Д. Апресяна), где в качестве объекта выступает явление контраста, которое раскрывает свои характеристики в политическом дискурсе. Соответственно, под моделью мы понимаем *схему, искусственно созданную лингвистом, имитирующую поведение явления контраста в объекте исследования, с целью изучения процесса его формирования и функционирования в политическом дискурсе.*

2.2. Методика моделирования: фреймовый анализ формирования контраста.

Осмысление сущности явления контраст и прочих перечисленных ранее языковых явлений, а также моделирование процессов их понимания в ходе коммуникации невозможно без рассмотрения когнитивных процессов, на которых это понимание основано. В данном диссертационном исследовании мы рассматриваем не только стилистическую составляющую контраста и смежных по функциям ему стилистических приемов, но и обращаемся к когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического исследования. С когнитивной точки зрения можно заключить, что в основе формирования контраста лежит взаимодействие двух противоположных значений нескольких лексических единиц, следовательно, изучение моделей контраста стоит рассматривать с точки зрения лексической семантики. Согласно Е.Г. Беляевской за лексическим значением стоит все знание об обозначаемом фрагменте действительности, т.е.

фрейм [167] . Соответственно, модели, которые используются в процессе формирования контраста, представляют собой взаимодействие фреймов, которые могут быть реализованы в определенном контексте.

В своей работе «Структура для предоставления знаний» («A Framework for Representing Knowledge») М. Минский ввел термин фрейм, который он определял как «структуру данных для представления стереотипной ситуации» («a data-structure for representing a stereotyped situation») и «структуру, которая может быть адаптирована в соответствии с реальностью путем изменения деталей по необходимости» («a framework to be adapted to fit reality by changing details as necessary»)[168]. Однако, данный термин Минский относил к области информатики и создания искусственного интеллекта.

В нашем диссертационном исследовании мы придерживаемся понимания термина «фрейм», сформулированного Чарльзом Филлмором в своей работе «Фреймы и семантика понимания» («Frames and Semantics of Understanding»), где впервые фрейм рассматривается с точки зрения лингвистики. Согласно Ч. Филлмору фрейм выступает в качестве «специфической единой системы знаний, или связанной схематизации опыта» («a specific unified framework of knowledge, or coherent schematisation of experience»)[169]. Согласно фреймовому подходу слова рассматриваются шире, чем зафиксированное лексическое значение, в них кодируется культура, представление о мире, опыт, образ мышления и даже мнение об объекте. Фрейм способен наделить лексическую единицу новой интерпретацией, путем размещения его содержимого в модель, которая уже функционирует независимо от текста («frame is able to assign it an interpretation by situating its content in a pattern that is known independently of the text»)[170]. Структура фрейма представляется двухчастной: фоновая, заложенная и предполагаемая информация (ground that which is taken for ground, the background,

---

[167] Белявская Е.Г. Семантическая структур слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова: диссертация… доктора филол. наук 10.02.04 / Е.Г. Беляевская. - М.:1991. - С. 25.
[168] Minsky M. A Framework for Representing Knowledge (Technical Report). - Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1974. - 76p.
[169] Fillmore Ch. Frames and Semantics of Understanding // Quaderni do Semantica Vol. VI №2, 1985. - 223 p.
[170] Ibid. 232 p.

the presupposed); актуальная, новая выделенная информация (figure that which is presented, highlighted, posed)[171].

В современной когнитивной лингвистике фреймовая теория Ч. Филлмора не является единственной. В разное время когнитивисты называли подобные структуры как «ментальные пространства» («mental space»)[172]; «когнитивные области» («cognitive domains») [173] ; «концептуальные системы» («cognitive conceptual systems»)[174].

В нашем диссертационном исследовании мы применяем методику фреймового анализа для изучения явления контраста и выделения лингвокогнитивных моделей, которые реализуются в политическом дискурсе.

2.3. Когнитивные модели контраста.

При формировании когнитивных моделей контраста нами был задействован фреймовый анализ. Данная методика позволяет смоделировать когнитивные основания явления контраста, выходя из области лексических значений, и рассмотреть ментальные пространства, которые стоят за ними.

Поскольку при формировании когнитивных моделей контраста мы наблюдаем взаимодействие двух фреймов в одном контексте, которые являются противоположными, то в тексте создается смысловая двуплановость, которая связана не столько с областью функционирования языка, а сколько с мыслительными процессами. При кодировании смыслов в контрастной форме автор задействует не только актуальную информацию, но фоновую, что может говорит о взаимодействии двух систем знаний при формировании контраста.

Наиболее часто контраст репрезентирует знания об обозначаемом фрагменте действительности, которое влечет выдвижение одного из фокусов или

---

[171] Fillmore Ch. Frames and Semantics of Understanding / Ch. Fillmore // Quaderni do Semantica Vol. VI №2, 1985. - 245 p.
[172] Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science Vol22 (2). – Cognitive Science Society, Inc, 1998. – p. 133-187.
[173] Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / R.W. Langacker. – Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1991 – 395 p.
[174] Dijk T.A. van Context and cognition: Knowledge frames and speech act comprehension / T.A. van Dijk // Journal of pragmatics. – 1977. – Т. 1. – №. 3. – С. 211-231.

появление нового. В ходе исследования были обнаружены две когнитивные модели контраста: взаимодействие двух фреймов на базе общего фокуса или терминала/лов (М1); взаимодействие двух фреймов, которое влечет появление нового фокуса (М2). Рассмотрим особенности первой из выявленных моделей (М1)[175].

2.3.1. Когнитивная модель (М1): взаимодействие двух фреймов на базе общего фокуса или терминала/лов.

Как отмечалось ранее, ключевым когнитивным основанием контраста является смысловая двуплановость за счет реализации в едином контексте двух единиц, противопоставленных друг другу. С точки зрения фреймовой семантики, подобная двуплановость возникает за счет взаимодействия двух фреймов, каждый из которых имеет основания для противопоставления. Как показал анализ искомого языкового материала, более частотной моделью формирования контраста является взаимодействие двух фреймов на базе общего фокуса или терминала/лов (М1). Частота употребления первой когнитивной модели (М1) в политическом тексте может быть обусловлена эксплицитным характером ее функционирования. Противоположность компонентов часто ярко выражена в контексте, следовательно, у реципиента не возникает проблем с их декодированием. Рассмотрим процесс формирования первой когнитивной модели контраста.

Статья «In Biden, China Sees an ‘Old Friend ’and Possible Foe»[176] написана в преддверии выборов президента США и посвящена анализу будущих

[175] Локонова А.Е. Лингвокогнитивные основания формирования контраста в политическом дискурсе / А.Е. Локонова // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов. Тезисы международной научной конференции. Минский государственный лингвистический университет. Минск. - 2023. – С. 197.

[176] In Biden, China Sees an ‘Old Friend ’and Possible Foe [Электронный ресурс] // The New York Times. - 2020. - URL:https://www.nytimes.com/2020/09/22/world/asia/biden-china-election-trump.html (дата обращения: 14.07.2023).

отношений Китая и США в случае победы Джо Байдена в президентской гонке. В заголовке автор использует полные антонимы friend: foe, что говорит нам о смысловой двуплановости, которую автор планирует раскрыть в тексте. Лексическое противопоставление единиц friend и foe рассматривается в двух значениях: как «друг: враг», то есть два человека, противопоставленные друг другу на чувствах симпатии и ненависти (a person with feelings of affection/enmity) [Merriam-Webster Online Dictionary](Ф1); и как «сторонник/противник», два человека, которые противопоставлены друг другу на основе противоположных действий: оказывать поддержку/ противодействовать (a person who supports/ opposes someone [Merriam-Webster Online Dictionary] (Ф2).

В контексте эксплицитно выраженная антонимия, представленная полными антонимами friend: foe, свидетельствует о высокой степени контраста в тексте. Первый вариант оппозиции («друг: враг») является наиболее очевидным для читателя вне контекста, однако последующее ознакомление читателя со статьей выявляет второй вариант понимания заголовка («сторонник/оппонент»). В тексте статьи актуализируется именно второй фрейм оппозиции friend: foe:

Таблица 2. Актуализация значений friend: foe.

Фрейм friend/ «сторонник»	**Фрейм foe/ «оппонент»**
he played an important role in China's accession in 2001 to the World Trade Organization the role of cultivating Mr. Xi Mr. Biden worked with Mr. Xi to ease military tensions and warned him against expelling American journalists based in China "my old friend."	do more damage mobilize other nations to pressure China get tough on China sophisticated and coordinated tactics against China a harder line on China's crackdowns on ethnic minorities and Hong Kong.

Разработано автором Локоновой А.Е.

Как мы видим антонимы friend: foe актуализируются в тексте в значениях «сторонник/оппонент», которые выступают когнитивным основанием для формирования контраста в тексте. Их контрастное взаимодействие становится возможным за счет наличия двух терминалов, противопоставленных друг другу. Схематически данное взаимодействие можно отобразить следующим образом:

Таблица 3. Взаимодействие двух противопоставленных фреймов.

Фрейм friend/ «сторонник»		**Фрейм foe/ «оппонент»**
person		person
support someone	≠	oppose someone

Разработано автором Локоновой А.Е.

Таким образом, в представленной схеме мы видим, что взаимодействие двух фреймов становится возможным за счет общих терминалов, которые семантически противопоставлены друг другу, т. е. являются полными

антонимами [Merriam-Webster Online Dictionary]. Результат взаимодействия двух фреймов выдвигается автором на первый план с целью реализации авторского тезиса статьи о том, что президент Байден по отношению к Китаю будет вести двойную игру: играть роль «старого знакомого», который поддерживает теплые отношения с Китаем, а другой стороны проводить более жесткую политику[177].

2.3.2. Когнитивная модель (М2): взаимодействие двух фреймов, которое влечет появление нового фокуса.

Рассмотренная когнитивная модель М1 отражает простой случай контрастного взаимодействия фреймов, поскольку основывается на противопоставлении терминалов двух фреймов, и не предполагает появление нового фокуса. Когнитивная модель М2 затрагивает структуру фреймов, задействованных в формировании контраста. М2 считается более сложной и менее распространенной моделью. В когнитивной модели М2 взаимодействие фреймов приводит к выдвижению в фокус имеющегося нефокусного терминала, который ранее находился на периферии фрейма.

Рассмотрим такое взаимодействие фреймов во второй когнитивной модели М2 на примере аналитической статьи «Enemies within, enemies without» [178]. Речь в статье идет о трансформации понятия «джихад» мусульманским обществом. В заголовке статьи автор прибегает к стилистическому приему антитезы, который отражает суть двух значений

[177] Локонова А.Е. Когнитивные основания формирования контраста в политическом дискурсе / А.Е. Локонова // Современная лингвистика: от теории к практике. Труды и материалы III Казанского международного лингвистического саммита. Казань. – 2023. – С. 289.
[178] Enemies within, enemies without // The Economist. - September 2001. - P. 24.

понятия «джихад»: 1) in Islam, a religious struggle against evil in yourself or in society (enemies within); 2) a holy war fought by Muslims against people who are a threat to Islam (enemies without). Поскольку статья была написана после трагедии 11 сентября 2001 года, при декодировании текста в первую очередь приходит на ум второе значение понятия «джихад». Однако, исходя из контекста статьи, мы видим, что автор стремится показать, что такое восприятие понятия «джихад» является ошибочным, радикальным и осуждается самим исламским обществом (Ф2):

Таблица 4. Актуализация значений enemies within: enemies without.

Фрейм enemies within/ «враг внутри»	**Фрейм enemies without/ «враг извне»**
Striving to perfect	Contentious term
To give hope to others by good example	Duties, a few Muslims choose to ignore them
Islam remains a diverse and broadly tolerant faith	A tiny radical minority
A sense of Islam as a whole, as nation or a polity	To channel noble thoughts into ghastly deeds
Most modern Islamists are peaceful	Blinded to the other options of this world
To return religious to centrality	Shared by many sects
To make faith the determining component of identity and behavior	Zeal is misguided
	Condemned by every Muslim authority presumption bordering on heresy

Разработано автором Локоновой А.Е.

Рассмотрим подробнее схему взаимодействия двух фреймов и проанализируем их особенности в контексте:

Таблица 5. Взаимодействие двух противопоставленных фреймов enemies within: enemies without.

Фрейм enemies within/ «враг внутри»		**Фрейм enemies without/ «враг извне»**
religious struggle		holy war
against (person's evil)		against (threats to Islam)
approved by Muslim society	≠	**condemned by Muslim society**

Разработано автором Локоновой А.Е.

Как мы видим из выше приведенной схемы, оба фрейма имеют схожие терминальные значения (religious struggle-holy war; against person's evil- against threats to Islam), которые формируют основу для фреймового противопоставления в данном контексте. Однако, в результате фреймового взаимодействия в мегаконтексте исследуемой статьи два противопоставленных друг другу периферийных значения (approved by Muslim society: condemned by Muslim society) выдвигаются на первый план, тем самым формируя новый фокус, который автор использует для более точного отражения тезиса данного текста: важно понимать, что радикальные идеи, которые транслируются различными группировками, не являются основным учением религии Ислам и не поддерживаются современным исламским обществом.

Таким образом, рассмотренная вторая когнитивная модель (М2) отмечается более сложной структурой фреймового взаимодействия, в отличие от первой когнитивной модели (М1), поскольку предполагает структурные изменения в самих фреймах, а именно возникновения нового фокуса в тексте, путем выдвижения периферийного фрейма на первый план.

2.4. Дискурсивные модели реализации контраста.

Ранее нами были выделены две когнитивные модели, которые лежат в основе процесса формирования контраста. При реализации контраста в политическом дискурсе когнитивные модели выступают в качестве основы данного явления. Однако, его стилистический потенциал раскрывается непосредственно в определенном контексте с участием стилистических средств, способствующих реализации контраста. Проведенное нами исследование позволило выделить четыре ключевых дискурсивных модели реализации контраста: уровень микроконтекста, уровень макроконтекста, уровень мегаконтекста, уровень сверхтекста. Под дискурсивной моделью в нашей работе понимается текстовое пространство, необходимое и достаточное для формирования контраста и реализации его стилистического потенциала. Задача дискурсивной модели продемонстрировать как контраст функционирует на различных уровнях текстовой организации, и выполняет прагматические установки, заложенные автором[179].

2.4.1. Дискурсивная модель реализации контраста в микроконтексте (ДМ1)

Дискурсивная модель контраста в микроконтексте (ДМ1) реализуется на уровне словосочетания или предложения. В настоящем исследовании под микроконтекстом мы понимаем минимальное текстовое окружение единиц

[179] Lokonova A.E. Discourse models of contrast in political discourse / A.E. Lokonova // We Teach-We Touch the Future! Сборник материалов XXVII Международной конференции Национальной ассоциации преподавателей английского языка. Иваново. – 2022. – С. 174.

контраста, в котором они, включаясь в общий смысл фрагмента, реализуют свое значение. Границы микроконтекста, обусловленные предложением, являются достаточным пространством, для реализации контрастного смысла, сформировавшегося путем взаимодействия двух фреймов на базе общего фокуса или терминала/лов. Следовательно, мы можем отметить, что для дискурсивной модели реализации контраста в микроконтексте (ДМ1) характерно проявление первой когнитивной модели (М1).

Маркерами контраста в сконструированной модели в нашем материале выступают антонимы, поскольку в них присутствует семантический потенциал, который раскрывается в словосочетании или целом предложении. В данной дискурсивной модели контраста в микроконтексте (ДМ1) антонимы выполняют ряд функций:

1) актуализации высказывания (данная функция антонимов является основной в микроконтексте);

2) усиление образа или ситуации за счет выделения двух противоположных свойств и характеристик. Данная функция зависит от характера задействованных антонимов: эксплицитно выраженные антонимы более эффективно выполняют данную функцию за счет своей яркой репрезентативности в тексте, в отличие от имплицитных антонимов.

Как видно из анализа материала, для микроконтекста характерно употребление эксплицитно выраженных антонимов. Поскольку антонимы выступают маркерами явления контраста, то их эксплицитно выраженное

употребление в микроконтексте говорит о наличии высокой степени контраста. Мы считаем, что чем выше степень контраста в микроконтексте, тем легче читателю декодировать смысл микроконтекста, заложенный автором. Рассмотрим примеры эксплицитно выраженных антонимов в микроконтексте.

В примере предложения «Whatever the outcome, Britain is now a land of **Remainers** and **Leavers**»[180], взятого из газеты The Economist, автор использует противопоставление, которое строится на противоположных значениях существительных remainer: leaver. Данные существительные образованы от глагольных форм to remain: to leave. Рассмотрим значения глаголов, которые выступают в качестве основы для существительных - to remain и to leave. Данная пара антонимов относит читателя к противоположению, которое сложилось между теми, кто голосует за выход Британии из ЕС, и теми, кто против выхода и голосует за сохранение членства страны в ЕС. Анализ семантических оснований глаголов to remain: to leave показал, что в микроконтексте взаимодействие двух фреймов строится на противопоставлении крайних терминалов, которые находятся в фокусе микроконтекста.

Таблица 6. М1. Взаимодействие двух противопоставленных фреймов remainers: leavers.

Фрейм remainers/ оставаться		**Фрейм leavers/ покидать**
• people • willing • to stay in the EU	≠	• people • willing • to quit the EU

Разработано автором Локоновой А.Е.

[180] The New Tribes // The Economist. - June 2019. – P. 17.

Соответственно, глаголы to remain: to leave являются полными антонимами [Merriam-Webster Online Dictionary], которые дают основание для противопоставления существительных remainer: leaver. В настоящем примере антонимы выражены эксплицитно, соответственно, для декодирования смысла предложения не требуется дополнительная актуализация значений, границы микроконтекста являются достаточным основанием для передачи авторского смысла. Помимо функции актуализации авторского смысла, данные антонимы выступают в качестве характеристики Брексита. Следовательно, данных антонимов достаточно для формирования у читателя цельного образа о ситуации в стране.

В следующем примере фреймовое взаимодействие антонимов дает основание для контекстуального противопоставления: «But now the 77-year-old party grandee, former history professor and author of three books lionizing Trump, must contemplate a new chapter in which the ultimate **outsider** *president* makes way for *Joe Biden*, the ultimate **insider**» [181] . В исследуемом примере пара контрадикторных антонимов outsider: insider описывают качества, которыми автор наделяет двух всемирно известных политиков. При противопоставлении двух политиков контрадикторные антонимы усиливают степень контраста, что, в свою очередь, демонстрирует читателю авторскую оценку по отношению к субъектам противопоставления. Рассмотрим структуру двух противопоставлены фреймов:

[181]Newt Gingrich Democrats want to brainwash next generation [Электронный ресурс]// The Guardian. - December 2020. - URL: https://www.theguardian.com/us-news/2020/dec/29/newt-gingrich-democrats-brainwash-next-generation-trump-us-politics (дата обращения: 15. 01.2021).

Таблица 7. М1. Взаимодействие двух противопоставленных фреймов insider: outsider.

Фрейм insider/ свой		**Фрейм outsider/ чужой**
• a person • to belong to a group	≠	• a person • not to belong to a group

Разработано автором Локоновой А.Е.

Как мы видим на схеме в фокусе находятся два противопоставленных терминала, что указывает на комплементарность двух понятий, что, в свою очередь, является признаком контрадикторных антонимов, которыми выступают в нашем примере антонимы insider: outsider. В анализируемом предложении контрадикторные антонимы раскрывают семантически неоднородное противопоставление president: Joe Biden, выступая в роли их характеристик (outsider president: insider Joe Biden). В противопоставлении автор использует метонимию, заменяя имя собственное (Donald Trump) на занимаемое положение (president). Употребление данного стилистического приема может свидетельствовать о негативном отношении автора к Дональду Трампу в связи с событиями последнего года его президентского срока (проблемы системы здравоохранения, протесты после убийства Джорджа Флойда, мексиканский вопрос). Соответственно, для выявления авторской оценки аудитории необходимо обладать фоновой информацией о политической ситуации в стране, которая не раскрывается в микроконтексте. В самих терминалах двух фреймов указывается элемент «принадлежность к группе» (belong to a group), где под группой подразумевается американское общество. Тем самым автор подчеркивает идею о том, что американское общество поддерживает Джо Байдена, и, напротив, выступает против Дональда Трампа.

В предложении «He (Boris Johnson) has replaced his usual tactic of responding to questions with ***long****, digressive answers* with making ***short*** *points, even one-word replies*» контекстуальное противопоставление, которое основано на паре словарных синонимов answer=point [Merriam-Webster Online Dictionary], раскрывается при помощи эксплицитно (long: short) и имплицитно (digressive: one word) выраженной антонимией. Автор задействует синонимы answer: point с целью показать изменение в характере выступлений Бориса Джонсона. Исходя из микроконтекста мы видим, что ранее Борис Джонсон (будучи министром иностранных дел Великобритании) прибегал к витиеватым и долгим речам (long, digressive answers). Лексема digressive (passing from one topic to another [Merriam-Webster Dictionary]) используется автором, чтобы описать его манеру «перескакивать» с одной темы на другую, и, согласно словарю, носит отрицательный характер. Новая политическая роль (премьер-министр Великобритании) привела к смене тактики в выступлениях и, как отмечает автор, добавила четкости его высказываниям (short points, even one-word reply).

В микроконтексте автор контекстуально противопоставляет синонимы answer: point. Поскольку данные лексемы не имеют семантических оснований для противопоставления, то автор актуализует скрытое противопоставление при помощи лексем, которые выступают в качестве характеристик двух ситуаций. Так, лексемы long: short (контрадикторные антонимы) выступают в качестве характеристики синонимов answer: point, которые эксплицитно выражены в предложении и находится в фокусе читателя при интерпретации контекстуального противопоставления. Пара лексем digressive:one word reply дополняют противопоставление answer: point значениями непрямой, уклончивый (indirect): прямой, четкий (direct). Следовательно, в микроконтексте

противопоставление answer: point раскрывается при помощи двух значений: эксплицитно выраженных (long: short) и имплицитно выраженных (indirect: direct), которые дают основания для взаимодействия двух фреймов. Схематически мы можем отобразить фреймовое взаимодействие при помощи таблицы:

Таблица 8. М1. Взаимодействие двух противопоставленных фреймов answer: point.

Фрейм answer/развернутый ответ		**Фрейм point/краткий ответ**
• response		• response
• long	≠	• short
• indirect	≠	• direct

Разработано автором Локоновой А.Е.

Таким образом, мы видим, что взаимодействие двух фреймов происходит на базе двух терминалов, один из которых имплицитно выражен в микроконтексте.

Противопоставление может строиться только при помощи имплицитно выраженных антонимов: «Asked this week by GPO polling firm be chosen between a «**bad deal**» and staying in the **euro**, or «**no deal**» and return to the **drachma**, more than 56% said they would prefer a «bad deal»[182]. Настоящий пример посвящен греческому кризису 2015 года, когда из-за долговой ситуации стоял вопрос выхода Греции из валютного договора ЕС или же сохранения отношений с Союзом. В микроконтексте читатель сталкивается с контекстуальным противопоставлением bad deal: no deal, которое не имеет семантической связи. В

[182] No run on the banks in Athens, but Greeks now want compromise // The Guardian. - June 2015. - URL: https://www.theguardian.com/world/2015/jun/19/no-run-on-the-banks-in-athens-but-greeks-now-want-compromise (дата обращения: 30.09.2021).

предложении присутствуют лексемы (stay in euro, return to drachma, prefer), которые помогают актуализировать исследуемое противопоставление. Так, лексема to stay раскрывает ситуацию bad deal как сохранение отношений с Евросоюзом и поиск решения проблемы. В свою очередь, лексема to return актуализирует ситуацию no deal в значении выхода из валютного договора ЕС и возвращения к «старой» валюте Греции. Соответственно, две лексемы можно противопоставить друг другу при помощи словарных полных антонимов to stay: to withdraw, заложенных в их значении [Merriam-Webster Online Dictionary]. Лексема to prefer является значимой единицей, поскольку она характеризует ситуацию как выбор народа Греции, а именно сохранение отношений с ЕС, тем самым добавляя значение solution ситуации bad deal, а ситуации no deal значение doubt. Соответственно, взаимодействие двух фреймов bad deal: no deal выявляет имплицитное противопоставление, которое строится на базе двух терминальных значений. Мы можем отобразить взаимодействие двух фреймов схематично:

Таблица 9. М1. Взаимодействие двух противопоставленных фреймов bad deal: no deal.

Фрейм bad deal/плохая сделка		**Фрейм no deal/отсутствие сделки**
• to stay	≠	• to withdraw
• solution	≠	• doubt

Разработано автором Локоновой А.Е.

Как мы видим из приведенной схемы, два фрейма противопоставляются друг другу на базе двух терминальных значений, которые имплицитно задействованы автором: to stay: to withdraw; solution: doubt. Такая имплицитность значений затрудняет декодирование контраста читателем, что говорит о низкой

степени контраста в предложении. В данном микроконтексте задействованные в противопоставлении антонимы не выполняют свою функцию усиления.

Проведенный анализ показал, что в основе первой дискурсивной модели (ДМ1) лежит первая когнитивная модель (М1), которая основана на взаимодействии двух фреймов, противопоставление которых строится на базе общего фокуса или терминала/лов. Границы микроконтекста являются достаточным основанием для реализации когнитивной модели (М1). Антонимы, выступающие в качестве единиц контраста, способствуют его реализации в микроконтексте, что позволяет адресату интерпретировать смысл, заложенный автором. Антонимия в микроконтексте выражена либо эксплицитно, либо имплицитно. Эксплицитная антонимия, задействованная в микроконтексте, очевидна для реципиента, следовательно, наличие эксплицитных антонимов говорит о максимизации степени контраста. В случае с имплицитной антонимией противопоставление раскрывается уже только в контексте предложения. Такие имплицитно выраженные антонимы ведут к усложнению процесса декодирования авторского смысла, что может свидетельствовать о сниженной степени контраста в тексте.

2.4.2. Дискурсивная модель реализации контраста в макроконтексте (ДМ2).

Анализ исследуемого материала позволил выделить вторую дискурсивную модель реализации контраста в макроконтексте (ДМ2). Под макроконтекстом мы понимаем расширенное окружение исследуемой языковой единицы, необходимое для ее адекватного восприятия в случае, когда ближайшее окружение исследуемой единицы не дает ее точную интерпретацию.

Как и в предыдущей дискурсивной модели ДМ1 контраст в модели ДМ2 используется автором для выдвижения авторского тезиса на первый план. Однако, если в дискурсивной модели ДМ1 для реализации контраста достаточно микроконтекста, то в дискурсивной модели ДМ2 его реализация выходит за рамки предложения. Для контраста в модели ДМ2 необходимо большее текстовой пространство – сверхфразовое единство или целый абзац, что обусловлено более комплексным процессом формирования контраста. Мы отмечаем, что в макроконтексте помимо антонимов, в противопоставлении участвуют лексические единицы, которые ранее не имели основания для противопоставления[183].

Анализ политических текстов показал, что в макроконтексте единицы контраста могут быть расположены как контактно, так и дистантно. Контактное расположение единиц контраста способствует выразительности авторского тезиса. Дистантно расположенные единицы контраста, наоборот, говорят о намерении утаить авторскую оценку от читателя, что может свидетельствовать о манипулятивном характере текстового пространства.

Для макроконтекста характерно употребление двух моделей формирования контраста (М1 и М2). Мы отмечаем, что когнитивная модель М1 встречается в макроконтексте значительно реже, поскольку для ее реализации достаточно границ микроконтекста (предложение). Однако, случаи употребления когнитивной модели М1 в макроконтексте указывают на формирование контраста при помощи эксплицитной и имплицитной антонимии, которая не способна раскрыть свой потенциал в микроконтексте. Рассмотрим

[183] Lokonova A.E. Discourse models of contrast in political discourse / A.E. Lokonova // We Teach-We Touch the Future! Сборник материалов XXVII Международной конференции Национальной ассоциации преподавателей английского языка. Иваново. – 2022. – С. 173.

пример реализации первой когнитивной модели контраста (М1) в макроконтексте (ДМ2).

В абзаце « In Nigeria, the UN Development Programme is spending $10m to help“ improve the energy efficiency of a series of end-use equipment …in residential and public buildings[184]”. As a way of lifting people out of poverty, *this is fanciful at best*. Nigeria is the world’s sixth-largest oil exporter, with vast reserves of natural gas as well. *Yet* 80m of its people lack access to electricity. Nigerians do not simply need their equipment to be more efficient; they need a copious supply of energy derived from plentiful local sources» рассматривается экономическая ситуацию в Нигерии, которая характеризуется противоречием: богатство страны за счет природных ресурсов (Ф1) противопоставляется бедности народа Нигерии (Ф2). При актуализации двух ситуаций автор задействует следующие лексические единицы:

Таблица 10. Актуализация фреймов богатство: бедность Нигерии.

Ф1	**Ф2**
vast reserves of natural gases	lack access to electricity
the world’s sixth-largest oil exporter	$10 m to help
plentiful local resources	need a copious supply of energy

Разработано автором Локоновой А.Е.

Исходя из приведенной таблицы, мы видим, что лексические единицы, актуализирующие первый фрейм, формируют терминальное значение Ф1 «избыток», «большое количество» (plenty of). Второй фрейм актуализируется

[184]Climate policy robs the world’s poor of their hopes [Электронный ресурс] // The Financial Times. - February 2004. - URL: https://www.ft.com/content/fe4fc7ec-9ee2-11e3-8663-00144feab7de (дата обращения: 01.11.2020).

противоположным значением – «нехватка», «острая необходимость» (lack of). Соответственно, взаимодействие двух фреймов в макроконтексте обусловлено наличием скрытых значений plenty of: lack of. Два терминальных значения являются противоположными друг другу, поскольку выступают полными словарными антонимами [Merriam Webster Online Dictionary]. Рассмотрим схематически взаимодействие двух фреймов:

Таблица 11. М1. Взаимодействие двух противопоставленных фреймов.

Ф1		**Ф2**
• country • plenty of (natural resources)	≠	• country • lack of (electricity)

Разработано автором Локоновой А.Е.

Как мы видим в абзаце, контраст образуется при помощи взаимодействия двух фреймов на базе противопоставленных терминальных значений. Несмотря на то, что в абзаце используются лексемы, являющиеся антонимами, их расположение дистантно, что снижает степень контраста и затрудняет его восприятие читателем. В макроконтексте присутствуют дополнительные маркеры контраста, которые используются автором для поддержания авторского тезиса. Лексическая единица fanciful (conceived or made without regard for reason or reality) [Merriam-Webster Online Dictionary] эксплицитно указывает на противоречивых характер ситуации (несоответствие действий государства с реальной ситуацией). В абзаце наречие yet связывает две идеи, которые противоречат друг другу (крупная страна-экспортер, население которой не имеет доступа к электричеству). Частица not в предложении «Nigerians do **not** simply *need* their equipment to be more efficient; they *need* a copious supply of energy derived

from plentiful local sources» формирует лингвистический контекст контраста, подчеркивая решение, которое предлагает автор.

Таким образом, в настоящем макроконтексте контраст формируется при помощи когнитивной модели М1 при помощи антонимов и маркеров контраста, который создает лингвистический контекст. Контраст способствует выдвижению авторской позиции о том, что Нигерии стоит пересмотреть подход распределения природных ресурсов и больше сфокусироваться на обеспечении энергией собственного народа.

Первая когнитивная модель формирования контраста (М1) отражает простой и нераспространенный случай взаимодействия фреймов. Для дискурсивной модели реализации контраста в макроконтексте (ДМ2) характерна вторая когнитивная модель (М2). Когнитивная модель М2 является более сложной, поскольку взаимодействие двух фреймов влечет появление в макроконтексте нового фокуса. Соответственно, для ее реализации всегда необходимо большее текстовое пространство, в рамках которого фреймы смогут актуализировать свое взаимодействие.

Макроконтекст обладает необходимыми текстовым пространством, в котором взаимодействие двух фреймов может актуализироваться в полной мере. В результате такого взаимодействия на первый план может выйти значение, которое ранее находилось не в фокусном значении или же появиться совершенно новый фокус, который автор намеренно формирует для более четкого отражения тезиса. Рассмотрим примеры реализации второй когнитивной модели контраста (М2) в макроконтексте.

В первом примере мы рассмотрим взаимодействие двух фреймов, которое ведет к появлению нового фокуса, путем образования третьего фрейма. В абзаце «When it comes to taking drugs, **women** have *always* been seen as *cautious* and **men** as *reckless*, blithely gobbling handfuls of pills or shooting up into any old vein. But **new** research has shown that, at least where ecstasy is concerned, female users have cast off anxieties about losing control or spoiling their looks to ape male consumption patterns» [185] автор анализирует почему отношение женщин к наркотическим веществам претерпело изменение. В абзаце автор эксплицитно противопоставляет две ситуации: отношение женщин к наркотическим веществам (Ф1) противопоставляется отношению мужчин (Ф2). Данные ситуации актуализируются при помощи лексем careful: reckless: 1) careful - having more attention to avoiding danger or trouble; 2) reckless - having or showing less concern for the consequences of one's actions [Merriam-Webster Online Dictionary]. Обе лексические единицы имеют семантическое основание для противопоставления: значение «having more» противопоставляется значению «having less». Наличие семантического основания для противопоставления позволяет рассматривать две лексемы как полные словарные антонимы. Лексическая единица always (on every relevant occasion) [Merriam-Webster Online Dictionary] выступает темпоральным идентификатором, что говорит о том, что противопоставленные характеристики привычны для женщин и мужчин (значение «constantly»). При формировании структур обоих фреймов мы выделяем следующие терминальные значения:

[185] The ecstasy and agony [Электронный ресурс] // The Guardian. - September 2000. - URL: https://www.theguardian.com/society/2000/sep/19/drugsandalcohol.drugs (дата обращения: 01.12.2020).

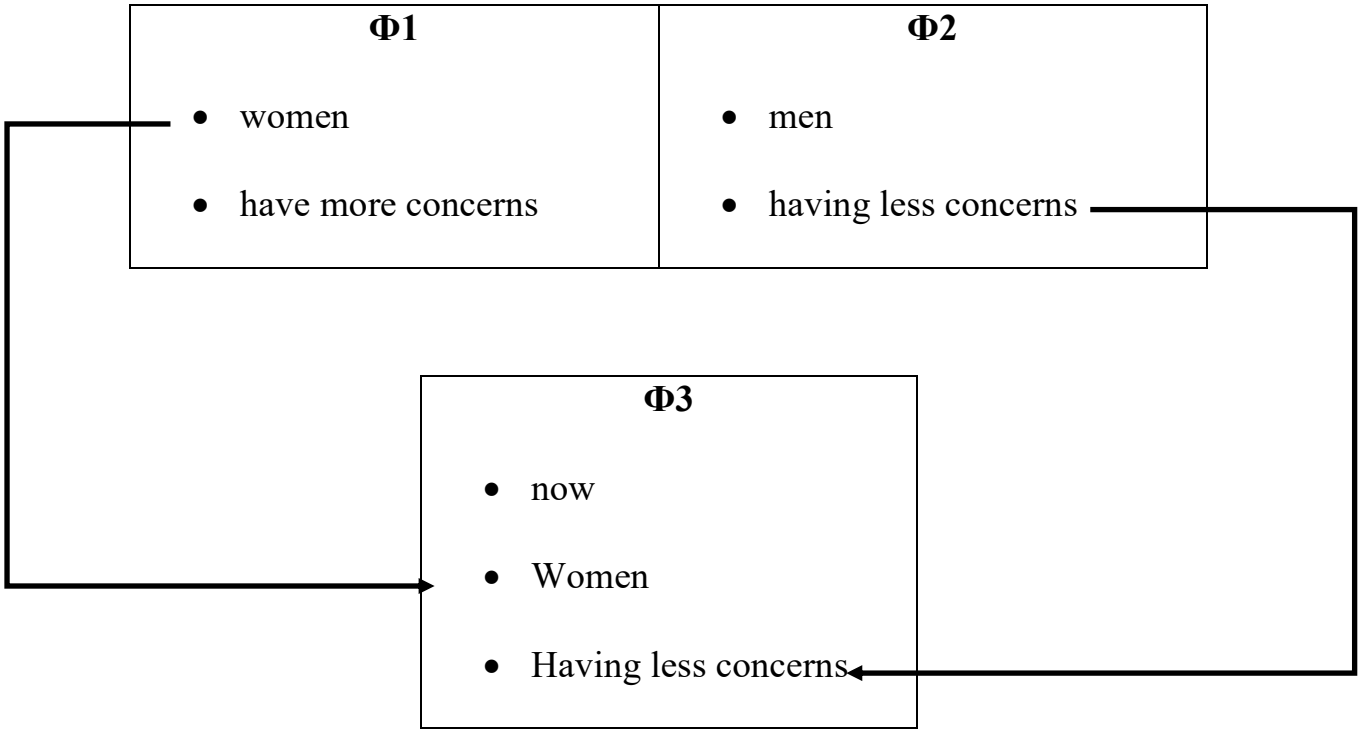
Таблица 12. М2. Взаимодействие двух противопоставленных фреймов.

Ф1		Ф2
• women	≠	• men
• having more attention (to drugs)	≠	• having less concern (for drugs)
• constantly		• constantly

Разработано автором Локоновой А.Е.

Как мы видим, оба фрейма имеют основания для противопоставления. Однако их взаимодействие в макроконтексте абзаца приводит к возникновению нового фокуса, и, соответственно, возникновению нового фрейма (Ф3). Исходя из контекста абзаца, мы видим, что лексема new (not long ago; on some occasions) свидетельствует о том, что привычка была приобретена недавно и относится не ко всем видам наркотиков (ecstasy). Соответственно, противопоставление двух значений (constantly: occasionally) формируют новый фрейм (Ф3), который находится в фокусе абзаца. Структура третьего фрейма, основанная на терминальных значениях women, occasionally, дополняется значением, которое присутствовало в Ф2 при характеристике мужского «безрассудного» отношения к наркотикам. Появление нового третьего фрейма актуализировано при помощи лексем: cast off anxieties about losing control or spoiling their looks to ape male consumption patterns. Представим появление нового фрейма схематически:

Таблица 13. М2. Формирование нового фрейма под воздействием двух противопоставленных.

Разработано автором Локоновой А.Е.

Таким образом, мы видим, что в результате взаимодействия двух фреймов в макроконтексте абзаца возникает новый фокусный фрейм, который отражает суть авторского тезиса. Темпоральные идентификаторы always и new, задействованные в формировании нового фокуса в макроконтексте абзаца, выступают ключевыми основаниями для противопоставления. Союз but выступает грамматическим маркером контраста, и способствует усилению противопоставления. Контактно расположенные по отношению друг к другу единицы контраста способствуют более легкому декодированию нового фокуса.

Другой пример взаимодействия фреймов в макроконтексте демонстрирует формирование контраста путем возникновения нового значения в одном из фреймов. В абзаце «To understand how to avoid conflict in the Taiwan

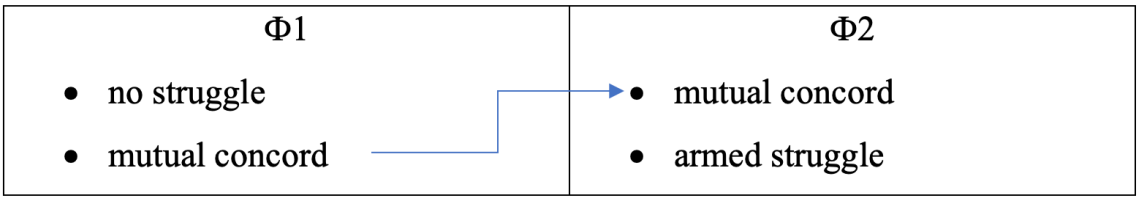
Strait, start with the **contradictions** that have kept the peace during the past few decades. The government in *Beijing* insists it has a duty to bring about unification - even, as a last resort, by means of invasion. *The Taiwanese*, who used to agree that their island was a part of China (albeit a non-communist one), have taken to electing governments that stress its separateness while stopping short of declaring independence. And America has protected Taiwan from Chinese aggression, even though it recognizes the government in Beijing. **These opposing** ideas are bundled into what diplomatic inheritors blithely call the status quo. **In fact**, it is rolling, seething source of neurosis and doubt»[186] поднимается проблема тайваньского вопроса. Автор вводит идею, что поддержание мира в Тайваньском проливе зависит от баланса двух противоречивых действий Китая и Тайваня: 1) Китай стремится к присоединению Тайваня, даже при помощи военных действия; 2) Тайвань, с одной стороны, стремится к полной независимости от Китая, а, с другой, не предпринимает активных действий для ее приобретения. США поддерживают такой баланс, называя его статусом кво (*These opposing ideas* are bundled into what diplomatic inheritors blithely call *the status quo*). Лексема blithely является отрицательно маркированной и показывает нежелание США вмешиваться в настоящую ситуацию (blithely - in a way that shows a casual indifference considered to be callous or improper [Merriam-Webster Dictionary]).

Такое понимание баланса логически противоречит пониманию читателя о мире. Значение «peace» характеризуется отсутствием борьбы (значение «no struggle») и взаимного согласия («mutual concord») [Merriam-Webster Online Dictionary]. Однако при описании отношений между Китаем и Тайванем мы видим актуализацию значения «conflict» (a state of armed violent struggle between

[186] The most dangerous place on Earth // The Economist. -May 2021. – P. 7.

states, nations, or group) [Merriam-Webster Online Dictionary], при помощи противопоставления действий Китая (unification, even, as a last resort, by means of invasion) и Тайваня (stress its separateness). Кроме того, в абзаце автор задействует лексемы, которые подчеркивают логическое противоречие (start with the contradictions; the opposing ideas; in fact, source of neurosis and doubt). Данное противоречие создается за счет взаимодействия двух фреймов, в результате которого под воздействием Ф1 структура Ф2 расширяется и приобретает новое терминальное значение, которое становится фокусным в макроконтексте и в полной мере отражает авторский смысл. Представим данное взаимодействие схематически:

Таблица 14. М2. Воздействие Ф1 на структуру Ф2.

Разработано автором Локоновой А.Е.

В вышеприведенной схеме мы видим, что взаимодействие двух фреймов в макроконтексте абзаца привело к тому, что терминальное значение Ф1 «mutual concord» стало фокусным терминальным значением Ф2. В результате взаимодействия в Ф2 сложилось противоречие, которое отражает основной авторский тезис: состояние конфликта между Китаем и Тайванем, которое поддерживается США, не является гарантом мира в регионе, а, наоборот, может привести к ухудшению ситуации. Рассмотренные лексемы, актуализирующие взаимодействие фреймов, подчеркивают негативное отношение автора к

ситуации, и преследуют цель убеждения автором своей аудитории в неправильности действий США по тайваньскому вопросу.

Таким образом, анализ материала показал, что для второй дискурсивной модели (ДМ2) характерно проявление двух когнитивных моделей формирования контраста. Однако в макроконтексте первая когнитивная модель (М1) проявляется только в случае задействования имплицитной антонимии, для реализации которой необходимо большее текстовое пространство, нежели чем границы микроконтекста. Вторая когнитивная модель (М2) более частотно проявляется в макроконтексте в силу своей сложной структуры. Границы макроконтекста, обусловленные сверхфразовым единством или абзацем, позволяют в полной мере отразить взаимодействие фреймовых структур, которые влекут появление нового фокуса. Расположение единиц контраста в макроконтексте играют важную роль в реализации авторского смысла. Контактное расположение единиц способствуют выдвижению авторской позиции на первый план, а их дистантное расположение способствует имплицитной подачи информации в тексте, что завуалированно является чертой политического дискурса.

2.4.3. Дискурсивная модель реализации контраста в мегаконтексте (ДМ3).

В третьей модели контраст реализуется на уровне мегаконтекста. Под мегаконтекстом мы понимаем текст целой статьи, в котором реализуется явление контраст. В мегаконтексте при формировании явления контраста могут задействоваться обе когнитивные модели: первая когнитивная модель (М1) в

мегаконтексте реализуется при помощи открытого взаимодействия двух фреймов, которые отражают основную идею целого текста. Вторая когнитивная модель (М2) реализуется при помощи формирования в одном из противопоставленных фреймов нового фокуса.

Рассматривая реализацию контраста в целом тексте, мы отмечаем, что в мегаконтекте контекст контраста создается, помимо антонимии, при помощи различных стилистических приемов. Задействованные в реализации контраста стилистические приемы можно разделить на две группы:

- основная группа состоит из антитезы, оксюморона, т.к. данные стилистические приемы выступают фигурами противоположности, которые образуются в тексте за счет совместной встречаемости противоположных значений;

- сопутствующая группа представлена различными стилистическими приемами, такими как метафора, метонимия, сравнение, эпитет, аллюзия, ирония, парадокс, акротеза. Данные приемы не участвуют непосредственно в процессе формирования контраста, однако способствуют усилению степени контраста в тексте.

Анализ политических текстов показал, что контраст присутствует в сильных позициях текста. К таким позициям относятся: заголовок, подзаголовок, формально выделенные части (главы, названия частей, абзацы), начало и конец статьи. Как отмечает И. В. Арнольд, сильные позиции текста «считаются

эффективным средством удержания внимания читателя на важных по смыслу моментах и комбинаторных приращениях смысла»[187].

Особенное значение для реализации контраста имеет заголовок статьи, поскольку данная текстовая составляющая напрямую связана с психологической мотивацией читателя, т.е. задача заголовка побудить читателя прочесть статью. Контраст часто рассматривается как психологическое явление, поэтому его употребление в заголовке носит психолингвистический характер и с большей степенью побуждает читателя к прочтению статьи. Рассмотрим примеры реализации дискурсивной модели в мегаконтексте.

В статье «The loss of El Dorado»[188] реализуется первая когнитивная модель контраста (M1). Статья, опубликованная в газете The Economist, описывает сложную экономическую ситуацию в латиноамериканском регионе. В заголовке статьи автор использует аллюзию на книгу «Утрата Эльдорадо», написанную лауреатом нобелевской премии, британским автором В.С. Найполом. Книга исторического жанра повествует об истории Венесуэлы и Тринидада, об особенностях экономики региона и о многолетнем навязчивом поиске британскими и испанскими колонистами мифической *богатой* южноамериканской страны, Эльдорадо, которая была *потеряна*.

В заголовке автор использует стилистический прием каламбура (The loss of El Dorado). Лексическая единица loss имеет два значения: с одной стороны, лексема означает утрату - the fact of not having someone or something that you had before or of having less of smth than before [Merriam Webster Online Dictionary].

[187] Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. – М., 2002. – С. 23-31.
[188] The loss of El Dorado // The Economist. - September 2015. - P.9.

Данное значение актуализируется при помощи самого названия El Dorado и фоновых знаний (миф об утраченной южноамериканской стране, богатой золотом и драгоценностями). С другой стороны, значение убытка - a situation in which a company spends more money that it earns [Merriam Webster Online Dictionary], что отсылает читателя к идее о финансовых проблемах региона. Соотнесение двух значений вводит тезис статьи, что регион перешел от экономического роста (economic boom) к экономическому спаду (recession). Идея противопоставления экономического роста (Ф1) экономическому спаду (Ф2) является основой, на которой строится организация всего текста. Данное противопоставление актуализируется следующим образом:

Таблица 15. Актуализация двух фреймов в статье.

Ф1 – economic boom	Ф2 - recession
Robust economic growth	Successive year of deceleration
A big fall in poverty	The region has converged downwards
Rising exports of minerals, soya beans and fuels lifted many South American economies	The commodity bonanza prompted distortions
	Investment sagged
Most of the region has become more resilient	Many Latin currencies became overvalued
Stronger banks	The lack of transport
Lower public debt	The paucity of innovation and of skills
	Practicing protectionism

Разработано автором Локоновой А.Е.

Рассмотрим схематично фреймовые основания противопоставления экономический рост: экономический спад:

Таблица 16. М1. Взаимодействие двух противопоставленных фреймов.

Ф1 – economic boom		Ф2 - recession
• economic activity • increase	≠	• economic activity • decrease

Разработано автором Локоновой А.Е.

Исходя из вышеприведенной схемы, мы видим, что оба фрейма имеют основание для противопоставления в виде полных словарных антонимов increase: decrease [Merriam-Webster Online Dictionary], что свидетельствует о первой модели формирования контраста (М1).

При анализе данной статьи нами было выделено 6 противопоставлений, который логически организуют текст в соответствии с авторским тезисом. В настоящем примере контраст эксплицитно проявляется при помощи антонимов, а также таких стилистических приемов как антитеза и ирония. Задействованные автором стилистические приемы сравнения, метафоры, выразительное средство эпитет способствуют раскрытию контраста в тексте, а именно, выполняют функцию выдвижения противопоставления на первый план. Такая комбинация различных языковых средств говорит о высокой степени контраста в тексте, а также способствует его декодированию читателем.

Начиная с первого абзаца «It *was wonderful* while it **lasted**. *For much of this century* Latin America saw robust economic growth, a big fall in poverty and a swelling of the middle classes. *Now* the *good times are* **over**» автор затрагивает тему

экономической ситуации в регионе с противопоставления состояния экономики региона в начале нового тысячелетия состоянию на момент написания автором анализа (статья написана в 2015 году). Противопоставление в анализируемом сверхфразовом единстве является темпоральной оппозицией, поскольку автор статьи сравнивает два временных отрезка (план прошлого и план настоящего). Темпоральная оппозиция строится, во-первых, при помощи грамматических конструкций (Past Simple: Present Simple), которые являются важным индикатором временных отрезков для читателя. Лексемы for much of this century: now поддерживают темпоральную оппозицию на семантическом уровне. Лексемы to last: to be over выступают антонимами, поскольку их значения, отражающие аспект времени, имеют основания для противопоставления to continue: to finish (to last – to continue [Merriam Webster Online Dictionary]; to be over – to be finished, at the end of something [Cambridge Online Dictionary]). Соответственно, темпоральная оппозиция, задействованная в начале текста, говорит о том, что в начале XXI века Южная Америка наблюдала экономический рост, однако спустя всего пятнадцать лет, ситуация в регионе осталась на том же уровне.

Далее в статье автор прибегает к сравнению региона Латинской Америки с другими мировыми развивающимися экономиками. Как мы знаем, в период с 2008 года по 2014 мировая экономика находилась в кризисном состоянии, что сильно ударило по развивающими странам, поскольку поток инвестиций значительно снизился. В сверхфразовом единстве «Emerging markets everywhere are subsiding *like a cooling souffle*. But Latin America has **gone stone cold**» автор использует метафору с целью разъяснения причины экономического спада в развивающихся странах. Чтобы понять метафору нужно обладать некими

знаниями о приготовлении такого десерта как суфле. Если дать суфле остыть, то оно «упадет» и будет уже невкусным. Идея автора заключается в том, что сегодня развивающиеся экономики похожи на остывшее суфле («cooling soufflé»), которое является «невкусным», следовательно, непривлекательным для инвестирования. Что касается латиноамериканского рынка, то автор прибегает к идиоме **stone cold**, что говорит о полном отсутствии интереса к латиноамериканскому региону среди инвесторов. При помощи метафоры автор противопоставляет экономику региона Южной Америки другим развивающимся экономикам и подчеркивает, что положение в Латинской Америке является более тяжелым.

Более того, автор использует стилистический прием иронии с целью насмешки над попытками экономистов «обелить» экономический спад в регионе: The IMF expects growth of just 0,9% in 2015, which would be the **fifth successive year of deceleration**. Many economists are talking of **a new normal growth of only 2%** or so a year - *less than half region's pace during the boom*. В данном примере ирония строится на логическом противоречии двух предложений, где словосочетание a new normal growth логически противопоставляется статистике в 2%**.** В данном случае ирония способствует выдвижению на первый план авторского оценочного суждения (the fifth successive year of deceleration), которое дополняется парантетическим вкраплением в конце предложения (less than half region's pace during the boom). Комбинация контраста и иронии демонстрирует негативное отношение автора к экономистам и, возможно, государственным деятелям за пренебрежение экономической ситуацией в регионе.

В следующем противопоставлении автор статьи раскрывает одну из причин экономического спада латиноамериканского региона путем противопоставления понятий: «**Consumption soared**; **investment sagged**. While Asia built **factories**, Latin America erected **shopping centers»**. Автор использует полные антонимы soar: sag для актуализации реальной причины полного отсутствия в регионе инвестиций, необходимых для экономического роста. Автор дополняет данное противопоставление примером, где сравнивает азиатский рынок, который богато инвестируется за счет политики наращивания промышленности, с латиноамериканским, который полностью сосредоточился на потребителях (что и является основной ошибкой). Соответственно, возникает скрытое противоречие build factories: erect shopping centers, которое не имеет семантических оснований. Такое противоречие объясняет, что из-за высокого потребления среди населения, которое привело к открытию большого количества шоппинг-центров, латиноамериканский регион перестал быть интересным для инвесторов в силу отсутствия развития промышленного комплекса.

Далее автор использует прием антитезы, чтобы вновь подчеркнуть тезис, что регион перешел от экономического роста к экономическому спаду: Past Latin American *commodity* ***booms*** *ineluctably ended in financial* ***busts***. Прием антитезы строится на контрадикторных антонимах boost: bust [Merriam-Webster Online Dictionary], эксплицитно актуализирующие тезис статьи. Далее в статье для описания региона автор модифицирует данную антитезу в эпитет boost-bust continent, что также соответствует основному авторскому тезису.

Для выявления «позитивного» момента экономической ситуации автор использует противопоставление путем сравнения экономической политики двух групп стран региона: малая группа (only countries, such as Venezuela) и большинство стран региона. При помощи противопоставления автор показывает, что малая группа экономически плохо развитых стран препятствуют развитию всего региона: **This time** only **countries, such as Venezuela**, that have repeated old mistakes – fiscal populism, protectionism, and government meddling – face a crisis. **Most of the region** has become more *resilient* after years of responsible macroeconomic policies, with stronger banks and lower public debt. Противопоставление в абзаце строить за счет лексем only countries: most of the region, однако данные лексемы контекстуально противопоставлены и строятся не за счет семантических оснований, а за счет геополитических знаний реципиента о регионе. В тексте автор объясняет данное препятствие при помощи идеи, что ряд стран (имплицитный повтор countries, such as Venezuela) отвергают политику открытого рынка и лоббируют политику протекционизма: In South America many leaders talk about unity while practicing protectionism. Контекстуально противопоставляются лексемы unity: protectionism, где лексема unity в контексте интерпретируется как готовность страны к внешней конкуренции (верное экономическое направление), а protectionism как отстранение страны от импорта и поддержка только внутренних товаров (неверное экономическое направление).

Таким образом, в рассмотренном мегаконтексте статьи формируется первая когнитивная модель контраста (М1), которая формируется за счет антонимов, а также стилистических приемов, способствующих выдвижению авторского тезиса на первый план.

Во втором примере анализируется статья «*Relief* cannot disguise this moment of *self-harm*»[189] [The Independent], которая посвящена сделке между Британией и Евросоюзом. Контраст формируется автором в самом заголовке статьи, в котором противопоставляются две лексемы relief: self-harm.

В первую очередь рассмотрим значения лексемы relief, которая имеет два значения: 1) a relaxed happy feeling that you get because something bad has not happened or a bad situation has ended (значение – «освобождение от негативной ситуации»); 2) the reduction of pain or the effects of an illness (значение «избавление от чего-то болезненного») [Macmillan Online Dictionary]. Соответственно, автор сравнивает членство Британии не только с негативной ситуацией, но и с физической болью. Лексическая единица self-harm имеет единственное словарное значение (physical harm that someone with emotional problems deliberately does to their own body) [Macmillan Online Dictionary], которое коррелирует со вторым значением единицы relief, то есть обе единицы противопоставляются при помощи терминального значения «присутствие/отсутствие физической боли». Однако в контексте мы видим, что под влиянием первого значения лексемы relief («освобождение от негативной ситуации») лексическая единица self-harm приобретает новое переносное значение «создание негативной ситуации», которое ранее не было словарно зафиксировано. Соответственно, в фокусе статьи автор рассматривает противопоставление двух значений «освобождение от негативной ситуации: создание негативной ситуации». Данное противопоставление актуализируется в тексте при помощи других лексических единиц:

[189] Relief cannot disguise this moment of self-harm// The Independent. - December 2020.

Таблица 17. Актуализация фреймов.

Ф1 – good situation	Ф2 – bad situation
Jonson tweeted an image of himself with his arms in the air as if England had just won the World Cup	feel unwelcome
oversold his deal	the sadness for Britain
cake-ist treaty	the unpleasant but timeless truth
the conceit is to pretend…	«behind the border» obstacles
the sensation of relief is very real and welcome	To add to the damage
	The most painful losses
	A self-imposed injury
	Flimsy new treaty

Разработано автором Локоновой А.Е.

Рассмотрим схему фреймового взаимодействия двух лексем в заданном мегаконтексте:

Таблица 18. М2. Воздействие Ф1 на Ф2.

Ф1 relief	Ф2 self-harm
• good situation • no physical pain	• physical pain • bad situation

Разработано автором Локоновой А.Е.

Как мы видим из выше приведенной схемы, обе лексемы имеют основание для противопоставления, однако в случае значения лексемы «relief» терминальное значение «good situation» находится в фокусе, тогда как значение лексемы «self-harm» изначально имеет фокусное значение «physical pain»; нужное для противопоставления значения bad situation изначально не является

фокусным значением и выходит на первый план только в результате взаимодействия двух фреймов в мегаконтексте. Следовательно, формирование контраста в мегаконтексте происходит при помощи модели М2, в котором происходит смещение фокуса. Противопоставление good situation – bad situation способствует раскрытию основного тезиса статьи о том, что, несмотря на желание преподнести Брексит как положительный момент для Великобритании, подписание сделки уже усугубило положение страны.

Данный тезис доказывается автором на протяжении всей статьи, для этого автор использует ряд противопоставлений, которые усиливаются стилистическими приемами. В начале статьи автор задействует карикатуру на двух политиков: Бориса Джонсона и Урсулу фон дер Ляйен, которые тянут огромную рыбу с надписью «deal». Стоит обратить внимание на образы политиков, представленных на карикатуре: Борис Джонсон доволен своим «уловом», что коррелирует со значением «good situation». Урсула, напротив, выглядит напряженной, и на ее лице отражена нервная улыбка, что, в свою очередь, свидетельствует о ее переживании за ситуацию (намек на значение «bad situation»). Таким образом, карикатура отражает ключевое противопоставление статьи, и выполняет функцию визуальной поддержки, благодаря которой автор выводит основную идею текста на первый план.

Карикатура вербально представлена в начале самой статьи, что свидетельствует о смысловом единстве изображения и текста: «The German politician looked and sounded sad, *as did* Michael Barnier, the EU's masterful chief negotiator. Boris Jonson, *by contrast*, tweeted an image of himself with his arms in the air *as if* England had just won the World Cup». Однако в описании автор добавляет

еще одного политика, Мишеля Барнье (Еврокомиссар ЕС), чей образ также противопоставляется образу Бориса Джонсана. Отсутствие Барнье в карикатуре может быть обусловлено тем, что его образ не является столь узнаваем для читателя, что может привести к нивелированию реферативной функции карикатуры. При ее описании в тексте автор противопоставляет эмоции политиков, вызванные выходом Британии из ЕС: Урсула фон дер Ляйн и Мишель Барнье сожалеют (The German politician looked and sounded sad, *as did* Michael Barnier), а Борис Джонсон, напротив, испытывает радость от случившегося (Boris Jonson, *by contrast*, tweeted an image of himself with his arms in the air *as if* England had just won the World Cup»). Противопоставление образов сопровождается грамматическим маркером *by contrast*, что создает необходимый лингвистический контекст контраста, а также образным сравнением эмоций премьер-министра Великобритании с победой национальной футбольной команды на Кубке Мира (*as if England had just won the World Cup*). Такое подробное описание эмоционального состояния Бориса Джонсона коррелирует с лексической единицей relief, тем самым актуализируя значение «good situation». Однако следующее предложение логически противопоставляет эмоциональное, радостное состояние премьер-министра эмоциональному состоянии половины населения Британии, которая не испытывает подобной эйфории: That is **not** how a good half of his fellow citizens, if not more, feel about this *unwelcome Christmas present*. Здесь автор статьи при описании эмоционального состояния доброй половины населения Британии при помощи метафоры сравнивает подписание сделки с нежеланным рождественским подарком. Употребление данной метафоры не случайно. Во-первых, это связано с самим праздником: как мы знаем традиция подарков на Рождество является одной из важный и приятных традиций в Великобритании, соответственно,

метафорическое сравнение показывает, как негативно общество воспринимает данную сделку. Во-вторых, подписание сделки состоялось непосредственно накануне праздника католического Рождества (24 декабря 2019 года). Соответственно, в тексте возникает противопоставление, связанное с описанием отношения к Брекситу: с одной стороны, это радостное событие для Джонсона, и, видимо, для почти половины населения страны (as if England had just won the World Cup), а с другой, неприятное для другой части Британцев (unwelcome Christmas present). Подписание сделки вызывает противоречие среди народа Британии, и, по сути, делит страну на два противоборствующих лагеря. Применение образного сравнение и метафоры в контексте контраста повышает степень контраста в тексте.

В абзаце «The prime minister did what he always does: *oversold* his deal. He joked that it was not his intention to portray the deal as a «cake-ist treaty», but that is precisely attempting. The *conceit* is to pretend that goods and, more importantly, services can flow just about as freely in future as they have in the past. This will not be the case, and companies *large and small*, as well as many individuals, will shortly discover the *unpleasant but timeless truth* that you cannot have your cake and eat it» автор статьи актуализирует противопоставление «good situation: bad situation» путем противопоставления восторга премьер-министра Великобритании по поводу заключения сделки и будущей выгоды (oversold his deal, cake-ist treaty, conceit) и реальности, с которой в ближайшем будущем столкнется экономика страны (unpleasant, but timeless truth that you cannot have your cake and eat it). Словосочетание unpleasant but timeless не просто подчеркивает негативное отношение к экономическому будущему Великобритании, но и также указывает на невозможность обращения данного процесса вспять. Выражение «cake-ist

treaty» связано с идиомой «to have one's cake and eat it», что подразумевает получение чистой выгоды без негативного контекста (to have or enjoy the good part of something without having or dealing with the bad parts) [Cambridge Online Dictionary]. Однако автор модифицирует идиому при помощи модального глагола в отрицательной форме, указывая, что сделка не сможет пройти без негативных последствий для бизнеса.

В конце статьи в предложении «The sensation of relief is very *real* and welcome, *but only* in the way it is when you stop banging your head against a wall» контраст создается при помощи маркера but only, что позволяет противопоставить лексическую единицу relief идиоме bang one's head against a wall (a feeling of frustration because something is stopping you from making progress) [Collins Dictionary]. Идиома является заменой лексемы self-harm, поскольку говорит о сложной ситуации, в которой окажется Британия после заключения сделки.

Контраст пронизывает текст от начала до конца, что подтверждается актуализацией ключевого противопоставления good situation: bad situation при помощи дополнительных противопоставлений (противопоставление образов политиков; противоречие между властью и народом Британии; противоречие между государством и бизнес-сектором). Задействованные стилистические приемы (образное сравнение, метафора) акцентируют внимания читателя на противопоставлениях, используемых автором в тексте и, таким образом, приводят к усилению экспрессивности самого текста [190] . Комбинация

[190] Локонова А.Е. Способы скрытого языкового воздействия на сознание / И.Г. Игнатьева, А.Е. Локонова // Казанская наука. – 2023. – №6. – С. 23.

стилистических приемов и контраста используется для достижения не только стилистической функции, но и для логико-структурной упорядоченности текста.

Рассмотренная в данном параграфе модель (ДМ3) отличается от двух моделей, рассмотренных нами ранее. Если в случае с моделями в микро- и макроконтексте контраст выполнял функцию актуализации авторского тезиса, который рассматривался в границах предложения или абзаца, то в случае реализации контраста в мегаконтексте уместно говорить об актуализации мегатезиса, который является логической основой целого законченного текста. Соответственно, в мегаконтексте основной функцией контраста является композиционно-стилистическая организация текста. Единицы контраста, которые представлены антонимами и сопутствующими языковыми средствами упорядочивают логику высказывания авторской мысли, а за счет сложения противопоставлений, сформированных в тексте, происходит развертывание контраста и его усиление.

2.4.4. Дискурсивная модель реализации контраста в сверхтексте (ДМ4)

Модель контраста на уровне сверхтекста имеет отношение к понятию информационного поля, которое формируется путем взаимодействия факторов различного содержания, разнонаправленных по своей модальности и фактической соотнесенности. Под сверхтекстом мы понимаем несколько текстов (в данном исследовании аналитических статей), связанных единой тематикой, а именно, имеется в виду, тематический центр, который объединяет в единое целое

все единицы (статьи) сверхтекста, упорядоченные автором в зависимости от прагматической установки[191].

При изучении структуры сверхтекста мы отметили ключевые особенности, которые позволяют сформировать характер его функционирования в политическом дискурсе:

1) Структура сверхтекста многомерна: она состоит из нескольких единиц, которые сами по себе являются разнонаправленными самостоятельными законченными текстами, в которых контраст образуется на уровне всех дискурсивных моделей. Их взаимодействие приводит к формированию информационного поля, которое обладает смысловой целостностью, т.е. все единицы сверхтекста связаны одним мегатезисом, который автор или авторы выражают в контрастной форме. Более того, многомерность сверхтекста включает в себя визуальные компоненты (изображения, фотографии, карикатуры, инфографика), которые отражают мегатезис сверхтекста.

2) Связность сверхтекста: поскольку все единицы сверхтекста тематически объединены, то для усиления связности в сверхтексте используется лексические и грамматические повторы внутри текстовых единиц, повторение визуальных компонентов, направленных на поддержание тематического единства.

3) Структура сверхтекста отличается высокой гибкостью. Текстовые единицы включенные в сверхтекст являются самостоятельными, что говорит о возможности включения новых единиц в структуру сверхтекста и исключения

[191] Локонова, А.Е. Особенности сверхтекста в политическом дискурсе / А.Е. Локонова // Казанская наука. – 2022. – №4. – С. 172.

существующих без смысловой потери. Также такая гибкость позволяет единицам сверхтекста существовать независимо друг от друга как целостный текст, что обусловливается эффектом дисперсивности[192]. Такая особенность сверхтекста выгодна для аудитории, поскольку часто у читателя нет времени прочитать все связные текста, следовательно, выбрав только одну единицу (законченный текст) читатель сможет понять тематику всего сверхтекста.

4) Информационная заряженность первой текстовой единицы. С учетом многомерности и гибкости сверхтекста мы отмечаем, что первая единица сверхтекста представляется наиболее информационно заряженным текстом, с целью привлечения внимания читателя.

В данном исследовании мы отмечаем, что контраст является важным явлением в сверхтексте и выполняет композиционно-стилистическую функцию, то есть представляется доминантой, на которой строятся единицы[193]. Рассмотрим подробнее как функционирует контраст в сверхтексте на примере статей из журнала National Review.

Рассматриваемый сверхтекст состоит из двух единиц, которые тематически связанны друг с другом - авторы статей рассматривают тайваньский вопрос во внешней политике США с разных точек зрения. Статьи построены на принципе противопоставления, обусловленном прагматической установкой редакторской коллегии. В самом начале сверхтекста приводится комментарий главного редактора журнала, который обусловливает принцип противопоставления двух статей: Communist China has made no secret of its

[192] Левковская Н. А. Феномен сверхтекста / Н. А. Левковская // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – № 1(21). – С. 28-33.
[193] Локонова А.Е. Функциональная значимость сверхтекста / А.Е. Локонова, Н.А. Левковская // Казанская наука. – 2022. – №4. – С. 164.

designs on Taiwan and has become markedly more aggressive in recent month. For decades, U.S. policy has been support the status quo, **but** the prospect of a Chinese invasion raises the enormously consequential question of whether we should defend Taiwan militarily if it is attacked. We asked two accomplished foreign-policy thinkers *to debate the question.* Во вводном слове автор обосновывает прагматическую установку редакторской коллегии обсудить позицию Америки по вопросу Тайваня. Лексема status quo указывает, что ранее США не предпринимала никаких действий в отношении защиты Тайваня от Китая, однако, в силу обострения тайваньского вопроса (the prospect of a Chinese invasion), США встали перед выбором: защищать Тайвань или нет. Союз but создает необходимый лингвистический контекст контраста, который подчеркивает необходимую трансформацию отношения США к Тайваню. Автор использует словосочетание *to debate the question* как приглашение авторам изложить две противоположные точки зрения: debate - a regulated discussion of a proposition between two matched sides [Merriam-Webster Online Dictionary]. Таким образом, во вводном слове редактор обусловливает при помощи контраста дальнейшую тематику сверхтекста, в котором две точки зрения противопоставлены друг другу.

В подзаголовке первой единицы сверхтекста (E1) автор настраивает читателя на идею о том, что отказ в помощи (или даже защите) Тайваня может привести к серьезным последствиям, и, в первую очередь, для самих американцев: The cost of *not doing so* would be even greater. Лексема not doing so отражает бездействие Америки, что коррелирует с выражением редактора во вступительном слове об американском статусе кво по отношению к Тайваню. В подзаголовке второй единицы (E2) (Options **to deter or respond** to Beijing exist,

but shouldn’t be among them) автор рассматривает два векторных действия США, которые будут предприниматься в случае реальной угрозы Тайваню со стороны Китая: а именно позиция сдерживания или позиция наступления. Лексемы to deter и to respond обладают семантической связью, а именно данные лексемы мы можем назвать векторными антонимами. Антонимия двух лексем строится на векторных направлениях действий: to deter - to turn aside, discourage - движение назад, отступление; to respond - to react, to say something in return - движение вперед, принятие ответных действий [Merriam-Webster Online Dictionary].

Стоит отметить наличие визуального компонента, отражающего прагматическую установку редактора: наличие карикатуры, на которой изображены две державы Китай и США. В фокусе карикатуры национальные символы двух держав, где США представлены в виде белоголового орла, который изображен как голубь, что намекает на миротворческую миссию Америки; Китай, в свою очередь, представлен как воинствующий дракон, чья когтистая лапа пытается «перетащить» остров Тайвань на свою сторону.

Сами единицы сверхтекста (две статьи) имеют «зеркальные» заголовки: The United States Should Defend Taiwan - The United States Should not Defend Taiwan. Нельзя не отметить, что такое яркое и очевидное контрастное противопоставление двух точек зрения в едином сверхтексте является выгодным для журнала, поскольку создается эффект объективности, некоего баланса мнений. В свою очередь, выполняется и функция дисперсивности, оба текста являются законченными, отдельными текстами, т. е. аудитория может прочитать две статьи одного сверхтекста или же выбрать только одну, в зависимости от интересующий ее позиции.

Немаловажно подчеркнуть ключевые слова, которые выступают в качестве модально-смысловой базы сверхтекста. Под ключевыми словами мы подразумеваем слова, которые отражают содержание всего текста (в нашем случае сверхтекста), выявить его тематический центр. Ключевые слова сверхтекста являются неким ядром для смыслового построения текстовых единиц. В рассматриваемом сверхтексте в качестве ключевых слов выступают такие маркеры как America's self-interests; hegemony; defence. В двух единицах сверхтекста выделенные нами ключевые слова имеют множественную актуализацию. Благодаря ключевым словам реципиент формулирует основной тезис сверхтекста, который можно интерпретировать следующим образом: гегемония Китая в Азии, а также его захватнические планы на Тайвань, напрямую угрожают интересам США.

Данные ключевые слова ярко репрезентированы в двух единицах сверхтекста. В Е1 автор описывает Китай как угрозу ценностям США, в большом количестве актуализируя идею лексическими единицами (undermine our national life; endanger our liberties, grave consequences for the livelihood), с чем автор второй единицы сверхтекста (Е2) полностью согласен (stifle America's democratic liberties). Такая консолидация двух мнений может свидетельствовать о формировании оппозиции «свой - чужой» в сверхтексте, где под «своим» воспринимается США, ценности и интересы американского народа, а в образе «чужого» Китай, который несет угрозу для государства и его жителей. Автор многократно подтверждает данную идею на уровне микро- и макроконтекстов. Так, например, в макроконтексте автор использует противопоставление с целью создать пугающий образ Китая и его зловещих планов на весь мир: Bear in mind as well that China has already created *a panopticon* social model within its borders,

using big data, surveillance, and coercion to engineer domestic political control. And that's *against its own people;* imagine what famously *nationalistic* China will be prepared *to do to others*. Для «устрашения» аудитории автором используется сравнение внутренней политики Китая с паноптикумом (сборище всего самого жуткого и невообразимого), а также употребляется эпитет nationalistic, с целью продемонстрировать излишний фанатизм руководства Китая.

Тайваньский вопрос выступает как «камень преткновения» между США и Китаем. Оба автора согласны с тем, что Тайвань является стратегически важным объектом в противостоянии Америки и Китая, как в военном, так и экономическом. Однако авторы расходятся во мнениях по поводу позиции защиты Тайваня.

В первой текстовой единице автор фокусирует внимание читателя на объединении ряда стран для соизмеримого ответа Китаю (The vital force of this coalition is confidence - confidence in *America's willingness to stand strong* alongside these states in the face of Chinese pressure and assault) и подчеркивает военную значимость США, не исключая возможности военных действий в случае нападения Китая на Тайвань (We must *drop everything else* and ensure that we and the Taiwanese themselves procure and deploy the military forces and systems needed for Taiwan's effective defense). В приведенном микроконтексте мы также видим оппозицию «свой-чужой»: местоимение «we», дважды используемое в данном примере, репрезентирует народ США и добавляет в свое смысловое поле народ Тайваня (we and the Taiwanese themselves), тем самым автор подчеркивает, что Тайвань является частью национальных интересов Америки. Противопоставленный компонент «чужой» в настоящем примере не представлен

лексически, однако именно намеренное объединение народа Америки с народом Тайваня логически выявляет компонент «чужой», который представлен Китаем, который угрожает национальным интересам обоих народов.

Во втором тексте автор напротив фокусирует внимание читателя на опасности начала масштабного военного конфликта между США и Китаем (It poses the greatest danger of a cold war turning hot, a protracted security competition turning into a major war) и на необходимости предпринять все возможные попытки для его предотвращения (In the window before hostilities, America could use nonmilitary tools, including coordinated economic sanctions with the EU, Japan, Australia, and others). Следовательно, мы видим, что композиционно-стилистически организация сверхтекста строится на контрастном противопоставлении двух фреймов:

Таблица 19. М1. Взаимодействие двух фреймов.

Ф1 US position		**Ф2 US position**
• danger of war		• danger of war
• military coalition	≠	• economic coalition
• military response	≠	• non-military response

Разработано автором Локоновой А.Е.

Данное противопоставление актуализировано при помощи лексических единиц:

Таблица 20. Актуализация фреймов в сверхтексте.

Ф1	Ф2
Coalition of nations prevents Beijing from dominating Asia Essential collaboration To defend fellow coalition members against China Anti-hegemonic coalition	Not fight a war with China over Taiwan Against becoming belligerent To deter agression Danger of cold war turning hot A protracted security competition turning into a major war To deter Beijing The Pyrrhic war Spiralling war China’s gloves-off intimidation

Разработано автором Локоновой А.Е.

Таким образом, в сверхтексте задействуется первая когнитивная модель контраста (М1), чье фреймовое взаимодействие формирует композиционно-стилистическую структуру сверхтекста. Более того, в сверхтексте отмечается формирование дискурсивных моделей контраста на микро- и макроуровнях, которые авторы используют не только для организации текста, но и для выделения смысловых позиций, важных с точки зрения формирования общего тезиса сверхтекста. Так, например, при объяснении причины создания военной коалиции против Китая автор первой единицы сверхтекста задействует сопоставление экономики США и Китая. В макроконтексте «While the United States is a superpower, its economy is *roughly comparable* in size to China’s, and it is, of course located across *a vast ocean from the economic centers of Asia*. Power and

influence naturally tend to attenuate over distance, and so America simply is **not strong** - let along resolute- enough to confront China **alone** in Asia. Instead, *an anti-hegemonic coalition* is needed to prevent this outcome» автор при помощи сравнения указывает на причины экономического и территориального характера, почему Америка не может в одиночку конкурировать с Китаем. Контраст в данном макроконтексте формируется за счет лексических компонентов, а также отрицательной частицы not, которая выступает ключевым элементом в формировании лингвистического контекста. Также в макроконтексте присутствует оксюморон, который создается автором за счет описания США как сверхдержавы, которая недостаточно сильна для борьбы с Китаем: лексема superpower (an extremely powerful nation able to enforce its will upon the most powerful states [Merriam-Webster Online Dictionary] не подразумевает проявление слабости государством, которое претендует на роль лидирующей мировой державы. Использование автором статьи оксюморона, с одной стороны, ставит под сомнение позицию США как безоговорочного лидера, с другой стороны, обладает сильным эмоциональным воздействием на аудиторию (автор рассматривает граждан США в качестве целевой аудитории), где интересам США угрожает новый гегемон в лице Китая, и логически объясняет невозможность противостояния США в одиночку территориальной удаленностью (Power and influence naturally tend to attenuate over distance…).

Таким образом, рассмотренный пример дискурсивной модели ДМ4 показал, что контраст в сверхтексте выполняет ключевую задачу, направленную на интеграцию единиц сверхтекста в единое текстовое пространство, что обусловливается композиционно-стилистической функцией. На концептуальном уровне контраст в сверхтексте создает смысловую основу, которая организует

единицы сверхтекста, а также и визуальные компоненты. Смысловая основа сверхтекста формируется за счет ключевых слов, используемых для поддержания мегатезиса. Контраст также проявляется на лексическом уровне за счет наличия антонимов, на грамматическом уровне за счет повторов и параллельных конструкций и стилистическом за счет стилистических приемов, направленных на стилистическую организацию текстовых единиц. Мы отмечаем, что функционирование контраста в сверхтексте политического дискурса характерно с целью отражения противоположных точек зрений, некий баланс мнений, что может свидетельствовать о стремлении к объективности.

3.1. Роль стилистических приемов в контексте контраста.

В нашем диссертационном исследовании мы рассматриваем контраст как явление стилистическое, что ставит необходимость рассмотреть роль стилистических приёмов в процессе реализации контраста в политическом дискурсе. Под стилистическим контекстом контраста мы пониманием интеграцию различных стилистических фигур в процессе формирования особой образной системы, в которой текстовые элементы разных уровней противопоставляются. Стилистический контекст контраста позволяет отразить авторский замысел и подчеркнуть ключевую идею текста. Более того, в стилистическом контексте контраста задействуется языковые элементы разных уровней, тем самым создавая структуру и семантическую упорядоченность текста.

Задействованные в создании стилистического контекста контраста языковые средства можно условно разделить на две группы: основную и сопутствующую. Основную группу представляют такие фигуры противоположности как антитеза и оксюморон. Особенности данных стилистических приемов мы рассмотрели в первой главе нашего исследования (см. Глава 1, параграф 1.3, стр. 24). Вышеупомянутые стилистические приемы составляют основу контраста, отличительной особенностью которых является *противопоставление* несовместимых признаков в одном контексте. Однако, несмотря на свою схожесть в процессе формирования, главным отличием антитезы от оксюморона выступают задействованные логические нормы: в оксюмороне логическое противоречие является резким и более очевидным; в антитезе уместно говорить о более плавном противоречии, которое часто незаметно для читателя. Группа основных стилистических приемов направлена на поддержание авторского тезиса в тексте, который является либо центральным для всего текста, либо значимым для того текстового отрезка, где данный прием используется.

Сопутствующей группой называют стилистические приемы, которые не имеют в своем основании противопоставления и являются по своей сути фигурами тождества. По признаку тождества в данную группу стилистических приемов мы относим такие средства как образное сравнение, метафора, метонимия, гипербола. Поскольку данные приемы выступают фигурами тождества, то сравнение, которое заложено в них, является значимым компонентом для реализации контраста, другие же компоненты данного приема в контексте контраста могут выступать как разнородные, а зачастую и полярные. Сравнение не только выявляет противопоставление двух компонентов, но и

может выявить внутреннее противоречие, которое автор намерено транслирует своим читателям, тем самым создавая контекст контраста и демонстрируя субъективно-оценочное отношение к фактам объективной действительности. Таким образом, применение стилистических приемов, в основе которых лежит принцип тождества, способствует созданию контекста контраста, и обусловливает прагматическую установку автора с целью усиления выражения авторского отношения.

Рассмотрим функционирование двух групп стилистических приемов в политическом тексте и определим их роль в реализации контраста в политическом дискурсе.

В первую очередь, стоит рассмотреть функции антитезы, поскольку данная фигура является более частотным случаем проявления контраста. По мнению И. Р. Гальперина, антитеза обладает несколькими функциями, которые используются в тексте: сопоставление черт или особенностей для выявления определенной специфики (сравнение); разведение характеристик одного явления с целью подчеркнуть их полярность (разделение); соединение двух компонентов для создания единого смыслового плана (объединение)[194]. Рассмотрим, как данные функции работают над созданием контекста контраста.

В примере « The United States has *regularly* **increased** and **decreased** its presence around as threats have **risen** and **ebbed**»[195] антитеза формируется при помощи пар словарных антонимов increase: decrease и rise: ebb [Longman English Dictionary], где вторая пара антонимов rise: ebb является синонимическим

[194] Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. - Изд-во лит. на ин. яз., Москва: 1958. С. 143.
[195] After the chaos in Kabul // The Times. - September 2021. - P. 15.

повтором первой пары increase: decrease. Данные антонимичные пары позволяют автору подчеркнуть единую характеристику - непостоянство, разнонаправленность действий США, которые зависят от внешнеполитических факторов. Соответственно, в настоящем примере антитеза выполняет функцию объединения, в котором полярные компоненты работают над созданием единого образа, который автор намерен донести до читателя - военное присутствие в различных регионах является одним из основных направлений внешней политики США.

В примере «In 2014, the battle for Europe's future has been fought *between two leaders*: Russian president Vladimir Putin and German chancellor Angela Merkel. *The contrast between them* could not be sharper. There is the Russian man: macho, militarist, practitioner of the Soviet-style big lie (Russian soldiers in Crimea? What soldiers?), a resentful post-imperial nationalist who in a recent press conference compared Russia to an embattled bear. Here the German woman: gradualist, quietly plain-speaking, consensus-building, strongest on economic power, patiently steering a slow-moving, sovereignty-sharing, multinational European tortoise»[196] мы можем наблюдать антитезу, которая в данном макроконтексте выполняет функцию разделения. Автор строит антитезу на основе противопоставления образов двух политиков и идеологий их стран, актуализируя его лексически при помощи других выражений, подчеркивающих их противопоставление (militarist, practitioner of the Soviet-style big lie, a resentful post-imperial nationalist: gradualist, quietly plain-speaking, consensus-building). Подробное описание образов автор использует, чтобы подчеркнуть различие политик двух стран. Антитеза

[196] Ash T. G. Angela Merkel has faced down Russian bear in the battle for Europe [Электронный ресурс]/ T. G. Ash // The Guardian. - December 2014. - URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/dec/22/angela-merkel-russian- europe-russia-german (дата обращения: 28.06.2020).

усиливается за счет вовлечения гендерной характеристики - противопоставление мужчина: женщина, что позволяет максимально дистанцировать два образа друг от друга. Как мы видим в данном примере, функция разделения эксплицитна для читателя. Автор намеренно использует яркое противопоставление двух образов, сопровождая описание яркой оценочной лексикой с целью сформировать определенное отношение к каждому из лидеров. Оценочность характерна для политического дискурса, следовательно, разделительная функция антитезы играет роль нередко задействуется адресантом для формирования выраженной оценки в тексте.

В примере «Everything that **Black people** have *gone to prison for*, **white people** seem to be able to *get rich from*»[197] антитеза строится не только на противопоставлении двух образов (black people: white people), но и на сравнении двух характеристик. Лексемы, вовлеченные в антитезу (go for prison и to get rich from), не являются антонимичными, и оказываются противопоставленными только в составе целого высказывания. В настоящем примере автор использует антитезу для сопоставления (сравнения) двух ситуаций, которые исторически сложились в американском обществе. В данном микроконтексте контраст выражен эксплицитно и имплицитно: эксплицитное противопоставление формируется за счет антонимов black: white, что напрямую сигнализирует читателю о наличие контраста в тексте, имплицитное противопоставление формируется за счет фоновых знаний об историческом противоречии между двумя расами.

[197] The opposition between George Bush and Trump? // Nation. - January 2021. - P.8.

В политическом дискурсе мы наблюдаем все вышеперечисленные функции антитезы, однако стоит отметить, что функция сравнения выступает доминантной. Статистика показывает, что на сравнительную функцию антитезы приходится 54% от общего количества проанализированных примеров (функция объединения - 28%; разделительная функция 18%). Количественная частотность сравнительной функции антитезы в политическом дискурсе обусловлена тем, что в политических текстах преобладает не столько функция информирования, сколько функция социально-психологического воздействия на аудиторию. Противопоставление определенных черт, фактов, особенностей, явлений через сравнение транслирует субъективно-оценочное отношение автора к тем или иным политическим событиям, что соответствует функции воздействия политического дискурса, следовательно, задействование сравнительной функции антитезы является характерным для политического дискурса и более результативным.

Стилистический прием оксюморон отличается от антитезы наличием резкого логического противоречия, когда значение определения по смыслу противоречит или логически исключает значение определяемого[198]. В тексте оксюморон используется для более яркого описания фактов и явлений, что приводит к усилению образности текста. Усиление образности характерно для художественного текста, когда как в политическом дискурсе оксюморон встречается редко в силу того, что политический язык менее образен (16% от общего количества проанализированных примеров). Однако случаи

[198] Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. Изд-во лит. на ин. яз., Москва: 1958. С. 143.

употребления оксюморона в политическом тексте способствуют выдвижению авторской позиции и придают тексту большую эмоциональную окраску.

В примере, взятом из аналитической статьи «What really happened at the Trump-Ryan meeting» из газеты the Washington Post, автор задействует оксюморон в подзаголовке статьи: «**War** is **peace**. **Freedom** is **slavery**. *Trump* is *Nominee*»[199]. В данном подзаголовке каждое предложение выступает в качестве оксюморона, если первые два предложения построены на основе семантической связи (компоненты оксюморона являются антонимами), то в третьем оксюморон обусловлен контекстом, поскольку две задействованные лексемы не имеют семантической связи. Лексемы war: peace, freedom: slavery выступают в качестве словарных антонимов [Cambridge English Dictionary]. Первые два оксюморона выдвигают противоречие на первый план, тем самым создавая особый контекст контраста. Третье предложение не имеет семантического основания для противопоставления, однако контекст контраста указывает на логическое противоречие данного выражения. Для его выявления необходимы фоновые знания, которыми обладает англоязычная аудитория: на момент написания статьи Дональд Трамп был известен как бизнесмен и его кандидатура на пост президента США стала для американского общества неожиданностью (в том числе и автора статьи). Контекст контраста при помощи оксюморона раскрывает логическое противоречие о том, что за историю президентства США не было случаев, когда на пост президента баллотировался бизнесмен. Стоит также отметить, что оксюморон, задействованный в настоящем макроконтексте, не только выдвигает на первый план противоречие, но и является методом выражения авторского отношения к происходящим событиям. Следовательно,

[199] Petri A. What really happened at the Trump-Ryan meeting [Электронный доступ] // Washington Post. - 2016. - URL: https://www.washingtonpost.com/ (дата обращения 13.08.2021).

уместно говорить, что в политическом дискурсе оксюморон отражает субъективную авторскую позицию.

Таким образом, антитеза и оксюморон являются основными стилистическими приемами, которые стилистически способствуют отражению контекста контраста в политическом тексте. Оба стилистических приема способствуют отражению субъективно-оценочной авторской позиции. Главным отличием двух стилистических приемов является их прагматическая установка: 1) Антитеза задействуется для сравнения двух противопоставленных фактов или событий. Противопоставление может быть выражено как имплицитно, так и эксплицитно, в зависимости от характера текста и степени воздействия на аудиторию; 2) Оксюморон всегда эксплицитен для реципиента, следовательно его употребление в политическом дискурсе обусловлено намерением эксплицитно выразить авторскую оценку к тому или иному политическому событию.

Ранее нами были перечислены стилистические средства, которые мы относим в группу сопутствующих, поскольку они не являются фигурами противопоставления, однако в их природе заложено тождество, что является одним из важных критериев формирования контраста. Основной задачей данных стилистических приемов является функция усиления или выдвижения авторского тезиса в контексте. Поскольку авторский тезис может быть представлен в контрастной форме, постольку стилистические средства сопутствующей группы работают на усиление степени контраста. В нашем диссертационном исследовании мы выделяем образное сравнение, метафору и гиперболу как сопутствующие стилистические приемы контраста, поскольку

именно эти приемы частотны в контексте контраста в политическом дискурсе. Рассмотрим данные стилистические приемы в контексте контраста.

Образное сравнение выступает стилистическим приемом, в котором два понятия, которые зачастую относятся к разным явлениям, сравниваются между собой для выявления особенности, значимой для контекста. Чаще всего данный стилистический прием имеет грамматическое выражение в виде таких слов как like, such as, as, as if, seem like и т.д. Сравнение двух явлений, образов чаще всего основывается на одном признаке, который имеет значение для контекста, в котором он раскрывается. В политическом тексте сравнение выражает субъективное отношения автора, поскольку именно автор выбирает нужный ему признак для сравнения.

В примере, взятом из еженедельной новостной газеты Newsweek, автор статьи использует образное сравнение для усиления авторского тезиса: «Nancy Pelosi is a bit **like** Britain's Margaret Thatcher *in reverse*. Mrs. T. was tough and steely in her public role as prime minister, but womanly, flirtatious, even gossipy, in private. In Pelosi's case, it's *the other way around*»[200] В рассматриваемом макроконтексте автор сравнивает образ спикера палаты представителей США Ненси Пелоси с образом бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тетчер. Данное сравнение, которое образуется при помощи грамматического маркера like, направлено на выявление различия между образами Ненси Пелоси и Маргарет Тетчер. Контраст двух образов создается в макроконтексте лексически (in reverse; the other way around). В данном примере контраст и сравнение работают

[200] Tine Brown on Nency Pelosi [Электронный ресурс] // Newsweek. - May 2009. - URL: https://www.newsweek.com/tina-brown-nancy-pelosi-79745 (дата обращения 23. 09. 2020).

совместно над созданием образа, что, в свою очередь, придает целостность авторской мысли.

Другим стилистическим приемом, который основывается на сходстве признаков двух понятий, выступает метафора. Метафора является объектом исследования лингвистов уже много лет, цели которых направлены на раскрытия механизмов ее образования и восприятия. В нашем диссертационном исследовании мы рассматриваем метафору как стилистический прием, который способствует раскрытию контраста в политическом тексте. Однако при изучении стоит выделить концептуальные основания формирования метафоры, а именно метафорические концепты (типовые способы представления одной предметной области (домена) через другую предметную область (домен)[201]. Метафорические концепты играют ключевую роль в формировании стилистического приема метафоры в контексте, поскольку они создают необходимое образное основание. Метафорические концепты часто выполняются в контрастной форме, что позволяет создать особый контекст контраста, в котором стилистический прием метафоры может быть реализован. Рассмотрим задействование стилистического приема метафоры на примере статьи «Venezuela's democracy is fake, but the government's latest election win was real»[202].

В микроконтексте «Venezuela's opposition *has won* elections *in the past* even when *the playing field was obviously tilted in* the government's favour» мы видим, что автор для описания политической ситуации, сложившейся в государстве, задействует спортивную метафору (he playing field was obviously

[201] Чес Н.А. Концептуальная метафора в политическом медиадискурсе: (на материале английского языка) / Н.А. Чес. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Минестерства иностранных дел Российской Федерации, 2020. – С. 67-90.
[202] Venezuela's democracy is fake, but the government's latest election win was real [Электронный ресурс] / F. Toro // The Washington Post. - October, 2017. - URL: https://clck.ru/editZ (дата обращения: 21.08.22).

tilted in), где политическая арена Венесуэлы сравнивается с игровым полем. В качестве метафорических концептов выступают две противоборствующие команды, которые в микроконтексте репрезентированы противопоставлением «оппозиционный блок/ легитимное правительство» (opposition: government). Задействованная метафора создает метафорическую картину нечестной ситуации, где одна команда заведомо является победителем, поскольку поле наклонено в ее сторону, что позволяет ей одолеть соперника. Однако, несмотря на такое неравное положение, автор уточняет, что команда (оппозиционный блок), которая должна была проиграть, все равно победила в «политической игре». Таким образом, задействованная метафора в контексте контраста не только создает нужную метафорическую картину сложившейся политической ситуации, но и усиливает авторский тезис, что в данной стране оппозиция была сильным игроком против легитимного правительства Венесуэлы.

Еще одним стилистическим приемом, частотно употребляемым в политическом дискурсе, выступает гипербола. Под гиперболой мы понимаем преувеличение с целью выражения эмоционального отношения говорящего к описываемым событиям [203] . В политическом тексте гипербола реализует одновременно два значения: предметно-логическое (за которое в нашем исследование отвечает контраст) и контекстуально-эмоциональные значения слов, т.е. в тексте гипербола не подавляет предметно-логическое значение, а, наоборот, выделяет его за счет появления эмоционально-окрашенных значений. Рассмотрим пример функционирования гиперболы в контексте контраста: The world's leading scientists issued a report warning of total *planetary dystopia* unless we take immediate steps to seriously reduce carbon emissions. **But**, oil and gas

[203] Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. - М: Высшая школа. - 1986. - С. 69.

corporations *dumped tons of dollars* into the 2018 elections to defeat the major initiatives that could have slightly reduced fossil fuel use. For those who actually care about the survival of the human race, the key questions now should be obvious: is there any reason to hope that we will retreat from “drill baby drill” and enact a sane set of climate policies? Or is our country – and, by extension, our species – just going to give up?[204]

В рассматриваемом макроконтексте контекст контраста создается за счет противопоставления двух ситуаций: с одной стороны, это эксперты, которые свидетельствуют об ухудшении экологии на планете; с другой, корпорации по добыче нефти и газа, которые вкладывают огромное количество денег в разработку месторождений и добычу нефти и газа, что приводит к нарушению обещаний снизить потребление ископаемого топлива. На лексическом уровне контраст маркирован при помощи союза but, который создает нужный лингвистический контекст для противопоставления, которое не имеет семантических основание, а, следовательно, имплицитно (scientists: corporations).

Важно отметить, что для выявления имплицитного противопоставления реципиенту также необходимо задействовать фоновые знания об экологической ситуации на нашей планете, а также знание о принятых странами обязательствах по сокращению потребления ископаемого топлива в Париже в 2015 году. Поскольку экологическая ситуация последнее десятилетие всегда стоит на повестке дня, то нежелание принятия обязательств по сокращению добычи топлива вызывает у мирового сообщества отрицательные эмоции, что, в свою

[204] Big Oil v the planet is the fight of our lives. Democrats must choose a side [Электронный ресурс] // The Guardian. - November, 2018. - URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/15/climate-change-democrats-oil-gas (дата обращения: 12.12.2020).

очередь, автор стремится передать в тексте при помощи гиперболы. В данном макроконтексте автор задействует две гиперболы с целью подчеркнуть как сложившуюся фатальную ситуацию на планете (planetary dystopia), так и отношение корпораций к экологической проблеме (dumped tons of dollars). Вовлеченные в контекст контраста гиперболические выражения не нарушают предметно-логическую идею противопоставления, а также эмоционально-окрашены, что способствует созданию более яркого образа ситуации. Следовательно, стилистический прием гиперболы является одним из частотных приемов функционирования контекста контраст, в силу своей возможности сфокусировать внимание аудитории на важных аспектах.

Таким образом, стилистические приемы, участвующие в процессе реализации контраста в политическом дискурсе, делятся на две группы: основные и сопутствующие. Группа основных стилистических приемов (антитеза и оксюморон) формирует контекст контраста в политическом дискурсе. В свою очередь, образное сравнение, метафора, гипербола являются сопутствующими стилистическими приемами, которые усиливают степень контраста в политическом тексте. Анализ примеров контраста в политическом дискурсе показал, что основная группа стилистических приемов контраста направлена на выдвижение субъективно-оценочной позиции автора в тексте и способствуют функции воздействия политического дискурса. Группа сопутствующих стилистических приемов направлена на высвечивание противопоставления, заложенного в контексте контраста политического

дискурса[205]. Более того, мы отмечаем тенденцию к их совместной реализации в одном контексте, а именно тенденция к конвергенции стилистических приемов.

3.2. Конвергенция стилистических приемов как средство усиления степени контраста.

Как нами было отмечено, при изучении контраста в политическом дискурсе наблюдается тенденция к схождению нескольких стилистических приемов, участвующих в процессе реализации контраста. Такое сближение стилистических приемов получило название стилистической конвергенции (лат. convergere - «приближаться», «сходиться»). И. В. Арнольд трактует данный термин как «схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции»[206]. По мнению И.В. Арнольд, особенность стилистической функции заключается в аккумуляции: один и тот же мотив, одно и то же настроение или чувство передается параллельно несколькими средствами[207]. Наше исследование показало, что в контексте контраста происходит конвергенция определенных стилистических приемов, которые способствуют развёртыванию контраста в политическом тексте и раскрытию его стилистического потенциала. При конвергенции стилистические приемы оттеняют друг друга, позволяя выдвинуть на первое место

[205] Локонова А.Е. Лингво-когнитивные инструменты ведения современных медиа войн / А.Е. Локонова, Е.А. Никонова // Казанская наука. – 2023. – №5. – С. 16.
[206] Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И.В. Арнольд. - Л.: Просвещение, 1973. - С. 35.
[207] Там же. С. 35.

противопоставление, заложенное автором в тексте. Границы стилистической конвергенции достаточно сложно определить, поскольку она может осуществляться как в пределах одного предложения, так и в пределах нескольких предложений, абзаца и даже целого текста. Следовательно, стилистическая конвергенция может проявляться во всех дискурсивных моделях, рассмотренных нами ранее.

Анализ диссертационного материала показал, что контраст достигает наибольшего эмоционального воздействия на реципиента в тексте за счет стилистической конвергенции приемов. Рассмотрим примеры стилистической конвергенции в контексте контраста.

В абзаце статьи «A continent in peril»[208], взятом из газеты The Economist, контекст контраста создается за счет темпоральной оппозиции: Today's Europe owes its existence to the United States. **Then,** America fought two world wars on European soil; America diplomacy was *midwife* to what became the European Union; American arms protected western Europe from Soviet invasion; and American statesmen oversaw German unification. **Now**, i*n a dramatic plea* to all Europeans, France's president, Emmanuel Macron, has warn that America is *cutting Europe loose*. The old continent is «*on the edge of a precipice*», he warns».

В настоящем примере контекст контраста образуется за счет темпоральной оппозиции, где автор перечисляет все «положительное», которое США сделали для Европы в прошлом и противопоставляет текущей ситуации, в которой США бросает Европу. Поскольку в макроконтексте отсутствуют

[208] A continent in peril // The Economist. – November 9, 2019. P. 9.

антонимы, то противопоставление является контекстуальным, и образуется за счет формирование двух противопоставленных фреймов.

Первый фрейм (Ф1) образуется за счет описания достижений Америки для Европы: автор подчеркивает, что Европа обязана Америке за свое существование (owes its existence to the United States), и перечисляет за что именно. В данном перечислении автор статьи указывает, что Америка избавила Европу от нескольких угроз (fought two world wars; protected from Soviet invasion) и помогла восстановиться (*midwife* to what became the European Union; oversaw German unification). Следовательно, на основании вышеперечисленного мы можем выделить фрейм remedy (1. Something that corrects or counteracts something undesirable; 2. To remove errors defects, deficiencies of deviations from).

На контрасте с таким положительными моментам автор приводит слова Эммануэля Макрона, который говорит о том, что Америка собирается разорвать отношения с Европой (cutting Europe loose). Фразовый глагол to cut loose имеет несколько значений: 1. to set free from entanglement or difficulty; 2. to hurt the feelings of. Данные значения говорят о том, что США намерены освободиться от тягот опеки Европы, а такое решение Америки принесет Европе вред. Идея вреда подчеркивается выражением «on the edge of a precipice», которое эмоционально подчеркивает фатальную ситуацию для Европы. Следовательно, второй фрейм (Ф2) формируется со значением harm. Оба фрейма противопоставлены друг другу по значению и выступают словарными антонимами.

Таблица 21. М1. Взаимодействие двух фреймов.

Ф1		Ф2
• then	≠	• now
• remedy	≠	• harm

Разработано автором Локоновой А.Е.

Соответственно, данный макроконтекст настраивает читателя на определенный лад. Автор формирует тезис, что Европа не справится без поддержки США. Противопоставление в контексте усиливается посредством ряда стилистических приемов. Так, наречия then: now являются контрастирующими элементами, которые образуют антитезу, противопоставление прошлого и настоящего. При описании действий США для Европы автор использует метафору, называя Америку акушеркой (midwife), тем самым подчеркивая, что Европейский союз обязан своим возникновением, или «появлением на свет», США. Метафора добавляет образности, что позволяет усилить контраст между событиями прошлого и предполагаемого будущего. Более того, характеризуя обращение Эммануэля Макрона к европейцам автор использует гиперболу (a dramatic plea), с целью призвать Европу к незамедлительным действиям (plea - an urgent and emotional request [Cambridge Dictionary]).

Следовательно, в данном макроконтексте статьи реализуется контраст, который развертывается и усиливается за счет стилистической конвергенции. Элементами конвергенции выступают такие стилистические приемы, как антитеза, метафора, гипербола, которые способствуют реализации контраста в политическом тексте, а также способствуют выражению стилистического потенциала контраста.

В политическом дискурсе стилистическая конвергенция приемов, направленных на создание контекста контраста, является нередким случаем, поскольку ее наличие ведет к большей экспрессивности, позволяя выдвинуть авторский тезис на первый план, сделать его очевидным для реципиента. Тем не менее наше исследование показало, что чаще всего зарегистрировано схождение таких приемов как антитеза и образное сравнение (43% из рассмотренных примеров); антитеза и метафора (35%); антитеза, метафора и гипербола (19%). Наиболее редким случаем является схождение оксюморона и метафоры (3%), что можно объяснить экспрессивным характером самого стилистического приема оксюморон, которого достаточно для выдвижения ключевой контрастной позиции. Более того, мы отмечаем, что аккумуляция стилистических приемов в контексте контраста позволяет выполнить функцию воздействия политического дискурса.

Выводы по Главе 2

В соответствии с целью и задачами исследования был проведен анализ формирования и функционирования лингвокогнитивных моделей контраста на языковом материале аналитических статей политического дискурса и были сформулированы следующие выводы:

1. Фреймовый анализ формирования контраста в политическом тексте показал, что для политического дискурса характерно формирование двух когнитивных моделей контраста. *Первая когнитивная модель (М1)* основывается на взаимодействии двух противопоставленных фреймов на базе общего фокуса или терминала/ов. Мы отмечаем, что данная модель имеет эксплицитный характер функционирования в политическом дискурсе, а также отличается частотой употребления (76% примеров приходится на М1).

2. *Вторая когнитивная модель (М2)* отличается характером изменения в самой структуре фреймов – взаимодействие двух фреймов приводит к возникновению нового фокуса, с целью выдвижения нужного автору смысла. Сложных характер данной модели для восприятия отмечается сниженным процентом употребления в политическом дискурсе (24% от общего числа проанализированных примеров), однако задействование модели М2 выгодно выявляет формирование большого количество скрытых смыслов.

3. Рассмотренные когнитивные модели контраста (М1 и М2) отражают процесс формирования контраста в политическом дискурсе. Более того, данные когнитивные модели выступают основой выявления дискурсивных моделей контраста.

4. Исследование позволило выделить *четыре* дискурсивные модели реализации контраста на разных контекстуальных уровнях: микроконтекст, макроконтекст, мегаконтекст, свертекст.

5. *Дискурсивная модель ДМ1* функционирует в границах микроконтекста. Маркерами контраста в данной модели выступают реальные контрастивы (антонимы), поскольку их семантическое взаимодействие эксплицитно для читателя и для раскрытия их семантического потенциала достаточно границ микроконтекста. Следовательно, в реализации дискурсивной модели контраста ДМ1 задействована первая когнитивная модель М1, где семантически антонимы противопоставлены друг другу на базе общего фокуса/терминала.

6. Исследование показало, что для *дискурсивной модели ДМ2* модель функционирует на уровне макроконтекста. Маркерами данной модели являются реальные и потенциальные контрастивы. Данные маркеры могут быть расположены как в непосредственной близости друг к другу, так и удаленно. Данное расположение единиц контраста реализуют авторский замысел, где контактное расположение единиц способствует выдвижению авторской позиции на первый план, а дистантное расположение способствует имплицитной подаче информации в тексте. Мы отмечаем, что в зависимости от характера элементов

контраста и авторского замысла в дискурсивной модели ДМ2 могут быть задействованы две когнитивные модели контраста (М1 и М2).

7. Третья *дискурсивная модель ДМ3* функционирует на уровне мегаконтекста, где формирование контраста происходит при помощи двух когнитивных моделей (М1 и М2). Характерной особенностью реализации настоящей модели является применение стилистических приемов, которые способствуют выражению контраста в мегаконтексте. Мы отмечаем, что выражению контраст в данной модели способствуют стилистические приемы, задействованные для отражения мегатезиса статьи. Следовательно, в модели ДМ3 мы наблюдаем как контраст формирует композиционно-стилистическую структуру целого текста.

8. *Дискурсивная модель ДМ4* функционирует на уровне сверхтекста, где контраст логически и стилистически организует текстовые единицы, включенные в сверхтекст, а также визуальные компоненты, направленные на поддержания контрастного мега-тезиса сверхтекста. Контраст в сверхтексте обладает рядом особенностей: 1) формирование смыслового поля, в которое интегрированы текстовые единицы, включенные в сверхтекст; 2) наличие ключевых слов, которые пронизывают текстовую организацию сверхтекста; 3) в процессе реализации контраста задействуются реальные и потенциальные контрастивы, стилистические приемы, и другие языковые средства, направленные на реализацию мега-тезиса сверхтекста, закодированного в контрастной форме. Мы отмечаем, что формирование и функционирование контраста в модели ДМ4 способствует выражению баланса мнений, который говорит о намерении движения политического текста к созданию видимой объективности.

9. В настоящем диссертационном исследовании мы отмечаем, что стилистические приемы играют важную роль в функционирования контраста в политическом дискурсе. Нами было сформировано две группы стилистических приемов – основная и сопутствующая.

10. Группа основных стилистических приемов, которая представлена антитезой и оксюмороном, которые, в свою очередь, направлены на формирование контекста контраста в политическом дискурсе. Согласно статистике употребления данных стилистических приемов, антитеза является более частотным стилистическим приемов в контексте контраста политического дискурса (93% от общего количества проанализированных примеров), в свою очередь, оксюморон менее частотен для политического дискурса (7% от общего количества проанализированных примеров). Такое яркое процентное «несоотношение» в употреблении стилистических приемов контраста в политическом дискурсе связано с характером самих стилистических приемов: антитеза выступает в качестве сравнения противопоставленных фактов или событий и может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно в зависимости от характера текста и авторской позиции; оксюморон, являясь эксплицитным и эмоционально окрашенным стилистическим приемом, способствует выдвижению контрастного смысла на первый план.

11. Сопутствующую группу стилистических приемов контраста формируют такие приемы как образное сравнение, метафора, гипербола. Анализ примеров контраста в политическом дискурсе показал, что группа сопутствующих стилистических приемов направлена на высвечивание противопоставления, заложенного в контексте контраста политического дискурса.

12. Исследование показало наличие стилистической конвергенции приемов, участвующих в формировании и функционировании контраста. Согласно статистике проанализированных примеров, мы выделяем следующие случаи стилистической конвергенции в контексте контраста: антитеза и образное сравнение (43% из рассмотренных примеров); антитеза и метафора (35%); антитеза, метафора и гипербола (19%); оксюморон и метафоры (3%). Аккумуляция стилистических приемов в контексте контраста направлена на выполнение композиционно-стилистической функции контраста, а также способствует функции воздействия, характерной для политического дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования лингвокогитивных моделей контраста мы рассмотрели теоретические и практические аспекты формирования и функционирования контраста на примере аналитических статей политического дискурса, что позволило решить поставленные в исследовании задачи и наметить шаги дальнейшего развития темы.

Настоящее исследование проводилось на стыке стилистики, прагматики и когнитивной лингвистики, с привлечением данных смежных гуманитарных наук (философии, психологии, культурологии), работа представляет комплексный подход к изучению лингвокогнитивных моделей контраста.

В рамках цели диссертационного исследования нами было сформулировано определение контраста, где контраст представляется как стилистическое явление, которое основано на взаимном противопоставлении синтагматически-соположенных единиц, выступает динамическим противопоставлением двух содержательно-логических планов изложения и задействуется в политическом тексте с целью выдвижения потенциально значимой информации.

Обратившись к данным когнитивной лингвистики, мы рассмотрели теоретические подходы проблемы моделирования и уточнили ключевое понятие модели, где модель есть схема, искусственно созданная лингвистом, имитирующая поведение явления контраста в объекте исследования, с целью изучения процесса его формирования и функционирования в политическом дискурсе.

Изучение теоретической базы по теме исследования позволило сделать выводы о том, что языковым воплощением контраста выступают антонимы, которые именуются как единицы контраста, а стилистическим воплощением – языковые приемы, которые могут быть условно разделены на две группы: основные (антитеза, оксюморон); сопутствующие (сравнение, метафора,

гипербола). Данные выводы нашли подтверждение в ходе практического анализа статей политического дискурса.

Кроме того, уточнив понятие дискурса, мы описали его сферу функционирования в аналитических статьях политического характера и сформулировали понятие политического дискурса, соответствующего цели и задачам исследования. Обратившись к проблеме контраста в политическом дискурсе, мы рассмотрели оппозицию «свой-чужой», которая является сущностным компонентом политики и является одним из элементов формирования контраста в политическом дискурсе, а также выявили дополнительные оппозиции, которые характерны для формирования контекста контраста в политическом дискурсе.

Применение метода фреймового анализа позволила нам выделить две когнитивные модели контраста, которые формируются в политическом дискурсе:

Первая когнитивная модель (М1) формирует контраст в политическом тексте за счет взаимодействия двух фреймов на базе общего фокуса или терминала/терминалов. М1 отличается эксплицитным характером функционирования, поскольку противоположность компонентов ярко выражена в контексте. Взаимодействие двух противопоставленных фреймов отражает авторский тезис и выводит его на первый план для аудитории.

Вторая когнитивная модель (М2) основывается на взаимодействии двух фреймов, в результате которого нефокусный терминал выходит на первый план или в структуре возникает новый терминал, являющийся фокусным. Главным отличием М2 от М1 являются структурные изменения в самих фреймах, а именно возникновение нового фокуса, ключевого для выдвижения авторского смысла.

Контекстуальный анализ политического текста позволил выделить четыре дискурсивные модели реализации контраста, в основе которых лежат рассмотренные ранее когнитивные модели.

Дискурсивная модель контраста в микроконтексте (ДМ1) реализуется на уровне словосочетания или целого предложения. В основе формирования ДМ1

лежит первая когнитивная модель (М1), поскольку границы микроконтекста являются достаточными для ее реализации.

Дискурсивная модель контраста в макроконтексте (ДМ2) выходит за рамки предложения и функционирует в текстовом пространстве, которое является достаточным для адекватного восприятия единиц контраста. Для модели ДМ2 характерно употребление двух когнитивных моделей (М1 и М2). Однако анализ материала исследования показал, что наиболее частотно (83% проанализированных примеров) употребление второй когнитивной модели (М2). Задействованные в формировании контраста единицы могут быть расположены контактно и дистантно, что, в свою очередь, влияет на степень реализации авторского смысла.

Дискурсивная модель контраста в мегаконтексте (ДМ3) реализуется за счет единиц контраста (реальных и потенциальных контрастивов) и стилистических приемов, что в свою очередь способствует созданию контекста контраста. Все элементы контекста контраста взаимодействуют друг с другом с целью отражения мегатезиса статьи, который закодирован в контрастной форме. В основе формирования контраста данной дискурсивной модели могут принимать участие две ранее упомянутых когнитивных модели (ДМ1 и ДМ2).

Дискурсивная модель контраста в сверхтексте (ДМ4) является комплексной моделью, которая может включает в себя три ранее проанализированные дискурсивные модели (ДМ1, ДМ2, ДМ3). Особенностями модели ДМ4 выступает информационное поле, которое образуется на базе основного тезиса, закодированного в контрастной форме. Данный тезис является связующим элементом между текстами, которые выступают элементами сверхтекста. В данной модели контраст выполняет композиционно-стилистическую функцию, то есть контраст упорядочивает все элементы сверхтекста с целью реализации авторского замысла, закодированного в контрастной форме. Основа ДМ4 формируется за счет наличия одной из когнитивных моделей контраста (М1 или М2). Контраст реализуется за счет единиц контраста и стилистических приемов.

В настоящем диссертационном исследовании были выделены стилистические приемы, способствующие реализации контраста в лингвокогнитивных моделях. Данные стилистические приемы были разделены на две группы: основные и сопутствующие. В основную группу стилистических средств входят приемы, которые составляют стилистическую основу контраста (антитеза и оксюморон).

Антитеза является частотным проявлением контраста. Нами было отмечено, что в политическом дискурсе антитеза реализует все три функции, присущие данному стилистическому приему. Более того, антитеза транслирует субъективно-оценочное отношение автора к тем или иным политическим событиям, что соответствует функции воздействия политического дискурса.

Оксюморон отличается от антитезы наличием резкого логического противоречия, когда значение определения по смыслу противоречит или логически исключает значение определяемого. Поскольку оксюморон используется для яркого описания фактов и явлений, что приводит к усилению образности, то данный прием не характерен для политического дискурса. Задействование данного стилистического приема повышает экспрессивность в тексте и ведет к выдвижению субъективной авторской позиции на первый план.

Группа сопутствующих стилистических приемов состоит из средств, в природе которых заложено тождество, что является одним из критериев формирования явления контраст. Основной задачей данных стилистических приемов является функция усиления или выдвижения авторского тезиса в контексте контраста. Наиболее частотными приемами сопутствующей группы реализации контраста являются такие средства как образное сравнение, метафора, гипербола.

Образное сравнение является одной из наиболее продуктивных фигур реализации контраста, поскольку его элементы сравнения всегда эксплицитно выражены в политическом тексте и усиливают контраст, заложений автором.

Метафора позволяет усилить образность контекста контраста, отражает субъективный аспект действительности и создает нужную метафорическую

картину, выгодную для автора. Такие характеристики метафоры позволяют выделить для аудитории противопоставление, заложенное автором.

Гипербола является чрезвычайно экспрессивным стилистическим приемом. Задачами употребления гиперболы в контексте контраста являются выделение авторского тезиса на первый план, а также выражение субъективного авторского мнения, что, в свою очередь, может усилить противоречия, сформированные в контексте контраста.

Нами было отмечено, что две группы стилистических приемов, участвующих в реализации контраста, имеют тенденцию к схождению в одном контексте, тем самым создавая стилистическую конвергенцию. В политическом дискурсе стилистическая конвергенция к большей экспрессивности, позволяя выдвинуть авторский тезис на первый план, сделать его очевидным для реципиента. Более того, такая аккумуляция приемов в контексте контраста позволяет выполнить функцию воздействия политического дискурса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александрова О.В., Кубрякова Е.С. Виды пространств текста и дискурса / О.С. Александрова, Е.С. Кубрякова // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. Под ред. проф. Е.С. Кубряковой, проф. О.В. Александровой. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 15-25.
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
3. Алиева Т.В. Концептуальная оппозиция «свой-чужой» в политическом дискурсе Великобритании (Великобритания-США) / Т.В. Алиева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – №. 11. – С. 216-220.
4. Андреева В.А. Литературный нарратив: дискурс и текст: монография / В. А. Андреева. – СПб.: Норма, 2006. – 182 с.
5. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк) / Ю.Д. Апресян. - М.: «Просвещение», 1966. - С. 100.
6. Аристотель. Политика. Афинская Политика. - М.: Мысль, 1997. - 458 с.
7. Аристотель. Риторика. Кн. 1 // Античные риторики. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. - С 15-69.
8. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. // Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
9. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. - М: Высшая школа. - 1986. - С. 69.
10. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – СПб.: Изд-во С-Пб университета, 1999. – 444 с.
11. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования) / И.В. Арнольд // Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Иностр. Яз.». - М: Просвещение, 1990. - С.
12. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. - М., 2002. - С. 68.

13. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. - М.: Языки русской культуры, 1998. - 896 с.
14. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник: пер. с анг., фр., нем., исп., польск., яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
15. Ахманова, О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О.С. Ахманова// Вопросы языкознания. - 1977. - №3. – С. 47-54.
16. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 87 с.
17. Бажалкина Н.С. Текст в системе дискурса / Н.С. Бажалкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2016. – №1. – С. 16–25.
18. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли // Русск. Перев. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
19. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – С. 206.
20. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов // Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. - С. 6.
21. Барт Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. - 1978. - Вып. 8. – С. 442-462.
22. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л.С. Бархударов. — М.: Высшая школа, 1975. — 156 с.
23. Бархударов Л.С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. - М.: Международ. отношения, 1975. - С. 168.
24. Бахтин М.М. Проблема речевого жанра: сбор. соч. / М.М. Бахтин. – М.: Русские словари, 1996. – С. 159-206.
25. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — Москва: Искусство, 1986. — 258 с.

26. Беляевская Е.Г. Когнитивные параметры стиля / Е.Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. - №1 (022). – С. 22-29.
27. Белявская Е.Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания: (Критерии выбора метода) / Е.Г. Беляевская // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. Научных трудов. - М.: ИНИОН РАН, 2008. - С. 64.
28. Бирюков Б.В., Гастев Ю.А., Геллер Е.С. Моделирование / Б.В. Бирюков, Ю.А. Гастев // Большая Советская Энциклопедия //Т. – 1974. – Т. 16. – С. 393-395.
29. Блох М.Я. Практикум по теоретической грамматике английского языка. Учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки дипломированных специалистов «Лингвистика и межкультурная коммуникация» / М.Я. Блох, Т. Н. Семенова, С. В. Тимофеева. - Москва: Высшая школа, 2004. – 383 с.
30. Богданов В.В. Текст и текстовое общение / В.В. Богданов. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. - 68 с.
31. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса / В.Г. Борботько. – Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 112 с.
32. Бочина Т.Г. Стилистика контраста, Очерки по языку русских пословиц / Т.Г. Бочина - Казань: Изд-во Казан., ун-та, 2002. -196 с.
33. Бочина Т.Г. Стилистические приемы контраста как система с полевой структурой / Т.Г. Бочина // Вестник ТГГПУ. – 2010. - №1 (19). – С. 25-29.
34. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Модель / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 304.
35. Булыгина Т.В. Языкова концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
36. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики / В.В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1981. — 320 с.

37. Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи / С.И. Виноградов // Культура русской речи и эффективность общения. - М.: Наука, 1996. - С. 281 -317.
38. Винокур Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология (методологическая справка) / Г.О. Винокур // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. – Тарту, 1976. – С. 40-52.
39. Гальперин И.Р. О понятиях «стиль» и «стилистика» / И.Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1973. - №3. – С. 14-25.
40. Гальперин И.Р. Стилистика: учебное пособие / И.Р. Гальперин. —М.: Высшая школа, 1971. — 343 с.
41. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. Учебник. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 264.
42. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. — М.: Либроком, 2008. — 137 с.
43. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 376 с.
44. Гийому Ж. О новых проблемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа и дискурса / Ж. Гийому, Д. Мальдидье // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 124 –136.
45. Греймас А.Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / А.Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 336 с.
46. Греймас А.Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А.Ж. Греймас, Ж. Курте. – М.: Радуга, 1983. – С. 483–550.
47. Гуляр Т.Б. Побудительный дискурс. Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц текста / Т.Б. Гуляр. – Тверь: Твер. Гос. ун-т, 1993. — С. 37-43.
48. Гутман Е.М. К вопросу о стилистическом значении антитезы в различных функциональных стилях / Е.М. Гутман // Ученые записки. – Рига, 1970. – С. 715.

49. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. —М.: Прогресс, 1989–312 с.
50. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста / В.З. Демьянков // Всесоюзный центр переводов. Тетради новых терминов. 39. М., 1982.- С.7.
51. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический проект, 2008. – С. 374-393.
52. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения / Ф. Джонсон-Лэрд // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1988. - С. 234.
53. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т.Г. Добросклонская // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. - №13.– С. 181-188.
54. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиа речь): учеб. пособие / Т.Г. Добросклонская. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 264 с.
55. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе. - М.: Наука, 1984. – 302 с.
56. Дымарский М.Я. Текст - дискурс - художественный текст / М.Я. Дымарский // Текст как объект многоаспектного исследования: Сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus». Вып.3. Ч.1. СПб.; Ставрополь: Изд-во Ставроп. ун-та, 1998. - С. 19.
57. Залевская А.А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика / А.А. Залевская // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. Ч.1. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. – С. 6-9.
58. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев – М.: Изд-во Московского университета, 1976. – 308 с.

59. Иванова Е.А. Антонимия в системе языка / Е.А. Иванова. - Кишинев: Штиинца, 1982. – 164 с.
60. Каменская О.Л. Текст и коммуникация / О.Л. Каменская. – М.: Высшая школа, 1990. – 152 с.
61. Карасик В.И. Язык социального института [Электронный ресурс]. - URL: http://www.philologoz.ru/texts/karasik/status20.htm (дата обращения: 08.07.2021).
62. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
63. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. - М.: Гнозис, 2009. - С.278.
64. Карапетян А.А. Принцип интолерантности как психологическая основа экстримистского дискурса: коммуникативные тактики и приемов дискредитации «врага» [Электронный ресурс]. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-intolerantnosti-kak-psihologicheskaya-osnova-ekstremistskogo-diskursa-kommunikativnye-taktiki-i-priemy-diskreditatsii-vraga (дата обращения 12. 07. 2021).
65. Караулов Ю.Н. Общая и русская лексикография / Ю.Н. Караулов. – М., 1993. - №10. – С. 94.
66. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. - 1994. - № 5. - С. 126-139.
67. Кибрик А.А. Функционализм / А.А. Кибрик, В.А. Плунгян // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М.: МГУ, 1997. – С. 276-339.
68. Кравцова Ю.В. Моделирование в современной лингвистике / Ю.В. Кравцова // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – 2015. – №. 77. – С. 181-189.
69. Кодзасов С.В. Интонация контраста и противоречия / С.В. Кодзасов // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – С. 203-212.

70. Колшанский Г.В. Объективная Картина мира в познании и языке. / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
71. Колшанский Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. - М.: Наука, 1980. - С. 47.
72. Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка / В.Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1964. – С. 6-24.
73. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. — М.: Наука, 1975. – 720 с.
74. Конецкая В.П. Социология коммуникации / В.П. Конецкая. - М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1997. - 304 с.
75. Кожевникова О.С. О соотношении понятий «контраст» и «противоречие в исследованиях по стилистике / О.С. Кожевникова // Вестник Красноярского государственного университета: Гуманитарные науки. Выпуск 3/2. – 2006. - С. 204-206.
76. Кожина А.Н. Функциональные типы русской речи / А.Н. Кожина, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.
77. Кожина М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды / М.Н. Кожина. – Москва: ФЛИНТА: НАУКА, 2014. – 620 с.
78. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В.В. Красных. – М.: Гносиз. – 375 с.
79. Кубрякова Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Международной конференции М.:1999. - С. 186-197.
80. Куртин Ж.Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) / Ж. Ж. Куртин // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и порт. - М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. - С. 95-104.
81. Кухаренко В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

82. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику / Д. Лайноз. — М.: Прогресс, 1978.- 543 с.
83. Левковская Н.А. Контраст как стилистически маркированный феномен / Н.А. Левковская // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. №5 (92). – С. 147-155.
84. Левковская Н.А. Контраст, противостояние, конфликт в политическом эссе / Н.А. Левковская // Магия ИННО: лингвистика и лингводидактика в меняющейся системе координат, Москва, 23–24 апреля 2021 года. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет), 2021. – С. 106–113.
85. Левковская Н.А. О диалогичности политического дискурса / Н.А. Левковская // Филологические науки в МГИМО. – 2020. - №1(21). – С. 28.
86. Левковская Н.А. Функциональная значимость сверхтекста / Н.А. Левковская, А. Е. Локонова // Казанская наука. – 2022. - №4. – С. 167–170.
87. Локонова А.Е. Антонимы как единицы контраста в англоязычном политическом тексте / А.Е. Локонова // Успехи гуманитарных наук. – 2022. - №1. – С. 100–103.
88. Локонова А.Е. Когнитивные основания формирования контраста в политическом дискурсе / А.Е. Локонова // Современная лингвистика: от теории к практике. Труды и материалы III Казанского международного лингвистического саммита. Казань. – 2023. – С. 288-291.
89. Локонова А.Е. Композиционная модель газеты как отражение ключевых характеристик издания /Д. Н. Анисимова, У. П. Кузенкова, А. А. Кузнецова [и др.] // Казанская наука. – 2022. - №10. – С. 38-51.
90. Локонова А.Е. Лингво-когнитивные инструменты ведения современных медиа войн / А.Е. Локонова, Е.А. Никонова // Казанская наука. – 2023. – №5. – С. 12-16.
91. Локонова А.Е. Лингвокогнитивные основания формирования контраста в политическом дискурсе / А.Е. Локонова // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов. Тезисы

международной научной конференции. Минский государственный лингвистический университет. Минск. - 2023. – С. 197-199.

92. Локонова А.Е. Способы скрытого языкового воздействия на сознание / И.Г. Игнатьева, А.Е. Локонова // Казанская наука. – 2023. – №6. – С. 20-23.
93. Локонова А. Е. Особенности сверхтекста в политическом дискурсе / А. Е. Локонова// Казанская наука. – 2022. - №4. - С. – 171–173.
94. Локонова А.Е. Роль контраста в организации политического текста / А.Е. Локонова // Герценовские чтения. Иностранные языки. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург. – 2020. – С. 85-87.
95. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Серия семиотических исследований по теории искусства / М.Ю. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
96. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 276 с.
97. Матвиевская Л.А. Контраст и антитеза (на материале произведений М.Ю. Лермонтова) / Л.А. Матвиевская // Русский язык в школе. – М.:1978. - №5. – С. 65-72.
98. Матвиевская Л.А. Оксюморон в творчестве М.Ю. Лермонтова / Л.А. Маивиевская // Русский язык в школе. – М.: 1979. – №4. - С. 67-68.
99. Мартиросян Е.Г. Политическая газетная коммуникация: субъективно-адресные отношения: монография / Е.Г. Мартиросян, Т.В. Поздеева, Т.Б. Самарская. – Краснодар: Диапазон-В, 2016. – 96 с.
100. Менджерицкая Е.О. Дискурсосфера печатных СМИ. Игра на выживание: монография / Е.О. Менджерицкая - Москва: Макс Пресс, 2017. - С. 10.
101. Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса: пособие по спецкурсу / В.А. Миловидов. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 2000. – 98 с.
102. Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория / А.К. Михальская. - М.: Издательский центр “Академия”, 1998. - 432 с.
103. Москвин В.П. Антитеза или оксюморон / В.П. Москвин // Русский язык в школе. – 2000. - №2. – С. 92-93.

104. Морен М.К. Стилистика современного французского языка / М.К. Морен, Н.Н. Тетеревникова.- М., 1970. – С. 246.

105. Наер В.Л. К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка. Вопросы дифференциации и интеграции / В.Л. Наер // Лингвистические особенности научного текста. – М.: Изд-во «Наука», 1981. – С. 3-13.

106. Неуймин Я.Г. Модели в науке и технике: история, теория и практика / Я.Г. Неуймин. - Л.: Эдиториал УРСС, 2004. - С. 45.

107. Никитина С.Е. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. - М.: Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, 1996. - С. 50.

108. Никитина Ю.А. Стилистическая инверсия в газетных и публицистических текстах экономической тематики / Ю.А. Никитина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т.5. - №4(17). – С. 100-102.

109. Новиков Л.А. Оппозитивный метод в поэтике / Л.А. Новиков // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII-й Международной конференции. – М.: Изд-во «СпортАкадемПресс», 1999. – С. 269-279.

110. Новиков Л.А. Противоречие как прием / Л.А. Новиков // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). – М., 1995. – С. 326-334.

111. Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. - М.: Высшая школа., 1982. – С. 17.

112. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1970. - С. 478.

113. Павлович Н.В. Семантика оксюморона / Н. Б. Павлович // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 238-247.

114. Паршин П.Б. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричность применительно к политической лингвистике политической лингвистике [Электронный ресурс]. - URL: http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/ (дата обращения 12.06.2021).

115. Паршин П.Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики [Электронный ресурс]. - URL:http://www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm (дата обращения 01.08.2020).

116. Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка (вступительная статья) / В.В. Петров, В.И. Герасимова // НЗЛ. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 5 - 12.

117. Позднякова Е.М. Анализ концептуальных метафор домен-источника «weather» / «nature» в политическом дискурсе / Е.М. Позднякова / Вестник государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. - № 10. – С. 129-135.

118. Пономаренко Е.В. О функциональной нелинейности английского языка и дискурса / Е.В. Пономаренко // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – №2. – С. 248-254.

119. Попова Н.В., Очерки по когнитивной лингвистике / Н.В. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2001. – 191 с.

120. Постоловская Н.А. Использование контраста в авторских отступлениях в романах Торнтона Уайлдера / Н.А. Постоловская // Интерпретация художественного текста в языковом вузе: Межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1981. – С. 70-88.

121. Ревизин И.И. Модели языка / И.И. Ревизин. - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - С. 8.

122. Риффатер М. Критиерии стилистического анализа / М. Риффатер // Новое в заруб. лингвистике. – Вып. IX. Лингвостилистика. – М., 1980. – С. 69-95.

123. Сгалл П. К программе лингвистики текста / П. Сгалл // Новое в зарубежной лингвистике. - 1978. - Вып. 8. – С. 17-28.

124. Селина Р.В. Антитеза в составе двух и более предложений в публицистике военных лет И. Эренбурга / Р.В. Селина // Вопросы стилистики русского языка. – Иркутск, 1972. – С. 69-78.

125. Серио П. Анализ дискурса во французской школе дискурс и интердискурс / П. Серио // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.- С. 549-562.

126. Соколова Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования / Н.Л. Соколова // Науч. докл. высш. школы. - Филологические науки, 1977. - №6. – С. 41-53.

127. Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров / Г.Я. Солганик, В.Н. Вакуров, Н.Н. Кохтев. – М.: Издательство МГУ, 1981. – 183 с.

128. Солганик Г.Я. Стилистика текста / Г.Я. Солганик. — М.: Флинта, Наука, 1997. — 256 с.

129. Степанов, Ю.С. Семиотика / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1971. –166 с.

130. Степанов Ю.С. Современные связи лингвистики и логики / Ю.С. Степанов // Вопросы языкознания. – 1973. -№4. – С. 62-75.

131. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И.П. Сусов // Языковое общение: процессы и единицы. - Калининград: Калин. гос. ун-т, 1988. – С. 7-13.

132. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке. – М.: Наука, 1991. – С. 36-66.

133. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352 с.

134. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика / З.Я. Тураева. — М.: УРСС, 2012. — 223 с.

135. Тымбай А.А. Прерывание собеседника как технология манипулирования в политическом диалоге / А.А. Тымбай // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сборник науч. тр. – Том 1. – Москва: МГИМО-Университет, 2019. - С.213-218.

136. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.

137. Фуко М. Воля к истине: по сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. - М.: Касталь, 1996. - С. 27.

138. Чес Н.А. Концептуальная метафора в политическом медиадискурсе: (на материале английского языка) / Н.А. Чес. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2020. – 190 с.

139. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СПб. ГУЭФ., 2001. – С. 11-22.

140. Чикилева Л.С. Риторический дискус: когнитивно-прагматический и структурно-стилистический аспекты: монография / Л.С. Чикилева. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 315 с.

141. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие Текст. / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 256 с.

142. Шабес В.Я. Событие и текст: монография / В.Я. Шабес . –М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.

143. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. - Воронеж: Изд-во воронежского университета, 1987. – 192 с.

144. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.

145. Шехтман Н.А. О границах контекста / Н.А. Шехтман // Интерпретация художественного текста в языковом вузе. – Л.:1981. – С. 123-130.

146. Шмелев А.Д. Парадоксы идентификации / А.Д. Шмелев // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. – М., 1990. – С. 33-51.

147. Asher N. Logic of conversation / N. Asher – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 431 p.

148. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller eds. Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. – Bologna: Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna, 1985. - P. 104.

149. Bell A. Approaches to Media Discourse / A. Bell, P. Garrett. – Oxford: Blackwell, 1998. – 304 p.

150. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale: Tome 1 / E. Benveniste. – Paris: Editions Gallimard, 1966. – 356 p.

151. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale: Tome 2 / E. Benveniste. – Paris: Editions Gallimard, 1974. – 350 p.

152. Bolinger D. Contrastive Accent and Contrastive Stress / D. Bolinger. - Language 37, 1961. – P. 83-96.

153. Brown G. Discourse analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 288 p.

154. Chilton P. A. Analysing political discourse: theory and practice / P. A. Chilton. - Routledge; Taylor & Francis, 2004. – 214 p.

155. Chomsky N. Necessary illusions: through control in democratic societies / N. Chomsky. – Boston: South End Press, 1989. – 424 p.

156. Cmejrkova S., (eds.) Writing vs. Speaking: Language, Text, Discourse, Communication / S. Cmejrkova, F. Danes, E. Havlova. — Tübingen, 1994. – P. 333-335.

157. Concoran P.E. Political Language and Rhetoric / P.E. Concoran. - Austin: Univ. of Texas Press, 1979. - P. 13.

158. Cook G. The Discourse of Advertising / G. Cook. - London and New York: Pergamon Press, 1994. - 23 p.

159. Coulthard M. An introduction to discourse analysis / M. Coulthard. – London: Longman, 1977. - 195 p.

160. Critical Discourse Studies (Crit Discrourse Stud) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/journal/Critical-Discourse-Studies-1740-5912 (дата обращения: 11. 12.2021).

161. Cruse D.A. Lexical Semantics / D.A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 196 p.

162. Dijk T.A. van Discourse semantics and ideology / T.A. van Dijk // Discourse & Society.- V. 6 (2). – London: Sage Publications, 1995. – P. 243-298.

163. Dijk T.A. van Context and cognition: Knowledge frames and speech act comprehension // Journal of pragmatics. – 1977. – T. 1. – №. 3. – C. 211-231.

164. Fairclough N. Media Discourse / N. Fairclough. — London: Edward Arnold, 1995. - 214 p.

165. Fairclough I., Fairclough N. Political Discourse Analysis. A Method for Advanced Students/ I. Fairclough, N. Fairclough. - Routledge, 2012. – 275 p.

166. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. – Vol 22 (2). – Cognitive Science Society, Inc., 1998. – p. 133-187.

167. Fillmore Ch. Frames and Semantics of Understanding / Ch. Fillmore // Quaderni di Semantica. -1985. № 7. – P. 29-58.

168. Graber D. Political Languages / D. Graber // Handbook of political communication. – Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. – P. 196.

169. Halliday M. A. K. System and function in language: Selected papers / ed. by G.R. Kress. – London: Oxford University Press, 1976. – 143 p.

170. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday. — Lnd.: Arnold, 2004. — P.189-213.

171. Halliday M.A.K. Cohesion in English / M.A.K. Halliday, R. Hasan. — Lnd.: Longman, 1976. — 374p.

172. Halliday M.A.K. Explorations in the Functions of Language / M.A.K. Halliday. — Lnd.: Edward Arnold, 1976. — 197 p.

173. Halliday M.A.K. The Linguistic Sciences and Language Teaching / M.A.K. Halliday, A. McIntosh, P. Strevens. – London: The English Language Book Society and Longman Group Ltd., 1964. — 322 p.

174. Harris Z.S. Discourse Analysis / Z.S. Harris // Text and Studies in Linguistics and Philosophy. – Vol. 14. - Dordrecht: Springer, 1981. — P. 107- 142.

175. Hoey M. the place of close relational analysis in linguistic description / M. Hoey // English Language Research Journal. – 1983. - Vol. 4. - P. 1-32

176. Kress G. Critical Sociolinguistics // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. R. E. Aher. - Oxford; New York: Pergamon Press, 1994. - 27 p.

177. Lakoff G. Cognitive semantics / G. Lakoff // Meaning and mental representations/ Ed. By U. Eco, M. Santambrogio, P. Violi. – Indianapolis: Indiana University Press, 1988. – P. 119 - 154.

178. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

179. Lakoff R., 'If's, and's, and but's about conjunction' / In C. Fillmore and D. Langendoen (editors) // Studies in Linguistics Semantics. - New York: Holt, Reinhart and Wilson, 1971 - P. 115-150.

180. Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / R. W. Langacker. – Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1991 – 395 p.

181. Lokonova A.E. Discourse models of contrast in political discourse / A. E. Lokonova // We teach – We Touch the Future!: Сборник материалов XXVII Международной конференции Национальной ассоциации преподавателей английского языка, Иваново. 06–08 октября 2022 года. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2022. – P. 171- 174.

182. Lokonova A.E. The specific of contrast in rendering an analytical article / A.E. Lokonova, E.A. Nikonova // 12th International Conference of Education, Research and Innovation ICERI 2019 Proceedings, Valencia, 11-13 November 2019. – Valencia: IATED Academy, 2019. – P. 1624-1627.

183. McHoul A. Discourse // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. R. E. Asher. - Oxford; New York: Pergamon Press, 1994. - P. 940-947.

184. Mey L. J. Pragmatics: An Introduction / L. J. Mey // Concise Encyclopedia of Pragmatics, 1998. – 1165 p.

185. Minsky M.A Framework for Representing Knowledge (Technical Report) / M.A. Minsky. - Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1974. – 76 p.

186. Molnár Valeria Contrast from a Contrastive Perspective / V. Molnár // Proceedings of the ESSLLI 2001 Workshop on Information Structure. Helsinki: University of Helsinki, 2001. – P. 99-114.

187. Murphy M. L., Paradis, C., Willners, C., Jones, S. Discourse functions of antonymy: a cross-linguistic investigation of Sweden and English. [Электронный ресурс]. - URL: https://clck.ru/33RTao (дата обращения 28.03.2022).

188. Onadeko T. Discourse Analysis: The Fundamental / T. Onadeko // Studies in English Language. – Ibadan: Enicrownfit, 2000. – P. 81-104.

189. Parret H. Language and Discourse / H. Parret. – The Hague-Paris: Mouton, 1971. – P. 205

190. Renkema J. The texture of discourse: Towards an outline of Connectivity Theory // Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. - P. 78.

191. Sæbø K.J. Presupposition and Contrast: German aber as a Topic Particle / K. J. Sæbø // Proceedings of "Sinn und Bedeutung", 2002. - № 114. – P. 257-271.

192. Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford: Blackwell, 1994. – 470 p.

193. Schiffrin D. Discourse Markers / D. Schiffrin. — Cambridge, 1987. — 361 p.

194. Spenader J. Antonymy in contrast relations. / J. Spenader, G. Stulp. - In Seventh International Workshop on Computational Semantics, 2007. -V. 3. - p. 100.

195. Stenstrom A.B. An Introduction to Spoken Interaction / A.B. Stenstrom. – London, 1994. – 237 p.

196. Stubbs M. Discourse Analysis / - Chicago: University of Chicago Press, 1983. - 284 p.

197. Tannen D. Perspectives on Silence / D. Tannen. – Norwood, 1985. – 251 p.

198. Widdowson H. G. Discourse Analysis. - Oxford: Oxford UniversityPress, 2007. - P. 136.

199. Yule G. Referential Communication Tasks. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum associates, Inc., Publishers, 1997. - p. 124.

Диссертации и авторефераты

200. Алиева Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой-чужой» в британском политическом дискурсе: автореф. … канд. филол. н.: 10.02.04 / Т.В. Алиева. – Москва, 2013. – 29 с.

201. Андреева Г.В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Г.В. Андреева. – Л., 1984. – С. 9.

202. Атаева Е.А. Лингвистическая природа и стилистические функции оксюморона: на примере английского языка: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Атаева. - М., 1975. – с. 146.

203. Бабаханова Л. Структурно-семантические особенности антитезы как стилистического приема: дис. … канд. филол. наук: 10.00.00 / Л. Бабаханова. – Ташкент, 1967. – 201 с.

204. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста: дис. … доктора филол. наук: 10.02.19 / А. Г. Баранов. – Ростов-на-Дону, 1993. — 182 с.

205. Балахонская Л.В. Языковые антонимы и контекстно противопоставляемые слова как средство создания контраста в произведениях А. Вознесенского: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.В. Балахонская. – Л., 1987. – 17 с.

206. Белявская Е.Г. Семантическая структур слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова: диссертация… доктора филол. наук: 10.02.04 / Е. Г. Беляевская. - М.:1991. - С. 25.

207. Белова Г.М. Лингвистические средства выражения антитезы (на материале французского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Г.М. Белова. - М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1970. – с. 27 с.

208. Блинов Ю.Н. Приемы контраста в идиостиле В. Выготского: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.Н. Блинов. - М., 1994. – 185 с.

209. Боева Н.Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: дис. …д. филол. наук: 10.02.04 / Н.Б. Боева. - М., 2001. - с. 366.

210. Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: дисс. … док. филол. наук: 10.02.01 / Т.Г. Бочина. - Казань, 2003. – С. 449.

211. Введенская Л.А. Проблемы лексической антонимии и принципы составления словаря антонимов: автореф. дис. … док. филол. наук: 10.02.01 / Л.А. Введенская. - Ростов-на-Дону, 1973. – 36 с.

212. Вертаева Л.В. Антитеза как принцип организации художественного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.В. Вертаева. - Минск, 1984. – 22 с.

213. Дмитриев А.Л. Лексико-фразеологические выражения подобия и контраста в поэзии А.А. Ахматовой: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Л. Дмитриева. - М., 1990. – 238 с.

214. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Кибрик Андрей Александрович. – М., 2003. – 90с.

215. Кириллов П.Е. Дискурс М. Фуко как методология анализа современных социальных институтов и процессов: дис. … канд. филолог. наук: 09.00.11 / П.Е. Кириллов. – Москва, 2006. – 139 с.

216. Кузнецова А.В. Фигуры контраста и их функции в творчестве М.Ю. Лермонтова: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / А.В. Кузнецова. - Ростов-на-Дону, 1998. – 158 с.

217. Кун Цзин Текстообразующие функции антонимов в рассказах А.П. Чехова: дис. … канд. филол. наук.: 10.02.01 / Кун Цзин. – М., 2000. - 162 с.

218. Лиао Лее-Иуех Стилистика контраста в автобиографической прозе М. Горького и И. Бунина: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Лиао Лее-Иуех. – СПб., 1999. – 22 с.

219. Маслова В.А. Принцип противопоставления и его реализация в семантике языка (на лексическом материале): дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / В. А. Маслова. – Ош, 1981. – 215 с.

220. Мартынова О.П. Контраст как семантико-функциональная основа художественного текста: на примере текста англоязычного короткого рассказа: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / О. П. Мартынова. – М., 2006. – 175 с.

221. Матвиевская Л.А. Стилистическое использование антонимов (на материале произведений М.Ю. Лермонтова): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.А. Матвиевская. – М., 1978. – 26 с.

222. Парастаев Г.Н. Лексико-семантические особенности американского политического дискурса: на примере исторических и общественно-политических реалий: дис. … к. филол. н.: 10.02.04 / Г.Н. Парастаев. – М., 2012. – 209 с.

223. Пастухова В.Я. Парадигматическая и синтагматическая связность компонентов оксюморонного сочетания: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Пастухова В.Я. – Ростов-на-Дону, 1980. – 22 с.

224. Петрова Е.А. Лексика американских и британских газет в аспекте языка города: автореф. дис. … канд. филол. наук.:10.02.04 / Е. А. Петрова. – Курск, 2009. – 23 с.

225. Пронина Е.С. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе: автореф. дисс. … к. филол. н.: 10.02.04 / Е.С. Пронина. – М., 2015. – 29 с.

226. Седых Э.В. Контраст в поэзии как один из типов выдвижения (на примере циклов стихотворений «Песни Неведения» и «Песни Познания» Уильяма Блейка): дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Э.В. Седых. – СПб., 1997. – 208 с.

227. Селина Р.В. Лексические средства создания контраста в публицистике военных лет 1941–1945: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Р.В. Селина. – Л., 1977. – 14 с.

228. Станиславская С.А. Контраст как принцип организации поэтического текста (на материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева): дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / С.А. Станиславская. – Саратов, 2001. – с. 193.

229. Степанова Н.Ю. Контраст как средство создания комического эффекта (лингвостилистический аспект): дис. … канд.филол.наук: 10.02.04 / Н.Ю. Степанова. - Коломна, 2009. - С. 56.

230. Торосян М.С. Феномен контраста в аспекте концептуальной организации художественного текста: на материале языка послевоенной прозы: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / М.С. Торосян. – Ставрополь, 2005. – 184 с.

231. Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: дис. … док. филол. наук: 10.02.19 / Т.А. Фесенко. – М., 1999. – 364 с.

232. Feltracco A. Lexical Opposition and Discourse Contrast: A Data-driven Investigation, Ph.D. thesis. University of Bergamo, 2018.

Энциклопедии и словари

233. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. - URL: https://clck.ru/33RSXU (дата обращения 20. 09. 2021).

234. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. - URL: http://bse.sci-lib.com (дата обращения 20. 09. 2021).

235. Бочкарев А.Е. Семантический словарь. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. – 197 с.

236. Лингвистический энциклопедический словарь. – 2-е изд., - М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – С. 238.

237. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

238. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. - URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (дата обращения 13. 12. 2022).

239. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. - Cambridge: Cambridge University Press, 1994. - 104 p.

240. Dictionary by Merriam-Webster [Электронный ресурс]. - URL: https://www.merriam-webster.com (дата обращения 13. 12. 2022).

241. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. - URL: https://www.macmillandictionary.com (дата обращения 13. 12. 2022).

Источники языкового материала

242. A fractured and crowded field // The Spectator. – June 2019. – P. 12.

243. After the chaos in Kabul // The Times. - September 2021. - P. 15.

244. Ash T. G. Angela Merkel has faced down Russian bear in the battle for Europe [Электронный ресурс]. - URL: https://clck.ru/33RRhX (дата обращения: 28.06.2020).

245. Big Oil v the planet is the fight of our lives. Democrats must choose a side [Электронный ресурс]. - URL: https://clck.ru/ (дата обращения: 12.12.2020).

246. Britain’s financial health : five things to look out for [Электронный ресурс]. - URL: https://www.independent.co.uk/voices/britain-s-financial-health-five-things-to-look-out-for-a7009246.html (дата обращения: 04.01.2020).

247. Children in poverty 'as happy as more affluent classmates' [Электронный ресурс]. - URL: https://www.theguardian.com/society/2010/dec/23/children-in-poverty (дата обращения: 13.09.2021).

248. Climate policy robs the world’s poor of their hopes [Электронный ресурс]. - URL: https://www.ft.com/content/fe4fc7ec-9ee2-11e3-8663-00144feab7de (дата обращения: 01.11.2020).

249. Enemies within, enemies without // The Economist. - September 2001. - P. 24.

250. Ever closer together, rarely as far apart // The Economist. – March 2012. – P.25.

251. Forsyth, J. Can the Tories save themselves? / J. Forsyth // The Spectator. – July 2019. – P.13.

252. Freedom is slavery [Электронный ресурс]. - URL: https://www.economist.com/buttonwoods-notebook/2014/04/21/freedom-is-slavery (дата обращения: 01.04.2020).

253. Hussein A. Tahrir Square clashes pit Mohamed Morsi supporters against opponents [Электронный ресурс]. - URL: https://clck.ru/33RS82 (дата обращения: 18.03.2021).

254. In Biden, China Sees an ‘Old Friend ’and Possible Foe [Электронный ресурс]. - URL:https://www.nytimes.com/2020/09/22/world/asia/biden-china-election-trump.html (дата обращения 18.01.2021).

255. In Britain, the rich are richer but the poor far poorer than in Europe [Электронный ресурс]. - URL: https://clck.ru/UV4nw (дата обращения: 13.09.2021).

256. It’s very easy to redraw the map; it’s very hard to bring people into it // The Economist. – November 2020. – P. 43.

257. Koukoulas S. The next election is as much about Labor v Liberals as young v old [Электронный ресурс]. - URL: https://clck.ru/33RSCN (дата обращения: 18.03.2021).

258. Newt Gingrich Democrats want to brainwash next generation [Электронный ресурс]. - URL: https://clck.ru/33RSDA (дата обращения: 15. 01.2021).

259. No run on the banks in Athens, but Greeks now want compromise [Электронный ресурс]. - URL: https://clck.ru/33RSEF (дата обращения: 30.09.2021).

260. Petri A. What really happened at the Trump-Ryan meeting [Электронный ресурс]. - URL: https://www.washingtonpost.com/ (дата обращения 13.08.2021).

261. Relief cannot disguise this moment of self-harm // The Independent. – December 2019. – P. 6.

262. Rentoul J. Boris Johnson is in trouble inside and outside his own party // The Independent. – June 2020. – P.25.

263. The ecstasy and agony [Электронный ресурс]. - URL: https://www.theguardian.com/society/2000/sep/19/drugsandalcohol.drugs (дата обращения: 01.12.2020).

264. The Guardian view on Russia: neither a partner nor an enemy [Электронный ресурс]. - URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/nov/01/the-guardian-view-on-russia-neither-a-partner-nor-an-enemy (дата обращения: 29.12.2019).

265. The loss of El Dorado // The Economist. - September 2015. - P.9.

266. The most dangerous place on Earth // The Economist. -May 2021. – P. 7.

267. The new tribes // The Economist, June 2019. – P.17.

268. The opposition between George Bush and Trump? // Nation. - January 2021. - P.8.

269. Tine Brown on Nency Pelosi [Электронный ресурс]. - URL: https://www.newsweek.com/tina-brown-nancy-pelosi-79745 (дата обращения 23. 09. 2020).

270. Venezuela’s democracy is fake, but the government’s latest election win was real [Электронный ресурс]. - URL: https://clck.ru/editZ (дата обращения 23. 09. 2020).

271. Zhou N. Female environment at Australian universities dropped by 86’000 in 2020 as ‘pink recession ’hit [Электронный ресурс]. - URL: https://www.theguardian.com/australianews/2020/nov/12/female-enrolment-at-australian-universities-dropped-by-86000-in-2020-as-pink-recession-hit (дата обращения: 29.12.2019).